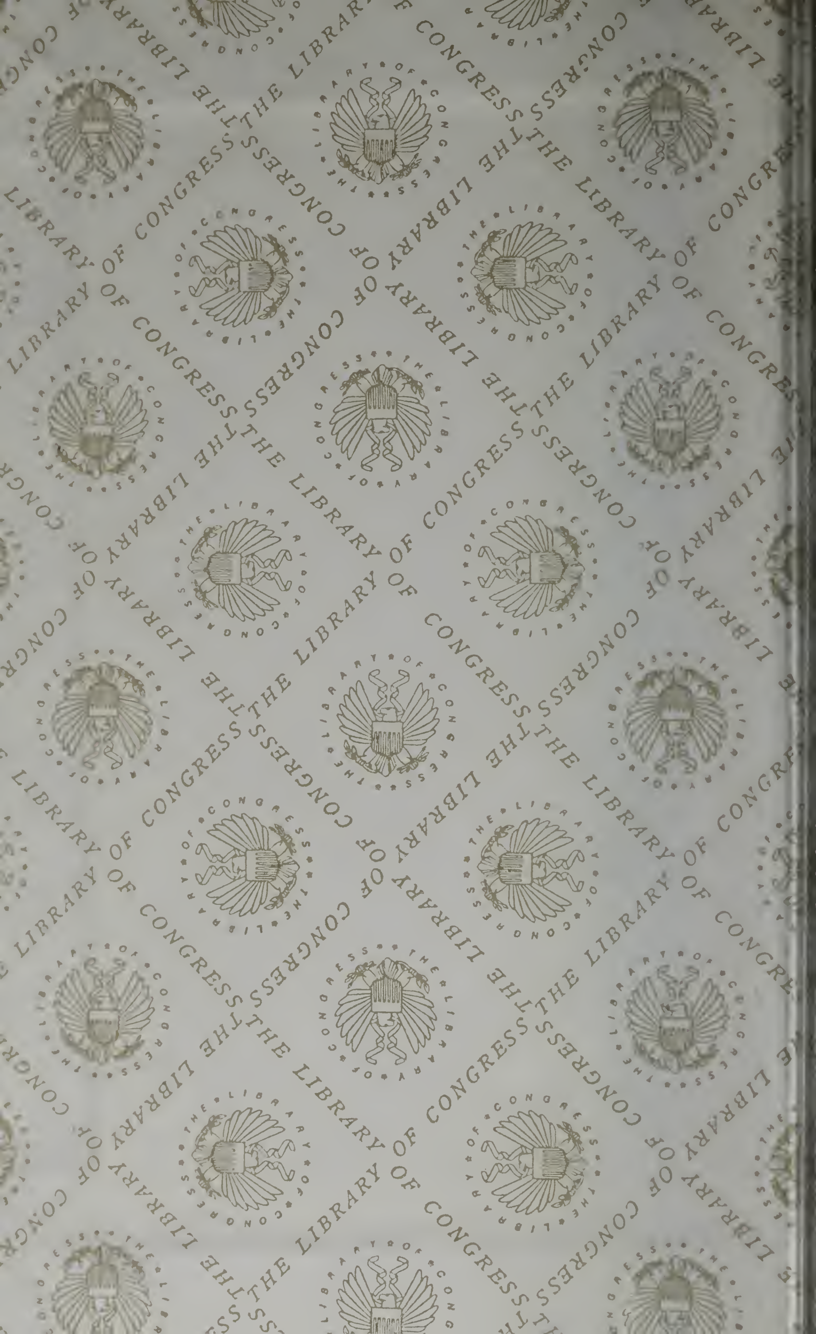

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ. 23 Января 1853 года.

Ценсоръ *А. Крыловъ.*

Rastopchin, Fedor Vasil'evich, graf

Sochineniia

СОЧИНЕНІЯ

РАСТОПЧИНА

(ГРАФА ѲЕОДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА).

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ДМИТРІЕВА.

1853.

Цѣна за одинъ томъ одинъ рубль серебромъ.

МЫСЛИ ВЪ СЛУХЪ

НА

КРАСНОМЪ КРЫЛЬЦѢ.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

—

Ефремовской дворянинъ Сила Андреевичъ Богатыревъ, отставной Подполковникъ, израненной на войнахъ, три выбора предводитель дворянской и Кавалеръ Георгіевской и Владимірской, отправился изъ села Зажитова, по случаю Милиціи въ Тулу для закупки ружей, и узнавъ о побѣдѣ подъ Прейсишъ-Эйлау проѣхалъ въ Москву, для развѣдыванія о двухъ сыновьяхъ, братѣ и племянникѣ, кои служатъ на войнѣ. Отпѣвъ молебенъ за здравіе Государя, и отстоявъ набожно обѣдню въ Успенскомъ Соборѣ, по выходѣ, въ прекрасный день сѣлъ на Красномъ Крыльцѣ для отдохновенія, и преисполненъ бывъ великими произшествіями, славою Россіи и своими замѣчаніями, положа локти на колѣна, поддерживая сѣдую голову руками, сталъ думать въ слухъ — тако:

Господи помилуй! да будетъ ли этому конецъ? долго ли намъ быть обезьянами? Не пора ли опомниться, приняться за умъ, сотворить молитву, и плюнувъ, сказать Французу: згинь ты, дьявольское навожденіе! ступай въ адъ, или въ свояси, все равно, только не будь на Руси.

Прости Господи! ужь ли Богъ Русь на то создалъ, чтобъ она кормила, поила и богатила всю дрянь заморскую, а ей кормилицѣ и спасибо никто не скажетъ. Ее жъ бранятъ всѣ не на животъ, а на смерть. Пріѣдетъ Французъ съ висилицы, всѣ его наперехватъ, а онъ еще ломается; говоритъ: либо принцъ, либо богачь, за вѣрность и Вѣру пострадалъ, а онъ собака холопъ, либо купчишка, либо подъячій, либо попъ разстрига, отъ страха убѣжалъ изъ своей земли. Поманерится недѣли двѣ, да и пустится либо въ торгъ, либо въ воспитанье, а иной и грамотѣ та плохо знаетъ.

Боже мой! да какъ же предки наши жили безъ Французскаго языка; а служили Вѣрой и правдою Государю и Отечеству, не жалѣли крови своей, оставляли дѣтямъ въ наслѣдство имя честное и помнили заповѣди Господни и присягу свою? За то имъ слава и Царство небесное!

Спаси Господи! чему дѣтей нынче учатъ! выговаривать чисто по Французски, вывертывать ноги и всклокачивать голову. Тотъ и уменъ и хорошъ, котораго Французъ за своего брата приметъ. Какъ же имъ любить свою землю, когда они и Русской языкъ плохо знаютъ? Какъ имъ стоять за Вѣру, за Царя и за Отечество, когда они закону Божьему не учены и когда Русскихъ считаютъ за медвѣдей? Мозгъ у нихъ въ тупеѣ, сердце въ рукахъ, а душа въ языкѣ; понять не льзя что врутъ и что дѣлаютъ. Всему свое названье: Богъ помочь, *Bon jour*; отецъ, *Monsieur*; старуха мать, *Maman*; холопъ,

Mon ami; Москва, *Ridicule*; Россія, *Fi donc*. Сущіе дѣти и духомъ и тѣломъ, такъ и состарѣются.

Господи помилуй! только и видишь, что молодежъ одѣтую, обутую по Французски; и словомъ, дѣломъ и помышленіемъ Французскую. Отечество ихъ на Кузнецкомъ мосту, а Царство небесное Парижъ. Родителей не уважаютъ, стариковъ презираютъ, и бывъ ничто, хотятъ быть все. Завелись филантропы и мизантропы. Филантропы любятъ людей, а разоряютъ мужиковъ; мизантропы отъ общества людей убѣгаютъ въ трактиры. Старухи и молодыя сошли съ ума. Все стало каша кашей. Бѣгутъ за мужъ за Французовъ и гнушаются Русскими. Одѣты какъ мать наша Евва въ раю, сущія вывѣски торговой бани, либо мяснаго ряду. Даже и Чухонцы сказываются Лифляндцами, а эти Нѣмцами. Охъ тяжело! дай Боже сто лѣтъ здравствовать ГОСУДАРЮ Нашему, а

жалъ дубины Петра Великаго, взять бы ее хоть на недѣльку изъ кунстъ-камеры, да выбить дурь изъ дураковъ и дуръ. Господи помилуй, согрѣшилъ грѣшной.

Прости Господи! все по Французски, все на ихъ манеръ; пора уняться; чего лучше быть Русскимъ, не стыдно нигдѣ показаться, ходи носъ въ верхъ, есть что поразсказать, а слушать иной хоть не радъ да готовъ. Вить что за люди къ намъ ѣздятъ, и кому дѣтей своихъ мы ввѣряемъ! Того и смотримъ, чтобъ хорошо выговаривалъ, а впрочемъ хоть иконы обдери, ей-Богу, стыдъ! Во всѣхъ земляхъ по Французски учатся, но для того, чтобъ умѣть писать, читать, и говорить внятно. Ну! не смѣшно ли нашему дворянину покажется, естьли бы Русской языкъ въ такой модѣ былъ въ иныхъ земляхъ, какъ Французской; чтобъ псарь Климка, поваръ Абрашка, холопъ Вавилка, прачка Грушка, и непотребная дѣвка Луш-

ка стали воспитывать благородныхъ дѣтей и учить ихъ доброму. А вотъ съ позволенія сказать это то у насъ лѣтъ ужъ тридцать какъ завелось, и по нещастью не выводится. Дожить, ей Богу, до бѣды.

Владыко мой! да чего отцамъ и матерямъ хочется? чего у насъ нѣтъ? все есть, или быть можетъ. ГОСУДАРЬ милосердый, дворянство великодушное, купечество богатое, народъ трудолюбивый. Россія извѣстна лѣтъ съ полтораста. А какія великія люди въ ней были и есть! Воины: Шуйской, Голицынъ, Меньщиковъ, Шереметевъ, Румянцовъ, Орловъ и Суворовъ; спасители отечества: Пожарской и Мининъ; Москвы: Еропкинъ; главы духовенства: Филаретъ, Ермогенъ, Прокоповичь и Платонъ; великая женщина дѣлами и умомъ Дашкова; министры: Панинъ, Шаховской, Марковъ; писатели: Ломоносовъ, Сумароковъ, Херасковъ, Державинъ, Карамзинъ, Нелединской, Дмитрієвъ и Богдановичь.

Всѣ они знали и знаютъ Французской языкъ, но никто изъ нихъ не старался знать его лучше Рускова.

Царь небесный! мало этова, вотъ еще вамъ. Слушайте что такое Русь. ГОСУДАРЬ пожелалъ милиціи, и явилась; да какая! не двадцать тысячь, не пятдесятъ, не осудите, шесть сотъ двѣнадцать! одѣта, обута, снаряжена и вооружена; а кто начальники? кто чиновники?—Рускіе дворяна, вѣрные слуги Государскія, вѣрныя сыны Отечества, съ грудью гордою, съ рукою сильною. Потѣшили духъ предковъ своихъ, кои служили Вѣрой и правдою подъ Казанью, подъ Полтавой, подъ Каменной Москвой; миліоны посыпались, всѣ вооружилися; и отъ Ледянаго моря до Чернова, отъ сердца и души закричали: всѣ готовы, идемъ и побьемъ!

Господи помилуй! да что за народъ эти Французы! копѣйки не стоитъ! смотрѣть не на что, говорить не о чемъ. Вретъ чепуху,

ни стыда, ни совѣсти нѣтъ. Языкомъ пыль пускаетъ, а руками все забираетъ. За котораго не примись, либо философъ, либо Римлянинъ, а все наровитъ въ карманъ; трусливъ какъ заяцъ, шалостливъ какъ кошка; хоть не много дай воли, тотчасъ и напроказитъ. Да вотъ то бѣда, что наша молодежъ читаетъ Фоблаза, а не Исторію; а то бы увидѣла, что въ Французской всякой головѣ вѣтреная мельница, гошпиталь и сумашедшей домъ. На дѣлахъ они плутишки, а на войнѣ разбойники; два лишь правила у нихъ есть, *все хорошо, лишь бы удалось. Что можно взять, то должно прибрать.* Хоть не много по шерсти погладятъ, то и бунтъ. Вить что проклятыя надѣлали въ эти двадцать лѣтъ! все изтребили, пожгли и раззорили. Сперьва стали умствовать, потомъ спорить, бранится, драться; ничего на мѣстѣ не оставили, законъ попрали, начальство уничтожили, храмы осквернили, Царя казнили, да какого Царя!—Отца. Головы рубили, какъ капусту;

всѣ повелѣвали, то тотъ, то другой злодѣй. Думали что это будто равенство и свобода, а никто не смѣлъ рта разинуть, носу показать и судъ былъ хуже Шемякина. Только и было два опредѣленія: либо въ петлю, либо подъ ножъ. Мало показалось своихъ рѣзать, стрѣлять, топить, мучить, жарить и ѣсть, опрокинулись къ сосѣдямъ, и почали грабить и душить Нѣмцовъ и Венгерцовъ, Италіанцовъ и Гишпанцовъ, Голландцовъ и Швейцарцовъ, приговаривая: послѣ спасибо скажете. А тамъ явился Бонапартъ; ушолъ изъ Египта, шикнулъ и все замолчало. Погналъ Сенатъ въ зашей, забралъ все въ руки, запрегъ и военныхъ и свѣтскихъ и духовныхъ и сталъ погонять по всѣмъ по тремъ. Сперва стали роптать, потомъ шептать, тамъ головой качать, а наконецъ кричать: шабашъ республика! давай Бонапарта короновать, а ему-то и на стать. Вотъ онъ и сталъ глава Французская, и опять стало свободно и равно всѣмъ, то есть: плакать и

крехтѣть, а онъ какъ угорѣлая кошка и пошелъ метаться изъ углу въ уголъ, и до сихъ поръ въ чаду. Чему дивить: жарко натопили, да скоро закрыли. Революція пожаръ, Французы головешки, а Бонапарте кочерга. Вотъ отъ тово-то и выкинуло изъ трубы. Онъ и пошолъ драть. Италію разграбилъ, двухъ Королей на острова отправилъ, Цесарцовъ обдулъ, Прусаковъ до нага раздѣлъ и разулъ, а все мало! весь міръ захотѣлъ покорить, что за Александръ Македонскій? Мужичишка въ рекруты не годится, ни кожи, ни рожи, ни виденья, разъ ударить, такъ слѣдъ простынетъ и духъ вонъ; а онъ таки лезетъ впередъ на Рускихъ. Ну, милости просимъ! Лишь перешелъ за Вислу и стали бубнова Короля катать, подъ Пултускомъ по щекѣ, сталъ покашливать, подъ Эйлау по другой и свѣту Божьева не взвидѣлъ. Думалъ потѣшными своими удивить, а наши армейскія такъ ихъ утѣшили, что только образцовыхъ пустили живыхъ.

Слава тебѣ, Россійское побѣдоносное Христіанское воинство! Честь ГОСУДАРЮ нашему, и Матушкѣ Россіи! Слава вамъ, герои Россійскія: Толстой, Кожинъ, Голицывъ, Докторовъ, Волконской, Долгорукой! Вѣчная память, юноша храброй Голицынъ! Молодые у тебя научатся, братья тебѣ позавидуютъ, старики воздохнутъ не разъ, раздѣлятъ печаль тяжкую съ отцомъ твоимъ, матерью и не скроютъ отъ нихъ слезы горькія о нещастной судьбѣ твоей. Радуйся Царство Руское! Всемірной врагъ предъ тобою уклоняется, богатырской твоей силою истребляется! Онъ пришолъ, какъ свирепой левъ, хотѣлъ все пожрать, теперь бѣжитъ, какъ голодной волкъ, только озирается и зубами пощолкиваетъ. Не щади звѣря лютова, тебѣ слава и вѣнецъ, ему срамъ и конецъ. Ура Рускіе! вы одни молодцы. Побѣда предъ вами, Богъ съ вами, Россія за вами.

За симъ Сила Андреичь взвелъ съ востор-гомъ глаза къ небу, слезы покатились изъ нихъ на землю, и смѣшались въ ней съ сле-зами радости и печали пролитыми въ тече-ніи двухъ вѣковъ на мѣстѣ семъ сынами Отечества; потомъ, онъ всталъ, посмотрѣлъ на Кремль, вынулъ табакерку съ Полтав-скою медалью, перекрестился и пошелъ въ Спаскія ворота домой.—Миръ съ тобой Сила Андреичь — многія тебѣ лѣта здравствовать.

ПИСЬМО

СИЛЫ АНДРЕЕВИЧА БОГАТЫРЕВА,

КЪ ОДНОМУ ПРІЯТЕЛЮ ВЪ МОСКВѢ.

Любезной другъ, Кузьма Филатычь!

Получая отъ скуки Московскія газеты, увидѣлъ, что я напечатанъ и расхваленъ безъ спросу, Господь вѣдаетъ, по какой причинѣ. Не мудрено, что меня кой кто въ Москвѣ знаетъ, потому что многія честныя люди по милости своей не оставляютъ, а какъ подслушали что у меня въ головѣ бродило, то это право диковина. Видно много праздношатающихъ, или уши длиннѣй стариннова стали, или я и заправду таки рѣчи говорилъ. Ну, да что за бѣда, Господи помилуй! я мужикъ старой; кто осудитъ ему же стыдно будетъ. Бранить не диковина, да было бы за что? А у меня что на умѣ, то и на

языкѣ. Каковъ въ колыбелку, таковъ и въ могилку. Какъ я прочиталъ, что меня хвалятъ, то сказалъ, ба! опять въ честь попалъ. Смотри пожалуй! дай Богъ, чтобъ въ прокъ пошло. Подслушивать охотниковъ много, и слушать таки есть, а слушаться мало. Право такъ! я радъ сидя разговаривать одинъ, пусть говорятъ, что съ ума сошелъ, отъ слова ничево не подѣится, дай Богъ мнѣ доброе здоровье, а имъ типунъ на языкъ. Согрѣшилъ грѣшной! Ну да это бы все и такъ и сякъ, да вотъ что больно. Зачѣмъ перекроили меня, вить я думалъ что хотѣлъ, а другой изволилъ придумать иное. Кто просилъ? Инова всунули, другова вытолкнули, а тамъ оговорка: жеска дискать рѣчь. И вѣдомо такъ, вить правда не пуховикъ. Это нынче изъ нее дѣлаютъ помалу. Про меня грѣхъ сказать, что мягко стелитъ да жоско спать. И ужъ вышло мнѣ Красное Крыльцо сокомъ! въ кои та вѣки присѣлъ отдохнуть, на немъ потелъ, да и отъ него потею. Го-

споди помилуй, да будетъ ли этому конецъ! а про васъ то слово, я говорилъ дѣло. Пусть мои рѣчи толкуютъ, да своихъ не примѣшивай.

А я мой другъ по отпускѣ сего письма живъ и здоровъ. Ѣздилъ нарочно въ Калугу смотрѣть плѣнныхъ Французовъ. Какъ гусей стадами гонятъ. Насмѣшили проклятые, оборваны какъ нищія; видно у нихъ комиссріату нѣтъ, и что за мѣлочь! что за худерба! любымъ въ курилку играй. Ну ужъ настоящей народъ заморской. Всѣ обросли бородами, да и не диви, съ каторги! ради что въ полонъ попались. Ужъ тутъ не до цукерброту. Такъ ржаной хлѣбъ уписываютъ, что за ушьми пищитъ. А нахальство все есть. Одинъ увидѣлъ меня въ мундирѣ говоритъ, бонъ журъ капитенъ! Ужъ я такъ ему спустилъ, не захотѣлъ рукъ марать. Богъ и Кашиа живова оставилъ на свѣтѣ. А милиціонныя наши такъ и валяются со смѣху. Спрашиваютъ, гдѣ остальные? Хотятъ до тѣхъ

добраться. Одинъ крикнулъ Французу на ухо, ура! а онъ и оземь, только ножками подрягиваетъ. Хорошъ воинъ! да ихъ шапками замѣчутъ. Только боюсь, чтобъ плѣнныхъ то не разобрали по домамъ въ учители. Вотъ ужъ будетъ бѣда. Тогда и я скажу Фидонъ. Прощай другъ сердечной!

Твой доброжелательной,
Сила Богатыревъ.

А сынъ Лёвушка пишетъ, что на третій день послѣ баталіи, опять при ротѣ. Въ этомъ путь будетъ. Его ранили въ руку, да голову порубили; говоритъ, что кровью было изошелъ — туда ей и дорога — за Отечество.

29 Апрѣля, 1807 года.
Село Зажитово.

ВѢСТИ,

или

УБИТОЙ ЖИВОЙ

КОМЕДІЯ

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

СИЛА АНДРЕИЧЬ БОГАТЫРЕВЪ.

НАТАЛЬЯ СЕМЕНОВНА, жена его.

ФОКА ФЕКЛИСТЫЧЬ ГОРЮНОВЪ, дальній родственникъ и кумъ Богатырева.

МИХАЙЛА ФЕДОРЫЧЬ РАЗВОЗОВЪ.
НИКОЛАЙ ИВАНЫЧЬ ПУСТЯКОВЪ.
МАРЕМЬЯНА БАБРОВНА НАБАТОВА.
} знакомые въ домѣ Богатырева.

ПЕТРЪ АЛЕКСѢИЧЬ ПОБѢДИНЪ, женихъ дочери Богатырева.

КАШПАРЪ БОГДАНЫЧЬ МОРЕНКОПФЪ, докторъ.

ЕВГРАФЪ ГАРДЕИЧЬ ПЕГАСОВСКІЙ, стихотворецъ.

ГАНЦБЛУТЪ и два слуги безъ рѣчей.

Дѣйствіе въ Москвѣ, въ домѣ Богатырева.

Театръ представляетъ гостиную комнату, чисто прибранную. Напереди столъ и нѣсколько креселъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

БОГАТЫРЕВЪ И ГОРЮНОВЪ.

БОГАТЫРЕВЪ.

И! да полно, братецъ! ужъ ты на меня тоску нагналъ. Охъ! да охъ! всё крехтишь да стонешь.—Дай мнѣ и себѣ покой. Опомнись, другъ сердечной! Что тебѣ за вздоръ въ голову лезетъ? ты дворянинъ, мужикъ здоровой, а все охаешь, какъ будто у тебя колотье въ боку.

ГОРЮНОВЪ.

Нѣтъ съ, я, благодаря Бога! здоровъ; а чтобъ спокойну быть, то воля ваша, Сила Андреичь, это не натурально.

БОГАТЫРЕВЪ.

Да вѣдь я не люблю съ тобою объ этомъ разговаривать. Тебѣ что ни говори, а ты свое несешь. Не хотя разсердишься, право такъ. Ну что за бѣда война? развѣ это перьвая? Для другихъ она страшна, а намъ дудки.

ГОРЮНОВЪ.

Да какъ по чужой-та дудкѣ запляшешь, да еще и въ присядку....

БОГАТЫРЕВЪ.

Пустое, кумъ! Вѣдь ты былъ въ Петербургѣ въ арсеналѣ? Ну, какой краской стѣны выкрашены, скажи?

ГОРЮНОВЪ.

Стѣны? *(задумавшись)* Дай Богъ память! да стѣнъ не видно; всѣ знаменами завѣшаны.

БОГАТЫРЕВЪ.

Ну, вотъ тебѣ и лекарство отъ страха! Эти знамена чужія, взяты на войнѣ, и послѣ каждой государство и слава наша увеличивались. Зависть и злоба противъ Россіи всѣхъ вооружали; а Руские ихъ били, гнали и слѣдъ заметали.

ГОРЮНОВЪ.

Не ужъ ли, батюшка, знаменами?

БОГАТЫРЕВЪ.

Фу, какой дуракъ! *(ему)* да—да, знаменами.

ГОРЮНОВЪ.

Конечно съ! кто противъ этого споритъ? Россія—она всё Россія, откуда не зайди. И заправду, Сила Андреичь! намъ нечего бояться; скажите по совѣсти, какъ съ?

БОГАТЫРЕВЪ.

Ну права, кумъ! ты меня осердишь. Развѣ

я боюсь говорить правду? я другаго языка не знаю. Да посмотри ты, упрямое животное! что была Россія прежде и что она теперь? И Днестръ у насъ течетъ, и Черное море у насъ, и Балтійское, и Польша, и Крымъ, и Лифляндія, и Эстляндія, и Финляндія, и Курляндія, все въ нашей межѣ. О матушка Россія! проволокли цѣпь дѣтушки твои богатырскими руками; отмежевались живымъ урочищемъ; поставили, вмѣсто столбовъ, памятники побѣдъ, вмѣсто межника, могилы враговъ твоихъ. Сто лѣтъ не была нога ихъ на твоей землѣ, а теперь и воронъ костей не занесетъ.

ГОРЮНОВЪ.

Не ужъ ли, батюшка! отъ сосѣдей спору не выходило?

БОГАТЫРЕВЪ.

Былъ, да не приняли.

ГОРЮНОВЪ.

А! то есть, по просту, отводъ дѣлали силкою. Теперь понимаю. Ну коли аказія пропущена, такъ этому дѣлу и быть. Ужъ это поидетъ въ благопріобрѣтенное.

БОГАТЫРЕВЪ.

И въ наслѣдственное на вѣки вѣковъ.

ГОРЮНОВЪ.

Все это такъ, конечно такъ—и иначе быть не можетъ. Да вѣдь и непріятель-то не дюжинной—вѣдь что за армія! со всего свѣту собрана, сущія ерошки: чего хочешь, того просишь; небось миліоновъ десять коли не болѣ; и всѣ, сказываютъ, въ кучкѣ, такъ и идутъ, куда глаза глядятъ. Хоть бы на нихъ куречья слѣпота нашла.

БОГАТЫРЕВЪ.

А ты откуда эту дрянь берешь? Французовъ

осталось тысячь съ восемдесять, да всякихъ другихъ съ пятдесятъ. Вотъ тебѣ и вся сказка тута!

ГОРЮНОВЪ.

Помилуйте, Сила Андреичь! да вѣдь это у нихъ поголовщина: старой да малой остался; а во Франціи народа несметна сила. Ну, да чего лучше? Вѣдь мы далеко кажется отъ нихъ живемъ, ну далеко; а куда ни загляни, и въ домахъ-то, и въ лавкахъ, и на улицѣ: и учатъ, и говорятъ, и ходятъ и летаютъ, кто?—Мусьи да Мадамы. Ну, а вѣдь это еще одни благородные.

БОГАТЫРЕВЪ.

Какіе благородные! Вольно намъ принимать ихъ за равныхъ, отдавать дѣтей, деньги, душу и радоваться, что къ намъ пожаловали. Ихъ, я думаю, на одномъ Кузнецкомъ мосту цѣлый департаментъ.

ГОРЮНОВЪ.

Ахъ, Мати Божія! вѣрно уголовной; чтобъ не пѣть кукареку.

БОГАТЫРЕВЪ.

Ты ничего не понимаешь: у нихъ, по нашему, губернія называется департаментъ.

ГОРЮНОВЪ.

И знать не хочу; у нихъ на одномъ часу пять Пятницъ; что ни день, то новое; а мнѣ хочется, чтобъ Башкиры и Калмыки поскорѣй подошли. Тутъ-то заварятъ кашу; все побѣжитъ и не остановится. Плохо Французамъ будетъ— то ужъ плохо.

БОГАТЫРЕВЪ.

Да кудажъ ты думаешь ихъ загонятъ?

ГОРЮНОВЪ.

Какъ куда! въ море, точно въ море. — Что

тутъ дѣлать? въ Америку развѣ плыть? Вотъ и концы въ воду.—А! забылъ вамъ сказать: я видѣлъ плѣнныхъ Офицеровъ; ну, ничего—люди какъ люди.

БОГАТЫРЕВЪ.

Да вѣдь они не трехъ пядей во лбу, такіежъ какъ и въ магазейнахъ. Француза всегда узнаешь: сухъ, блѣденъ, малъ, говоритъ спѣшитъ и назадъ оглядывается.

ГОРЮНОВЪ.

Охъ, ужъ мнѣ эти Французы! проворны, то ужъ проворны; какъ бѣсъ вертится. *Каманъ ву портеву? Форъ бьень деларжанъ, сешарманъ:* вотъ и весь тутъ языкъ! Нечего грѣха таить: не люблю я ихъ, да и боюсь—точно боюсь.

БОГАТЫРЕВЪ.

Ну, братецъ! оставь меня въ покоѣ, что

тебѣ за удовольствіе меня сердить? Ну бойся ихъ, будь одинъ на Руси: ты жъ ни на кого и не походишь. — Радъ я, что у тебя нѣтъ дѣтей и что ты въ родѣ своемъ послѣдній.

ГОРЮНОВЪ.

Ну вотъ, Сила Андреичь! вы тотчасъ и осерчаете. Я съ глупости сказалъ, то есть, по дружбѣ; а вы на меня и взвалили бѣду. Съ вами тотчасъ въ лабетъ: долго ли въ публику выпустить.

БОГАТЫРЕВЪ.

Я сору изъ избы не выношу; а ты право слишкомъ гадокъ, и не могу понять, что ты за уродъ: стыдъ въ тебѣ есть, а Русскаго духу нѣтъ.

═

ЯВЛЕНІЕ II.

БОГАТЫРЕВЪ, ГОРЮНОВЪ, БОГАТЫРЕВА.

БОГАТЫРЕВА (*Горюнову*).

Здраствуйте, Фока Феклистычь! (*мужу, поцѣловавъ его въ щоку*). Каковъ ты, мой другъ? былъ ли у тебя Кашпаръ Богданычь?

БОГАТЫРЕВЪ.

Нѣтъ еще; у меня голова совсѣмъ почти не болитъ и я былъ спокоенъ, да вотъ дражайшій кумъ посѣтилъ. Онъ не можетъ утерпѣть, чтобъ не врать, а я ему не мѣшать.

БОГАТЫРЕВА.

Охота вамъ обѣимъ; ты хочешь, чтобъ всѣ думали какъ ты, а онъ, чтобъ никто не думалъ.

ГОРЮНОВЪ.

Живой живое и думаетъ. Прежде я гова-

ривалъ; много знай, да не плошай; а нынче говорю про себя; много знать, дурно спать.

БОГАТЫРЕВЪ.

Да у тебя сонъ и пушкой не отобьешь. Это твое дѣло пить, ѣсть, спать и бояться. Взгляни, на кого хочешь; у инова братъ, сынъ, родня на войнѣ, а всѣ радуются побѣдамъ; молятся Богу за здравіе Государя и за побѣдоносное воинство. Посмотри въ церкви, не по прежнему, ужъ точно всѣ въ храмѣ Божіемъ, а не въ собраніи; гдѣ всѣ веселятся, всѣ радуются; удовольствіе сильнѣе безпокойства, и если и ждутъ мира, то для чего? старики и старухи, чтобъ обнимать отличившихся; дѣвушки, чтобъ итти за нихъ замужъ; а молодые, чтобъ брать ихъ въ примѣръ.

ГОРЮНОВЪ.

Ну конечно робѣть не отъ чего; чтожъ въ самомъ дѣлѣ? а я, признаюсь, люблю миръ.

БОГАТЫРЕВЪ.

А всё лезишь на брань. Вѣдь это счастье, что тебя знаютъ за пустаго человѣка, а то бы ты иного сбилъ съ пути: разумѣется, съ такою же головою, какъ твоя.

ГОРЮНОВЪ *(Богатыревой)*.

Вотъ, Наталья Семеновна, каково мнѣ житье! кому отъ чужихъ, а мнѣ отъ своихъ. Тамъ Французы, тутъ сожитель вашъ, въ деревнѣ попалъ было въ Милицію.

БОГАТЫРЕВА.

Да вамъ шестьдесятъ лѣтъ, не выбрали бы: напрасно вы боялись.

ГОРЮНОВЪ.

У страха глаза велики, а у баловъ нѣтъ. Упрячутъ въ избирательной, тутъ и сиди.

БОГАТЫРЕВЪ.

Ну вотъ не правду ли я говорилъ, что онъ одинъ эдакой уродъ въ Россіи? Всѣ рвались и шли въ Милицію. Всѣ стали одного чину, однихъ лѣтъ; здоровы, свободны и готовы исполнять волю Государеву и служить еще Отечеству; а онъ всё одинъ, да одинъ; слава Богу, что не два!.

БОГАТЫРЕВА.

Какова, мой другъ! Сонюшка?

БОГАТЫРЕВЪ.

Я съ полчаса у ней былъ. Жару нѣтъ и она покойна сидя, стала читать книжку; но ей выѣзжать еще дни три нельзя.

БОГАТЫРЕВА.

Да я и рада, чтобъ она дома сидѣла; а то услышитъ что нибудь о женихѣ, такъ опять будетъ исторія. Вранью нѣтъ конца.

Дай Богъ, чтобъ отъ него поскорѣй было письмо!

ГОРЮНОВЪ *(Богатыревой)*.

А вы, матушка! ничего не изволили слышать новинькаго?

БОГАТЫРЕВА.

Все тѣ же вѣсти, только съ прибавленіями.

БОГАТЫРЕВЪ.

Это обыкновенно: половина города за тѣмъ въ немъ и живетъ, чтобъ вѣстьми питаться, и есть люди ненасытные. Вѣстямъ есть фабрики, конторы и, смотря по людямъ, курсъ вѣстовой бываетъ ниже и выше, а въ иныхъ домахъ, какъ на Кяхтѣ, дѣлаютъ вѣстямъ промѣнъ и спѣшатъ ихъ съ рукъ сжить съ барышкомъ. При всякомъ извѣстіи о сраженіи и пустятся по городу, какъ почталіоны въ почтовой день, и примутся, какъ имъ угодно, производить въ чины, въ Кавалеры,

въ Герои, въ трусы; отправлять на тотъ свѣтъ живыхъ; возвращать оттуда мертвыхъ; и на другой день множество каретъ, нагруженныхъ вѣстьми, ложью и сплетнями, скачутъ радовать и печалить. Я это вижу, сидя подъ окномъ. И какъ сломается карета, то ужъ никто не остановится прибрать цѣховаго вѣстовщика или вѣстовщицу, а всякой самъ спѣшитъ и боится, чтобъ его не обогнали, какъ курьера съ радостнымъ извѣстіемъ. Часто разсказы этихъ публичныхъ вѣстовыхъ на нѣсколько времени направляютъ мнѣніе и самой публики, которая почтенна, да немножко легковѣрна. Но какова ни есть, а нѣсколько ея поколѣній составляютъ потомство.

БОГАТЫРЕВА.

Вотъ ты, мой другъ! принялся сердиться на людей. Какъ ихъ исправить насильно? иной такъ родился, иной привыкъ, другой любопытенъ. Ты знаешь.—

БОГАТЫРЕВЪ.

Знаю, матушка! охъ, знаю.—Ну, да если многіе любятъ дурное; я не люблю. Я чувствую, что я смѣшонъ; но по-крайней-мѣрѣ не вѣстовщикъ. Ну, чтожъ дѣлать? мнѣ хочется хорошаго; я люблю все Русское, и если бы не былъ Русской, то желалъ бы быть Русскимъ; ибо я ничего лучше и славнѣй не знаю. Это брилліантъ между камнями, левъ между звѣрьми, орелъ между птицами.

ГОРЮНОВЪ.

То ужъ это въ самомъ дѣлѣ правда; и мнѣ въ иную пору любо быть Русакомъ.

БОГАТЫРЕВЪ.

Какой ты Русакъ? ты прибылой зайчишка, не смѣешь изъ опушки показаться.

ГОРЮНОВЪ.

Пошла опять травля.

БОГАТЫРЕВА.

Полно, другъ мой! не сердись пожалуста; вонъ къ тебѣ кто-то прiѣхалъ! Я пойду къ дочери; не хочешь ли чаю?

БОГАТЫРЕВЪ.

Нѣтъ, еще рано; мнѣ и безъ горячаго жарко.

ГОРЮНОВЪ.

А меня такъ морозъ по кожѣ подираетъ. Коли да не будетъ миру, то для меня и Петровки будутъ Филиповки.

═

ЯВЛЕНIЕ III.

БОГАТЫРЕВЪ, ГОРЮНОВЪ И ПУСТЯКОВЪ.

ПУСТЯКОВЪ.

Здравствуйте, Сила Андреичь, что ваша

голова? Вѣдь вы это простудились на молебнѣ? Я вамъ тутъ же говорилъ, чтобъ поберéглись. Вы же такъ были разтроганы.

БОГАТЫРЕВЪ.

Надо мною радость и печаль одно имѣютъ дѣйствіе. Я плачу и молюсь Богу. Да кто же тутъ и не благодарилъ Его отъ чистаго сердца? Я служилъ самъ и заслужилъ имя честное; люблю честныхъ людей и почтенныхъ. А кто же больше достоинъ почтенія, какъ защитники славнаго Отечества нашего? Счастливы тѣ, кои ему служатъ. Какая жатва для Героевъ! какое поле для мужества! а жнецы у насъ славные.

ПУСТЯКОВЪ.

Мы это видимъ по успѣхамъ; этого и ожидать надобно было, при томъ награжденія.—

БОГАТЫРЕВЪ.

Они должны быть знакомъ достоинства

и храбрости, а отнюдь не предметъ службы вѣрнаго сына Отечества. Лучшая награда для достойнаго есть мнѣніе общее. Памятники оглашаютъ подвиги на одномъ мѣстѣ, а гласъ народный вездѣ.

ПУСТЯКОВЪ.

Сказываютъ, есть у насъ и раненые.

БОГАТЫРЕВЪ.

Иначе быть не можетъ.

ПУСТЯКОВЪ.

Вы не имѣли давно писемъ отъ Петра Алексѣевича?

БОГАТЫРЕВЪ.

Больше двухъ мѣсяцовъ.—Да не случилось ли чего съ нимъ? ради Бога, скажите, что, онъ раненъ? или убитъ?

ПУСТЯКОВЪ.

Пожалуста, Сила Андреичь! не пугайтесь. Онъ раненъ, и легко, въ ногу.

БОГАТЫРЕВЪ *(перекрестясь)*.

Велика милость Господня! рана молодому Офицеру прикраса. Да точно ли такъ, скажите? почему вы знаете?

ПУСТЯКОВЪ.

Я сейчасъ читалъ письмо у дяди Князь Никанора Иваныча отъ сына его, и онъ имянно пишетъ, что Петръ Алексѣичь раненъ въ ногу, но легко.

БОГАТЫРЕВЪ.

Дай Богъ, чтобъ поскорѣй выздоровѣлъ и могъ служить опять. Ему хотѣлось быть ранену.

ГОРЮНОВЪ.

Хорошаго захотѣлъ. Поди спрашивай ума:

мало одной раны; пойдетъ за другой, какъ въ лѣсъ по грибы. Теперь-то бы и въ отставку. Въ другой разъ въ тожъ мѣсто попадетъ пуля, такъ не залечишь.

БОГАТЫРЕВЪ.

И, полно, кумъ! Самъ не знаешь, про что говоришь, охота вѣдь тебѣ. Я былъ пять разъ раненъ, да вотъ видишь не умеръ. А жаль если сведетъ ногу: молодецъ-то какой!

ГОРЮНОВЪ.

Ну а какъ кость перебита, что тутъ дѣлать? вотъ казусъ!

БОГАТЫРЕВЪ.

Да тамъ есть искусные лекаря, станутъ лечить и долго можетъ быть. Ну, а естьли вылечить нельзя, чтожъ дѣлать?—Отпилятъ ногу.

ГОРЮНОВЪ (*садясь на креслы*).

Спаси, Господи, люди твоя! Пилить у жи-

ваго человѣка ногу! что это, береза? аль осина, аль швырковыя дрова? *(Обтираясь платкомъ)*. Фу, батюшки! холодной потъ прошибъ.

═

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢЖЕ И РАЗВОЗОВЪ.

РАЗВОЗОВЪ *(входя скоро)*.

Побѣда, побѣда! поздравляю, Сила Андреичь! позвольте себя обнять. *(Обнимаетъ Богатырева)*.

БОГАТЫРЕВЪ.

Обнимай, братецъ! обнимай; жаль, что я старикъ, а не красная дѣвушка *(перекрестясь)*. А! пошла потѣха! разъ за разомъ, духу не дадутъ перевести. Спасибо, сударь! спасибо *(обнимаетъ Пустякова)*, что старика

потѣшилъ. Разскажи же, мой другъ сердечной! какъ это дѣло было?

ГОРЮНОВЪ.

Хорошее дѣло. Нечего сказать, есть чему радоваться: людей бьютъ, какъ мухъ хлопушками. Бѣда, ей Богу бѣда! Охъ! охъ!

ПУСТЯКОВЪ *(Развозову)*.

А позвольте спросить, откуда это извѣстіе? и когда получено?

РАЗВОЗОВЪ.

Не болѣе, какъ съ часъ, къ Военному Губернатору пріѣхалъ курьеръ отъ Военнаго Министра. А я слышалъ отъ Якова Дмитрича Вѣрнаго, который, встрѣтясь со мною на Мясницкой, остановилъ и прочиталъ записку, полученную имъ прямо изъ канцеляріи Областнаго, черезъ полчаса и я получу съ нее списокъ.

БОГАТЫРЕВЪ.

Чего вѣрнѣй? Вотъ этимъ-то однимъ извѣстіямъ и вѣрить должно: это не съ нашихъ фабрикъ. Ну, разсказывай пожалуста! у тебя рѣчь перебили.

РАЗВОЗОВЪ.

Нашъ корпусъ въ пяти тысячахъ напалъ на Французской осьми-тысячной, которой окопавшись, стоялъ въ укрѣпленьи и взялъ его штурмомъ. Половина непріятелей положена, другая въ плѣну, три Генерала, знамены и пушки...

БОГАТЫРЕВЪ.

Ай наши! друзья сердечные! Вы одни молодцы. Грудью и въ штыки: вотъ и тактика! Кричи: *ура!* и пой: *Тебя Бога хвалимъ!*

ПУСТЯКОВЪ.

Завтра вѣрно еще молебенъ. Какъ я радъ,

что побѣда! тутъ весь городъ будетъ; я чрезвычайно люблю большіе съѣзды.

ГОРЮНОВЪ *(въ сторону)*.

Ну, ужъ тутъ вѣрно нашему жениху дали карачунъ. Лиха бѣда до начину: разъ подстрѣлили, а въ другой доканаютъ, такъ ужъ не отстанутъ. Вотъ-те бабушка, и Юрьевъ день!

БОГАТЫРЕВЪ *(Развозову)*.

Скажите пожалуста, что вы слышали про моего будущаго зятя?

РАЗВОЗОВЪ.

Про Петра Алексѣича Побѣдина? въ запискѣ о послѣднемъ дѣлѣ ни о комъ ничего не сказано, а подъ Прейсишъ-Эйлау, вы, я думаю знаете...

ПУСТЯКОВЪ.

Что онъ раненъ въ ногу, я ужъ сказалъ Силѣ Андреичу.

РАЗВОЗОВЪ.

Вы меня извините, онъ раненъ въ правую руку. Я читалъ самъ письмо Генерала, у котораго онъ находился въ дивизіи, и отдавая справедливость его храбрости и дарованіямъ, онъ жалѣетъ, что по случаю раны, служба лишится на нѣсколько времени такого отличнаго Штабъ-Офицера. Я васъ могу увѣрить, что это правда; я самъ читалъ, и онъ дѣйствительно раненъ въ руку, а не въ ногу.

ПУСТЯКОВЪ.

Не знаю, что вы читали, а я у дяди, Князь Никанора Иваныча, не далѣ, какъ нынче утромъ, держалъ въ своихъ рукахъ и читалъ письмо, гдѣ его сынъ увѣдомляетъ этими словами: «Петръ Алексѣевичь Побѣдинъ раненъ въ ногу и легко», и я точно, слово въ слово, такъ и Силѣ Андреичу пересказалъ, и всѣмъ, кого видѣлъ.

ГОРЮНОВЪ.

Вотъ-те на! изъ двухъ коробовъ разныя вѣсти. Ранка-та съ барышкомъ выходитъ. Хорошъ женишокъ безъ руки и безъ ноги. Софьѣ Силовнѣ не безъ хлопотъ-то будетъ. Вотъ-те и побѣда!

РАЗВОЗОВЪ.

Мнѣ кажется, лучше вѣрить Генералу, чѣмъ вашему братцу: одинъ писалъ видѣнное, а другой пересказанное, а можетъ быть и выдуманное.

ПУСТЯКОВЪ.

Если выдумано, что раненъ въ ногу, то для чего жъ не ранить его и въ руку? это всё будетъ равно. Обѣ раны ложь, и мы съ вами квитъ: членъ за членъ.

БОГАТЫРЕВЪ.

А я, милостивые государи! думаю, что онъ

и совсѣмъ можетъ быть не раненъ, такъ какъ это съ другими случалось, то есть: милость городская. Трудно ждать конца безпокойству; но мы всю жизнь безпрестанно чего-нибудь ждемъ и, по щастію, не знаемъ, что насъ ждетъ.

═

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢЖЕ И МОРЕНКОПФЪ.

МОРЕНКОПФЪ.

Страфствуйде, Зилъ Антреишъ! Што патушка? микстуръ мойі стѣлалъ звой тѣла?

БОГАТЫРЕВЪ.

Да мнѣ, Кашпаръ Богданычь! стало лучше, я и не принималъ; вонъ вся склянка цѣлая стоитъ на окнѣ. Вѣдь ты знаешь, что я до лекарствъ не охотникъ. Какова дочь?

МОРЕНКОПФЪ.

Снай, снай, я фсе снай: фи не лупить кюшать лекарствъ; а я фсе толженъ тафать, эта мой тѣла. Ну, а Зофь Зилавна гарастъ лутши. Теперь паясь не ната: и ясыкъ-та луше, и гласи карашп; немношка тіетъ ната. Я фелелъ пульонъ съ зыпленка стѣлеть, а зафтра мошна палавинъ катлетъ давай. Бакой и дерпень, фотъ двѣ слафни лекарствъ!

РАЗВОЗОВЪ.

А чѣмъ занемогла Софья Силовна?

МОРЕНКОПФЪ.

Ну, эте пилъ принціпіумъ маленька каряшка, фотъ какъ гафарись, нервосной и гнилой-та, и пятнушкъ пилъ на губа. Но фсе теберь фъ парятка, фсе кодитъ звой маршъ, и фъ катансъ. Желафекъ паись палезнь, а палѣзнь паись Докторъ.

БОГАТЫРЕВЪ.

А смерть никово.

МОРЕНКОПФЪ.

Ну, эта тругой тѣло: змерть имѣитъ сфой практикъ.

РАЗВОЗОВЪ.

Вольную.

ПУСТЯКОВЪ.

И обширную.

БОГАТЫРЕВЪ.

И никто ее, кажется, не приглашаетъ, а каждаго одолжитъ визитомъ разъ въ жизни.

ГОРЮНОВЪ.

А что всего лучше, даромъ. Трудится сердечная изъ человѣколюбія, и спасибо ей ни-

кто не скажетъ. Ни дня, ни ночи нѣтъ покою; коситъ да коситъ. Ужъ мастерица фуражъ заготовлять, то ужъ мастерица!

БОГАТЫРЕВЪ *(Горюнову).*

Поди-ка братъ, Фока Феклистычь! скажи женѣ, пожалуйте ди-скать къ намъ: новая побѣда.

МОРЕНКОПФЪ.

Та я ей фсе сказалъ, ана снаетъ фсе акуратна. Фотъ анъ раначка Петре Алексѣишь ей ешо скасать толшна. Кагта успаитъ Зофи Зилавна, то не карашо. Ана ешо злаба; пакой тать ната. А тамъ палушитъ пизьмо, и фсе путишъ Ганцъ Алерлибстъ. Нихтъ варъ, Зиль Антреишь, мой патушка? *(смѣется)*. Э! э! э!

БОГАТЫРЕВЪ.

Точно такъ, Кашпаръ Богданычь! Скажи, отъ кого ты слышалъ, что Петръ Алексѣичь раненъ?

МОРЕНКОПФЪ.

Какъ гафаритсъ, слухъ земля полнитсь. Мой практикъ пальшой; пальны, злафапогъ! многа. Ну, атна гафари, другой гафари; я и снай, што такой фсе гафари. Бетръ Алексѣишь злавна фектовалъ, и Француcъ патарилъ ему ранка на голофа, по не ошень пальшой: атинъ шрамъ путитъ.

ГОРЮНОВЪ.

Что эта за рана часъ отъ часу вверхъ лезитъ.

ПУСТЯКОВЪ *(Развозову)*.

Это походитъ на вашу руку.

РАЗВОЗОВЪ *(Пустякову)*.

А мнѣ кажется на вашу ногу.

БОГАТЫРЕВЪ.

А я всё при своемъ мнѣніи, что онъ не

раненъ. Вотъ три разныя раны на одномъ часу!

МОРЕНКОПФЪ.

Ну кацешна, тафолна и отной въ галава, А тошна онъ таки пылъ раненъ; я снай эта ганцъ позитифъ: мене гафарилъ мой трукъ, аптекарь Диссантеріусъ; онъ палущилъ пизьмо отъ госпотинцъ Корнегъ Цауберфельдъ.

ГОРЮНОВЪ.

Да если эдакъ его разохотятъ, что по три раны на одномъ часу, такъ и на щотахъ не выложишь, не довольно что на аспидной доскѣ, сколько въ годъ разъ будетъ раненъ.—Куда, подумаешь, живущь человѣкъ! сильное животное!

ПУСТЯКОВЪ (*Развозову*).

А вы ничего не слыхали о последнемъ дѣлѣ? нѣтъ ли какихъ подробностей?

РАЗВОЗОВЪ.

И быть еще не можетъ. Первое извѣстіе получено лишь нынче утромъ. Даже и несказано, кто командовалъ нашимъ корпусомъ.

МОРЕНКОПФЪ.

Ихъ бите умъ фергебунгъ. Нѣмецкихъ Енералъ пылъ три штукъ, и фсе мой семлякъ.

ПУСТЯКОВЪ.

Да войска-та по крайней мѣрѣ были Рускія.

МОРЕНКОПФЪ.

Ну та мошна и эта скасать, а кагтапъ Енералъ тутъ не пылъ, такъ турна пы пыла. Пальшой манефръ стѣлалъ атинъ калонъ, тругой баталіонъ Гаре, а ешо атинъ ампискатъ, ну такъ и папилъ Францусъ звой тактикъ.

БОГАТЫРЕВЪ.

Да мы управляемся одни чуть ли не лучше, чѣмъ съ товарищами. Это видно и теперь, и прежде *непобѣдимой Суворовъ* это доказалъ; у него побѣда и слава на безсмѣнныхъ были ординарцахъ.

ПУСТЯКОВЪ.

И все бывали на посылкахъ.

ГОРЮНОВЪ.

А теперь вѣрно ужъ вышли въ чины. Гдѣ они, батюшка? не бось въ арміи? Дай Богъ имъ здоровья!

БОГАТЫРЕВЪ.

Нѣтъ, Кашпаръ Богданычъ! про лекарства съ тобой спорить не стану; я въ этомъ толку не знаю: пиши что хочешь, а я принимать не буду; а за войско постою грудью.

Чуть ли-та ваши Нѣмецкіе мастера не попали въ ученики.

РАЗВОЗОВЪ.

Браво, Сила Андреичь!

ПУСТЯКОВЪ.

Ужъ онъ не выдастъ своихъ: никому не спуститъ.

ГОРЮНОВЪ.

А за меня не бось не вступится, даромъ что свой.

МОРЕНКОПФЪ.

Ну есть Руска пасловисъ: фѣкъ жифъ, фѣкъ ушись. Эта канешна, наши Енералъ, ана и зтаръ и толста; а тѣло звой спать ошень крѣпка.—Одинъ, тругой и праиграть паталь, ну васистасъ? Каки пѣда? тругой кампань путитъ. Фасметъ звой реваншъ, а песъ тактикъ Енералъ злова злова какъ Докторъ песъ Латинскій ясыкъ.

═

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢЖЕ И НАБАТОВА.

БОГАТЫРЕВЪ.

Маремьяна Бобровна, добро пожаловать! гдѣ мать моя пропадала? али прихварнула?

НАБАТОВА.

Таки и нездорова была; да дѣла ужъ такъ много было, что замучилась: два приданыя дѣлала, племянника отпустила въ армію, сбирала ружья да пистолеты на Милицію, дядю похоронила и, благодаря Бога, сестру съ мужемъ помирила, кой-какъ уладила — много ужъ на свою душу грѣха приняла. Ну мочи нѣтъ, съ ногъ сбили. Если бы не порошки Кашпара Багданыча, то бы схлебнуть горячку. Гдѣ Наталья Семеновна? а Софья Силовна, что ей, есть ли лучше? Бѣдняшка, я ее, какъ душу, люблю.

БОГАТЫРЕВЪ.

Жена тотчасъ придетъ, а дочь не много слаба. Разскажи же, что новинькаго? Ты, какъ почтовой чемоданъ, изо всѣхъ мѣстъ привозишь извѣстія, а отходишь и приходишь утромъ и вечеромъ всякой день.

НАБАТОВА.

Благодаря Бога, у меня знакомыхъ много; меня всѣ любятъ и никто отъ меня ничего не таитъ. Лестно заслужить такую довѣренность, да, правду сказать, трудно сохранить и репутацію; чужой секретъ не всякому ввѣрить можно, а я отъ добраго сердца рада со всякимъ душу раздѣлить. Представь же, каково мое положеніе?

БОГАТЫРЕВЪ.

Ну, что Маремьяна Бобровна! вѣдь мы давно другъ друга знаемъ: душу-то не знаю дѣлишь ли ты; а секретъ коли нечаянно по-

падетъ въ руки, то ужъ тотчасъ на волю отпустишь; ты все берешь отъ Публики изъ прокату.

НАБАТОВА.

Полно, полно проповѣди-то сказывать. Знаете, Кашпаръ Богданычь! я сей часъ отъ бѣдной Припадковой; кажется, ей не вставать, моей милой! Дурна она мнѣ показалась; что вы думаете?

МОРЕНКОПФЪ.

Ну, карошева тутъ мала, я пылъ въ конзултаціи. Фотъ у ней *primo*, пылъ интижетія, *secundo*, маленькій утаршикъ — апоклепсія, а тамъ злабость, шаръ да шаръ. Фчера пылъ калодной потъ; ну и ясыкъ не кочитъ гафарить, и гласа сматритъ, и онъ ничефо не слышитъ.

РАЗВОЗОВЪ.

Чегожъ тутъ ожидать инаго, какъ смерти?

ПУСТЯКОВЪ.

И желать ее надобно. Какое жалкое состояніе!

БОГАТЫРЕВЪ.

А лучше бы натурѣ дать волю.

НАБАТОВА.

Возможно ли? она такихъ проказъ надѣлаетъ, что и жизни радъ не будешь.

МОРЕНКОПФЪ.

Ну натуральна; ей грѣбка мужтукъ тершать ната. Ана фсе кочитъ и фсе прозитъ. У ней атно въ голофа: Фортъ! фортъ! *(Смѣется)*. Э! э! э!

РАЗВОЗОВЪ *(Набатовой)*.

А кто ее лечитъ?

НАБАТОВА.

Вильма Вильмычь Либертотъ. Онъ конеч-

но человѣкъ практикованной; но мнѣ что-то не нравится: отвѣту отъ него не добьешься, лекарства не перемѣняетъ и слишкомъ охотникъ, съ позволенія сказать, до рвотнаго, какъ-будто ему въ душѣ нужда.

МОРЕНКОПФЪ.

Ну, фить ми рфотной таемъ не для свой забава, а штопъ ачистить натуръ. Палѣснь злова злова какъ форъ, прикотитъ всека всячинъ зебѣ фсять; а какъ я дамъ атъ темпо полутше рфотной, злабительной, и фазму фсю крофь у пальнова, ну што палѣснь тутъ фъ корпусъ найтетъ? такъ и пайтетъ въ тругой мѣста, какъ ей уготна, коть въ пальшой фаротъ, коть въ калитка.

НАБАТОВА.

Я въ вашей Медицинѣ толку не знаю, а могу рекомендовать ваши порошки отъ мигрены и капли отъ рюматисма—безподобныя! А право этой бѣдной Припадковой не вста-

вать. Я оставила тамъ человѣка, чтобъ узнать, какъ скоро скончается; тотчасъ поскачу.

БОГАТЫРЕВЪ.

За чѣмъ не лёгкая несётъ? что, ты гробовой мастеръ; или дьячокъ, Псалтырь читать?

НАБАТОВА.

Нѣтъ, мнѣ жаль дѣтей. Меня мать просила ихъ не покинуть. А мужепёкъ ее между нами сказать, не умрётъ съ печали; ужъ я видѣла его маневры: лбомъ объ стѣну бьётся, а глазами заглядываетъ въ дѣвичью.

ГОРЮНОВЪ.

Да онъ и самъ, можетъ статься, не помнитъ, что дѣлаетъ: хочетъ въ горѣ душу отвесть. Тошно, горько, а кусъ проглотишъ.

НАБАТОВА.

Ужъ онъ апетита не потеряетъ, за это я

побожусь: много кой-что я про него знаю. Да и она мудреная женщина; ни о чемъ не думала, и ничего не любила, дочерямъ дала волю и....

БОГАТЫРЕВЪ.

Маремьяна Бобровна, опомнись, сударыня! Долго ли свѣтъ весь бранить? Вѣдь дѣвушка она невѣста, за что ее губить? Доброму туго вѣрятъ, а дурному съ радостію.

НАБАТОВА.

И, голубчикъ! не безпокойся. Вѣдь за ней полторы тысячи душъ, да и браллiанты матушка всѣ пожаловала: она вѣдь была фаворитка; про неё что хочешъ говори, всё пойдетъ между ушей. Смотри, чтобъ еще въ плёрозахъ не обвѣнчалась, вѣдь онѣ нашивныя.

РАЗВОЗОВЪ *(Набатовой)*.

Вы изволите знать о новой побѣдѣ, что мы разбили восемь тысячь Французовъ и взяли въ полонъ трехъ Генераловъ?

НАБАТОВА.

Какъ не знать! Только ихъ было восьмнадцать тысячь, а нашихъ пять сотъ человѣкъ.

ПУСТЯКОВЪ.

Да я записку читалъ.

НАБАТОВА.

А я реляцію.

РАЗВОЗОВЪ.

Да ей, кажется, быть еще нѣкогда.

НАБАТОВА.

Однакожъ она здѣсь, ее прислали прямо изъ арміи со штафетой и держатъ подъ спудомъ. А еще вы ничего не знаете?

БОГАТЫРЕВЪ.

Развѣ есть другое какое извѣстіе?

НАБАТОВА.

Сей часъ получили, что нашъ корпусъ ночевалъ подлѣ лѣсу, а Французовъ тысячь съ двадцать, заблудившись, прошли въ лѣсъ. Наши ихъ пропустили, поутру послали сказать, чтобъ сдались; они не хотѣли пардону, надѣялись, что ихъ много, и хотѣли-было итти на нашихъ штурмомъ. Но нашъ Генералъ тотчасъ зажогъ лѣсъ и всѣхъ этихъ двадцать тысячь перевязали и людей и лошадей, какъ воровъ, и отправили на фурахъ въ какое-то мѣсто.

БОГАТЫРЕВЪ.

Если это и было, такъ что-нибудь да не такъ, воля твоя, Маремьяна Бобровна!

РАЗВОЗОВЪ.

Лѣсъ сырой, такъ скоро зажечь!

ПУСТЯКОВЪ.

Да гдѣ столько фуръ взять? и чѣмъ вязать?

НАБАТОВА.

Ахъ, батюшка! а платки, а подвязки-то? Въ эдакой аказіи всё пригодится. Я первая крестъ съ шеи отдамъ. Вы не извольте вѣрить, а я читала реляцію. Тутъ и пушки взяты новыя, что присланы изъ Парижа: сказываютъ, такія длинныя, что за двадцать верстъ бьютъ, во что ни попало. Какъ бишъ Генерала-то Французскаго зовутъ? Мартира— Мартиръ—Мортивръ.

БОГАТЫРЕВЪ.

Да всё равно; они всѣ на одинъ покрой. Я только одного и помню Моро, отъ того что на Кузнецкомъ мосту есть Мадамъ Моро.

НАБАТОВА *(Богатыреву)*.

А вы знаете, что вашъ Петръ Алексѣевичъ раненъ?

БОГАТЫРЕВЪ.

Знаю.

НАБАТОВА.

Удивительно, что вы такъ спокойны!

БОГАТЫРЕВЪ.

Чтожъ дѣлать, воля Божія? а я признаться, сомнѣваюсь, что онъ раненъ: иной говоритъ въ ногу, другой въ руку, третій въ голову....

НАБАТОВА.

А я четвертая скажу, что въ грудь.

ГОРЮНОВЪ.

Ну, поздравляю! живаго мѣста не осталось; точно битое мясо.

БОГАТЫРЕВЪ.

Станемъ молиться Богу и ждать извѣстія, Извините, что я васъ оставлю на полчаса время. Схожу къ дочери, да пошлю къ вамъ свою Наталью Семеновну; она вѣрно

не знаетъ, что вы здѣсь, а мнѣ жъ отправить Бурмистра изъ Саратовскихъ деревень: пріѣхалъ по Милиціи.

═

ЯВЛЕНІЕ VII.

ПУСТЯКОВЪ, РАЗВОЗОВЪ, ГОРЮНОВЪ, МОРЕНКОПФЪ И НАБАТОВА.

НАБАТОВА *(Моренкопфу)*.

Онъ совсѣмъ не догадывается; его ранами-то съ пути збили; да вы ему, Кашпаръ Богданычь! не давали чувствовать....

МОРЕНКОПФЪ.

Ну, какой тутъ шувства! я гафарилъ, онъ раненъ въ голофа и змотрѣлъ на нефо, и таки самъ шалку мину стѣлалъ: и онъ эта фитилъ, ну и не панимаетъ, чтошъ мене тѣлать? я сфой тѣла стѣлалъ.

НАБАТОВА.

Гдѣжъ лекарь? послали ли за нимъ? время терять нечего; мнѣжъ хочется заѣхать къ Робертсону, а оттуда въ собраніе. Лишь онъ придетъ, я ему и объявлю; тутъ я думаю лекарю много дѣла будетъ: всему дому пускать кровь. Велите пожалуста все приготовить.

МОРЕНКОПФЪ.

Тутъ ушъ фсе гатофъ; и чашка, и уксусъ, и шотка въ руки, фсе стоитъ въ пуфетъ, а лекарь зидитъ въ мой каретъ на тварѣ.

НАБАТОВА.

За чѣмъ же? его бы позвать сюда.

МОРЕНКОПФЪ.

И! не ната; теберь не ошень коладно, только 17 градъ на термометръ. Молоди луди палавать нената. Эте мой регулъ. Онъ зынъ мой зтаринни Кенигзберски тругъ, злафни Штабъ-Лекарь господинъ Ганцъ Блутъ.

РАЗВОЗОВЪ *(Набатовой)*.

Развѣ вы знаете?—позвольте—я въ такомъ безпокойствѣ!...

НАБАТОВА.

Вѣдь это не секретъ. Подождите не много, какъ Сила Андреичь придётъ; я скажу ему при васъ.

РАЗВОЗОВЪ *(думая)*.

Чтобы это такое могло быть? — и съ кѣмъ?...

ПУСТЯКОВЪ *(думая)*.

Не могу отгадать—Сила Андреичь—Докторъ—кровь—кто нибудь умеръ—чтобы это такое?...

ГОРЮНОВЪ *(чешетъ голову)*.

Экую задачу задала!—Ахъ, батюшки! въ Милицію чтоль выбрали? аль Французъ деревню выжегъ?—Нѣтъ съ, не могу угадать; одинъ бы добрался, а при людяхъ я вѣдь дуракъ дуракомъ.

МОРЕНКОПФЪ.

Да, да! эта за фсемъ нофой рапортъ. Ушъ штука злафнай!

НАБАТОВА.

Послушайте, дайте честное слово, что никто не выйдетъ изъ этой комнаты и не скажетъ прежде меня Силѣ Андреичу, такъ я вамъ скажу.

ВМѢСТѢ.

Развозовъ — Я могу васъ увѣрить.
Пустяковъ — Даю честное слово.
Горюновъ — Хоть по щекамъ.

МОРЕНКОПФЪ.

Ну фотъ и присяга на зекретъ.

НАБАТОВА.

Извольтежъ знать, что Петръ Алексѣичь Побѣдинъ, будущій зять Силы Андреича, храброй-то воинъ....

ВМѢСТѢ { развозовъ — Нусъ?
пустяковъ — Чтожъ?
горюновъ — Ушолъ? }

НАБАТОВА.

Да, ушолъ, на тотъ свѣтъ—умеръ; убитъ точно.

ВМѢСТѢ { развозовъ — Ахъ, Боже мой!
пустяковъ — Представьте!
горюновъ *(свищетъ)* Фю! фю! фю! }

НАБАТОВА.

Я получила сей часъ письмо, гдѣ мнѣ покойниковъ братъ объявляя о кончинѣ, проситъ принять на себя эту непріятную коммиссію, объявить роднѣ и Силѣ Андреичу. Какъ не грусно и не тяжело, а этотъ долгъ по дружбѣ и по любви исполню конечно; за тѣмъ и пріѣхала.

ПУСТЯКОВЪ.

Это вамъ, сударыня? дѣлаетъ честь.

РАЗВОЗОВЪ.

Ахъ, жаль Силы Андреича! Почтенный старикъ! тяжело ему будетъ.

ГОРЮНОВЪ.

Вотъ-те разъ: не было печали, черти накачали.

ПУСТЯКОВЪ.

Стало, онъ, спустя нѣсколько времени, отъ ранъ умеръ.

РАЗВОЗОВЪ.

Не погодить ли, Маремьяна Бабровна? Дождаться приказа въ газетахъ, были примѣры....

НАБАТОВА.

Ахъ, батюшка! да чего ждать? что тутъ за примѣры? у меня письмо въ карманѣ. Теперь вы, узнавъ отъ меня, по всему городу покойника повезёте. Я васъ имѣю честь знать; да я не совсѣмъ таки пошлая дура:

не такъ скоро облабечусь. Теперь того и смотри, что завернетъ какой нибудь бѣсъ, скажетъ Силѣ Андреичу и лишитъ меня удовольствія исполнить коммисію покойнаго Петра Алексѣича.

ПУСТЯКОВЪ.

Стало, онъ въ памяти умеръ?

НАБАТОВА.

Въ совершенной; цѣлое утро писалъ и завѣщаніе сдѣлалъ. Братъ душеприкащикъ. Но этѣ всѣ бумаги у него; онъ ждетъ вѣрной аказіи ихъ переслать. А что онъ умеръ, такъ умеръ; это такъ вѣрно, какъ я жива.

ПУСТЯКОВЪ *(Развозову)*.

Изволите видѣть, мое извѣстіе вѣрнѣй; онъ точно былъ раненъ въ ногу и умеръ отъ антонова огня.

РАЗВОЗОВЪ.

Да и отъ руки я надѣюсь умереть можно,

особливо если сдѣлали операцію; тутъ всегда тотъ же вашъ антоновъ огонь придетъ.

МОРЕНКОПФЪ.

Фуй! не такъ эте насыфаете, атинъ злова са тругой. Аперацій и ампутацій зафсемъ иной. Аперацій мошна тѣлать ношикомъ и ношницъ, а ампутацій билкай; эта бальшой роснисъ.

НАБАТОВА.

Онъ былъ и не въ руку, и не въ ногу раненъ, а вотъ какъ. Баталія ужъ совсѣмъ кончилась, а ему захотѣлось взять еще самую-то большую пушку; онъ и бросился и только что ея схватить, а она и выстрѣлила двумя ядрами: одно попало въ голову, а другое въ грудь, и оба на вылетъ.

ГОРЮНОВЪ.

Кажется, обѣ раны смертельныя; тутъ и лечить нечего. Я видалъ ядры-то на литейномъ дворѣ: иной съ Астраханской арбузъ,

какъ щолкнетъ, такъ не устоишъ на ногахъ; тутъ нада ужъ голова, да и голова.

МОРЕНКОПФЪ.

Ну фотъ а галафѣ-та и гафарить нечева: ушъ эта атье; а грудь иногда мошно папропавать лешить.

ГОРЮНОВЪ.

А какъ бы это? Да вѣдь ядро-то не бось пронесло, какъ слуховое окно, покорно прошу, что тутъ дѣлать? Впрочемъ вѣдь я это говорю такъ, къ рѣчи пришло. Вы это дѣло лучше насъ знаете; такія ль вы чудеса дѣлаете? а всё съ рукъ сходитъ. А я такъ знаете чему радъ? что ядро-то на вылетъ. Ну если бы въ груди остановилось, что дѣлать? Вотъ тутъ-та бы тяжко ему жить. Покорно прошу съ пудовой - та гирькой гулять. — Это точно щастіе, поздравить надо. Сердечушко! какъ голову - та оторвало, ужъ онъ другой-та раны не видалъ, развѣ издали посмотрѣлъ.

МОРЕНКОПФЪ.

Фотъ у фасъ какой имагинація и фашъ галафа протитъ, какъ малатой пифа.

РАЗВОЗОВЪ.

Какъ ничего предвидѣть нельзя. Если бы можно было знать такой конецъ, то не было бы сговору и слезъ.

ПУСТЯКОВЪ.

А Софья Силовна и теперь уже больна, отъ одного безпокойства; чтожъ будетъ, когда она узнаетъ, что предметъ ея щастія убитъ?—Я боюсь, чтобъ эта смерть не произвела другихъ смертей.

МОРЕНКОПФЪ.

Эта пи не турна пыла. Матушка змерть ана стара. Ей мошна и атставку тать зъ безсіонъ, а фотъ тети пудутъ папрафорней.

НАБАТОВА.

Я давно живу на свѣтѣ, а еще не видала,

чтобъ кто съ печали умеръ. Она какъ-то скорѣй черной фланели носится. А если, что и случится, такъ отъ того, что меня не послушали; я ни-вѣсть, какъ просила Силу Андреича и Наталью Семеновну, чтобъ повременили сговоромъ. Положить бы межъ собой на словѣ, или отложить до замиренья. Ну, да вѣдь Силу Андреича не переупрямишь; онъ на своемъ поставитъ. Наталья Семеновна-то изъ его воли не выходитъ: чего мужъ захочетъ, на всё согласна. А про дѣвочку я ни слова не говорю; въ ея лѣта только и на умѣ какъ нибудь да за-мужъ и въ дамы.

ГОРЮНОВЪ.

Словно какъ въ доведи, чтобъ брать взадъ и вперёдъ. Ходу-то прибавится.

РАЗВОЗОВЪ.

Въ лѣта Софьи Силавны и съ ея достоинствами не трудно, вмѣсто одного жениха, найти тысячу.

ПУСТЯКОВЪ.

Я тогожъ мнѣнія, добродѣтель и красота ея всѣмъ извѣстны.

НАБАТОВА.

Что до добродѣтели касается, то объ ней мало думаютъ. Какъ то до нее мало охотниковъ! видно изъ моды вышла. И ужъ это дурной знакъ, когда станутъ говорить, что дѣвушка-невѣста имѣетъ доброе сердце, добрую душу. Я напередъ знаю, что это значитъ: либо дурочка, либо скверная лицемъ.

ПУСТЯКОВЪ.

Про Софью Силовну никто этого не скажетъ, потому что она умна, прекрасна, и получила въ наслѣдство отъ почтенныхъ своихъ родителей всѣ тѣ качества, кои прiобрѣтаютъ почтенiе, любовь и дружбу.

НАБАТОВА.

Это всё такъ, я съ вами согласна; но

красота въ дѣвушкѣ первая рекомендація въ Публикѣ и *билетъ д'антре* въ сердцѣ. А наша Софья Силовна отъ печали, или ужъ такъ эпоха ея пришла, но какъ-то позавяла; а вотъ теперь еще и извѣстіе - то красоты, кажется, не прибавитъ. Она вѣрно зачахнетъ, и ей замужемъ не бывать, попомните мое слово.

ГОРЮНОВЪ.

То ужъ конешно; этотъ товаръ продать лицомъ.

НАБАТОВА.

И поскорѣй; до мятова чтой-то охотниковъ мало. Тѣ дѣвушки, которыя были сговорены, и на волѣ, какъ-то если не удастся въ первой разъ, то послѣ остаются при родителяхъ и при терпѣніи.

ПУСТЯКОВЪ.

И тѣмъ больше жаль, что покойной Петръ Алексѣичь былъ предостойной молодой человѣкъ, и жена его вѣрно бы съ нимъ была

щастлива. Онъ былъ мнѣ хорошій пріятель, и я могу за него побожиться.

РАЗВОЗОВЪ.

Какая потеря и для Силы Андреича! Онъ былъ точно по его мысли и по сердцу: молодецъ, дворянинъ, отличной храбрости и почиталъ его, какъ роднаго отца.

ГОРЮНОВЪ.

Да и состояніе хоть куда. Епифанская-то деревня, батюшка, добрая кормилица! Что одной пеньки продавалъ! Такъ стыдно сказать.

НАБАТОВА.

Вы его, можетъ быть, короче меня знали; а я, судя просто, ничего завиднаго въ этомъ женихѣ не находила. Немудрено, что Софья Силовна въ него влюбилась, этого отецъ и мать желали; натурально, что и она сама захотѣла. Для молодинькой и живой дѣвочки замужество: масленица, молодой чело-

вѣкъ: Ниленберская кукла, а женихъ: скляночка съ духами.

ГОРЮНОВЪ *(смѣясь)*.

Точпо такъ, ей Богу! понюхиваетъ, да попрыскиваетъ.

НАБАТОВА.

Что это до сихъ поръ нейдетъ Сила Андреичь?.. А, да вотъ Пегасовскій! Какой несной дуракъ!

═

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢЖЕ И ПЕГАСОВСКІЙ.

ПЕГАСОВСКІЙ.

Имію честь свидѣтельствовать мое нижайшее почитаніе всимъ Члинамъ сего почтеннаго Сословія.

НАБАТОВА.

Гдѣ былъ, Эвграфъ Гардеичь? Я и не примѣтила, какъ ты отъ меня ушелъ.

ПЕГАСОВСКІЙ.

Для нуждъ своихъ ходилъ, сударыня! поднесъ одному покровителю стихи на день его тезоименитства; потомъ вручилъ супругѣ надгробную Титулярнаго Совѣтника Тита Клементьевича Полугарова; да снялъ подрядомъ переводъ Французской книги.

НАБАТОВА.

Стало, Титъ Клементьевичь умеръ? Какой былъ разбойникъ, удивительной!

ПЕГАСОВСКІЙ.

Прошу меня извинить, онъ еще диханія не перевелъ; но хоть и живъ, а мертвецъ не погребенной. Супруга его, барыня предобродѣтельная, по хозяйственной части лубитъ заранѣ и во время заготовлять все потребное для дома; и для сего и эпитафію еще третьяго дня заказать соблаговолила. Послѣ кончины ей! не взялъ бы менѣе двадцати рублей, а теперь по условію и пятью довоменъ бить долженъ.

НАБАТОВА.

Ну, полно Эвграфъ Гардеичь! тебѣ жить право не дурно: вездѣ принимаютъ, вездѣ подарки.

ПЕГАСОВСКІЙ.

Да змилуйтесь, Маремьяна Бабровна! я же часто питаюсь грѣшниками и укрѣпляюсь горилкой; а это же постыдная амвросія и нектарь. Въ иномъ домѣ и приглясятъ ко столу, но проклятія хлопцы вси меня обносятъ, и я блюдамъ дилаю инспекторскій смотръ; а обоняніемъ сытъ не будешь. Стихи мало заказываютъ и дурно платятъ; прежде бывало вирной доходъ отъ кондиторовъ: писалъ стишки для билетовъ; но и сіе изъ моды вышло.

НАБАТОВА.

Это жаль, а дарованія много. У насъ такихъ стихотворцовъ право мало, и въ одну минуту, что угодно? трагедіюль, пѣсенку, или исторію? тотчасъ поспѣетъ. *(Пегасовско-*

му). Успѣлъ ли ты заняться? — Помнишь о чемъ говорили.

ПЕГАСОВСКІЙ.

Я вси исполнилъ.—Готово, и вотъ *(показывая на свой карманъ)* тутъ...

РАЗВОЗОВЪ.

Что это такое?

ПЕГАСОВСКІЙ.

Ода на смерть Высокоблагороднаго Петра Алексѣича Побѣдина.

ПУСТЯКОВЪ *(съ сердцемъ)*.

Вотъ хорошо! да вы почему это знаете? отъ кого?

НАБАТОВА.

Я вамъ скажу: онъ зашелъ ко мнѣ передъ обѣдомъ; я сбиралась ѣхать сюда, и мнѣ пришло въ голову, что стихи жалкія на смерть Петра Алексѣича могутъ занять Си-

лу Андреича, а притомъ и Евграфу Гардеичу кой-что перевалится.

(Пегасовскій кланяется).

РАЗВОЗОВЪ *(Набатовой).*

Какъ же вы насъ увѣряли, что никому не сказывали.

ПУСТЯКОВЪ.

А выходитъ, что эта смерть ходитъ по городу.

ГОРЮНОВЪ.

И за чѣмъ насъ заарестовали? ни дай, ни вынеси: тотчасъ попадешь въ бѣду, право такъ!

НАБАТОВА.

Да кому узнать, и съ кѣмъ онъ знакомъ? Сдѣлайте для меня удовольствіе, побудьте здѣсь—одолжите, я васъ прошу.

РАЗВОЗОВЪ.

Я остаюсь изъ уваженія къ Силѣ Андреичу,

ПУСТЯКОВЪ.

Теперь надобно ждать, чѣмъ это все кончится.

ГОРЮНОВЪ.

А для меня все равно; здѣсь тепленько, я радъ съ людьми; не люблю одинъ дома сидѣть. Вотъ ужъ мнѣ тяжело, матъ!

НАБАТОВА *(Пегасовскому)*.

Не помнишь ли надгробной, Тита Клементьича Полугарова?

ПЕГАСОВСКІЙ.

Какъ же не помнить своихъ сочиненій? мои дѣти всегда при мнѣ. Извольте слушать.

(Вынимаетъ изъ кармана много бумагъ и отыскиваетъ одну).

Она будетъ написана золотыми буквами, на мовзолеѣ, которой также заказанъ весь изъ мрамора. Гробъ представлять будетъ куфу. На одномъ днѣ означено сорокъ, то есть,

лѣта усопшаго. На немъ сидятъ Геній премудрости, держащій портретъ покойника въ видѣ стакана, и Фортуна, коя для утоленія печали играетъ на балалайкѣ, любимомъ инструментѣ господина Полугарова; а рука его изъ гроба тянетъ изъ-подъ Фортуны рогъ изобилія. Какая прекрасная аллегорія! самая деликатная и вся изъ Митологіи.

(Читаетъ).

Эпитафія, то есть, надгробная.

Фортуна, Бахусъ и Меркурій,
Здѣсь возлюбленный вашъ сынъ зарытъ.
Курится, какъ гора Везувій,
Какъ спиртъ, вино, пѣнится, шипитъ.
Крючкомъ онъ нажилъ милліоны,
Повѣренной былъ отъ Короны,
Хотя въ чинахъ, въ безчестьѣ билъ челомъ
И родъ весь свой оставилъ подъ гербомъ.

РАЗВОЗОВЪ.

Очень, очень хорошо! особливо конецъ: эпитафія, и мавзолей, и человѣкъ все въ одномъ родѣ.

ПЕГАСОВСКІЙ.

Въ Поэзіи первой предметъ гармонія, и должно по Грамматикѣ согласить и родъ, и число, и падежъ.

ПУСТЯКОВЪ.

Въ эпитафіи вся жизнь заключена; жаль только, что сорокъ лѣтъ продолжалась.

НАБАТОВА (*Пегасовскому*).

А оду совсѣмъ кончилъ?

ПЕГАСОВСКІЙ.

Строфъ съ двадцать готови, да еще бы надобно крохи пошлифовать.

НАБАТОВА.

Ну да ты поди въ другую комнату, да и поправь.

ПЕГАСОВСКІЙ.

Позвольте прочитать симъ господамъ и

узнать мнѣніе такихъ почтенныхъ слушателей; рукоплесканія суть пища и сытому и голодному таланту.

МОРЕНКОПФЪ.

Эта пища шелутка не папортитъ.

НАБАТОВА.

Ну, читай поскорѣй, пока Сила Андреичь не пришолъ.

ПЕГАСОВСКІЙ.

Покорно прошу, внемлите. Тутъ есть много непротивнаго, новаго и приличнаго къ столь страшному концу сего младаго Ироя.

(Читаетъ).

Престаньте дни, часы, о время! течь;
Громъ, океанъ, вѣтры не шумите.
Стой, злобна смерть! атласъ спусти свѣтъ съ плечь.
Вопль, плачь, тоска, вздохи, вы теките!
Гекла! Этна! закрой свою трубу;
Явись солнце и освѣщай судьбу
Великаго Героя Росскихъ силъ!
Съ мѣдной грудью, съ корпусомъ метальнымъ

Сражался онъ съ варваромъ коварнымъ.
Вопитъ *ура!* но—*Буфъ!* ударъ сразилъ.

ГОРЮНОВЪ.

Стишки хоть куда. Всяко дѣло мастера боится.—А ужъ пуще всего этотъ *буфъ*, ну точно пушка; аль-но я вздрогнулъ?

ПЕГАСОВСКІЙ.

Это честь моей одѣ; и сей *буфъ* новое украшеніе Подражательной Поэзіи.

(Продолжаетъ читать).

Закрылъ уста, безжизненъ ты прилегъ,
И чуть, и чуть вздымается ребро.
Голодный Галлъ, обращенъ тобой въ бѣгъ.
Ктожъ далъ ударъ?—Чугунное ядро.
О фурія! пушка! дочерь ада!
Духъ тартара! ахъ! твои суть чада
И атропосъ.....

НАБАТОВА.

Поди, поди вонъ; я слышу голосъ Силы Андреича. *(Пегасовскій выходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

БОГАТЫРЕВЪ, НАБАТОВА, РАЗВОЗОВЪ, ПУСТЯКОВЪ, ГОРЮНОВЪ, МОРЕНКОПФЪ.

БОГАТЫРЕВЪ.

Извините, что я къ вамъ долго не являлся? заговорился съ бурмистромъ; а Наталья Семеновна моя заснула, сидя у дочери. Она бѣдняшка двѣ ночи не ложилась, насило ходитъ.

НАБАТОВА.

Да; ей теперь здоровье нужно.

БОГАТЫРЕВЪ.

Послушайка, Маремьяна Бобровна, что ты дивилась тому, что я спокоенъ? Мнѣ показалось будьто ты поморщилась. Почудилось мнѣ это, или что есть въ самомъ дѣлѣ?

НАБАТОВА.

Вѣдь вы знаете, что Петръ Алексѣичь раненъ?

БОГАТЫРЕВЪ.

Сказываютъ такъ, да все разное и увѣрительнаго ничего нѣтъ: должно ждать подтвержденія.

НАБАТОВА.

Охъ, Сила Андреичь! дурныя вѣсти вѣдь скоро доходятъ.

РАЗВОЗОВЪ.

Вы столько имѣете твердости.... вы на опытѣ это доказали....

ПУСТЯКОВЪ.

Вамъ же не въ первой разъ, оплакивать потери....

НАБАТОВА.

Снесите съ терпѣніемъ этотъ ударъ. Богъ милостивъ! ну, чтожъ дѣлать?

БОГАТЫРЕВЪ.

Да что вы меня терзаете, я готовъ на все *(Горюнову)*. А ты о чемъ плачешь?

ГОРЮНОВЪ *(рыдая)*.

Да мнѣ васъ жаль—и его жаль. Хорошо бы и вамъ тутъ же заплакать, авось либо легче будетъ.

НАБАТОВА.

Батюшка, Сила Андреичь, какъ мнѣ вамъ сказать? Ей Богу! не знаю.

БОГАТЫРЕВЪ *(съ нетерпѣніемъ)*.

Скорѣй и короче.

МОРЕНКОПФЪ.

О та што фи мушить этатъ добрій старикъ? ну гафарите, ахъ! Поже мой!—мейнъ Готъ! мейнъ Готъ!

НАБАТОВА *(Богатыреву)*.

Ну, знайте, ужъ если вамъ такъ хочется, что вашего Петра Алексѣича нѣтъ на свѣтѣ.

БОГАТЫРЕВЪ.

Нѣтъ на свѣтѣ!—Его?—ахъ, бѣдная Сонюшка!—что онъ умеръ? или убитъ?

НАБАТОВА.

Убитъ, въ послѣднемъ дѣлѣ; онъ хотѣлъ взять батарею....

БОГАТЫРЕВЪ.

Ну!...

НАБАТОВА.

Бросился на пушки одинъ....

БОГАТЫРЕВЪ.

Ну!...

НАБАТОВА.

И двумя ядрами убитъ.

БОГАТЫРЕВЪ *(перекрестясь)*.

Стало, и не страдалъ, и не успѣлъ подумать ни о сокровищѣ, коимъ Богъ хотѣлъ его наградить, ни обо мнѣ, вѣрномъ своемъ другѣ; но нѣтъ, онъ думалъ прежде и зналъ, что щастіе моего дома, отъ его судьбы зависѣло.

РАЗВОЗОВЪ

Какое нещастіе, что онъ не могъ укротить своей запальчивости!

БОГАТЫРЕВЪ.

Не можно: онъ былъ молодъ, и весь благородной; храбрость Руская разсудка не слушаетъ; она побѣждаетъ, или погибаетъ.

РАЗСУДКОВЪ.

Онъ довольно доказалъ прежде, что онъ храбръ и могъ бы не подвергать себя лишней опасности.

БОГАТЫРЕВЪ.

Если бы онъ не былъ храбръ, то бы я его не выбралъ въ свои зятья; не думалъ бы найти въ немъ сыновъ убитыхъ, замѣнить ихъ, осушить иногда горькія слезы щастіемъ дочери. Но напрасно я думалъ утолить скорбь мою. Надежда мелкнула въ глазахъ моихъ и изчезла навсегда. Нещастной ста-

рикъ! какой ждетъ тебя конецъ? Кто закроетъ глаза твои? Кого ты по себѣ служить Государю оставишь? Имѣлъ двухъ сыновъ, и нѣтъ ихъ; сыскалъ третьяго, погибъ и онъ. О Россія! дражайшее Отечество! вся кровь моя пролита за тебя.

РАЗВОЗОВЪ.

О почтенный мужъ!

ПУСТЯКОВЪ.

О примѣрный сынъ Отечества!

НАБАТОВА.

Истинно благородной человѣкъ!

МОРЕНКОПФЪ.

Злафный эксемпль, молоты люди!

ГОРЮНОВЪ.

То ужъ патріотъ, нечего сказать, не бось не унываетъ.

НАБАТОВА.

Укротите вашу печаль, подумайте о себѣ; что вамъ себя морить безвременною смертію? у васъ еще есть Софья Силовна.

БОГАТЫРЕВЪ.

Охъ, матушка! сердце кровью обливается! Она одна теперь на свѣтѣ, и въ осьмнадцать лѣтъ смерть отравила ядомъ жизнь ея.

НАБАТОВА.

Надѣяться надобно, что время....

БОГАТЫРЕВЪ.

Время ослабѣваетъ печаль, а скорбь души часъ отъ часу глубже вырѣзываетъ, и эти слѣды одна лишь смерть заравниваетъ. Такъ и быть! доживать и доплакивать. Господи, да буди святая воля твоя! Сила Андреичь, крѣпись и мужайся! ты человѣкъ и Христіанинъ.

РАЗВОЗОВЪ *(въ сторону)*.

Онъ у меня раздираетъ душу.

ПУСТЯКОВЪ *(въ сторону)*.

Теперь смерть объявлена, мнѣ здѣсь дѣлать нечего: поѣду домой, перемѣню лошадей и пущусь по городу объявлять это нещастіе. *(Уходитъ)*.

═

ЯВЛЕНІЕ X.

БОГАТЫРЕВЪ, НАБАТОВА, РАЗВОЗОВЪ, МОРЕНКОПФЪ, ГОРЮНОВЪ И БОГАТЫРЕВА.

БОГАТЫРЕВА *(входя скоро къ мужу)*.

Что такое сдѣлалось! что съ тобой, Сила Андреичь? ты плачешь! *(Всѣмъ)* Да что такое?

БОГАТЫРЕВЪ.

Поди ко мнѣ, другъ мой! плачь и рыдай со мной. Мы не всѣ еще съ тобой слезы пролили. Послушай, плачь по Петрѣ Алексѣичѣ.

БОГАТЫРЕВА.

Ахъ!—Софьюшка—о другъ мой!...

(Падаетъ въ кресла безъ чувства, всѣ бросаются къ ней).

БОГАТЫРЕВЪ *(держа руки у жены).*

(Моренкопфу) Помогите ради Бога; мои глаза кромѣ смерти ничего не видятъ.

МОРЕНКОПФЪ *(щупая пульсъ у Богатыревой).*

Ну, эта малиньки опморокъ — фотъ и пульсъ та прикодитъ въ свой моціонъ. Эта перви обмарокъ, тругой-та палекше пудитъ. Ната натуръ дать фоли; ана звой тѣла знаетъ тѣлать: старинни Профессоръ.

РАЗВОЗОВЪ.

Я надорвусь отъ жалости; отъ роду эдакой картины не видалъ, Боже мой!

ГОРЮНОВЪ.

И мнѣ въ самомъ дѣлѣ жалко становится; чтожъ? вѣдь и я человѣкъ такой же.

НАБАТОВА *(Моренкопфу).*

Да ну, Кашпаръ Богданычь! что тутъ пульсъ щупать? пускай кровь пожалуста поскорѣй.

МОРЕНКОПФЪ.

Ташасъ, ташасъ, *прицыпитандо бибимусъ сангвине фужибатъ.* Эта Цицеронъ лубима пасловись.

(Отворяетъ дверь и чтой - то приказываетъ).

НАБАТОВА *(въ сторону).*

Я ни чему не рада. Жаль, что не отложила до завтра; вездѣ опоздаю: ужъ девять часовъ.

ГОРЮНОВЪ.

Экъ какъ насъ всѣхъ перевернуло — и вдругъ еще — смотри пожалуй. — Ба! ба! да за чтожъ мы одни принялись плакать? а люди и въ усъ себѣ не дуютъ. Пойду-ка я имъ объявлю эту радость; авось и они заплачутъ. Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клещной. *(Уходитъ).*

НАБАТОВА.

Опомнитесь, Наталья Семеновна! Приди матушка, въ себя; ну чтожъ дѣлать? такое опредѣленіе. — Что мы можемъ противъ воли Божіей? посѣтилъ еще домъ вашъ печалію. Чтожъ, его не подымите, а себя въ гробъ положите.

БОГАТЫРЕВА.

Ахъ, лучше бы мнѣ умереть! — ахъ лучше....

БОГАТЫРЕВЪ.

Другъ мой, съ кѣмъ же я останусь? — Намъ остается просить одной у Бога милости: чтобъ умереть вмѣстѣ.

БОГАТЫРЕВА.

Дай Богъ!

НАБАТОВА.

У васъ еще Софья Силовна, и ее утѣшить надобно. Мало ли чего въ свѣтѣ бываетъ?

бѣда ходитъ не по лѣсу, а по людямъ. Ну, Богъ милость свою надъ вами явитъ. Какъ быть! живи не какъ хочется, а какъ Богъ велитъ. Вотъ вы матушка оправьтесь, поѣдемъ къ Троицѣ, въ Ростовъ, къ Пафнутію Боровскому; а лѣтомъ, если живы да здоровы будемъ, махнёмъ въ Кіевъ: я вездѣ съ вами, ни на минуту васъ однѣхъ не покину.

(Входятъ четыре человѣка. одинъ съ чашками, другой съ салфеткой, третій съ половой щоткой, четвертой съ склянкой, Ганцблутъ).

БОГАТЫРЕВЪ *(Моренкопфу).*

Вы хотите ей пускать кровь? но пожалуста оставьте до завтра. Намъ еще много горя будетъ утѣшать бѣдную дочь, она ничего не знаетъ.

МОРЕНКОПФЪ.

Ну, да завтре ешо мошна чашка тва пустить; а теперь папольшѣ — уфидимъ — уфи-

димъ. Зперва Натальи Земеновна, а тамъ и фасъ, патушка! клейнъ писхенъ; фи не лупитъ, я снаю; но теперь попался фъ мой руки; я партонъ не снай: фикторія, одеръ тотъ. Э! э! э!

БОГАТЫРЕВЪ.

Я и сыновья мои для того не пускали крови, что берегли ее, и думали, что дворянинъ долженъ ее проливать только за Отечество и за Государя. Но, *(вздохнувъ)* сыновей нѣтъ на свѣтѣ, а я тяжкое бремя на земли, и если вы находите нужнымъ, то дѣлайте, что вамъ угодно.

РАЗВОЗОВЪ.

Всякое его слово печатается на моемъ сердцѣ.

МОРЕНКОПФЪ.

А фотъ зперва ми папропуемъ Натали Земенофна; у ней злафна шилъ, какъ захарна верефка, и бинтъ полошить не ната.

БОГАТЫРЕВА *(мужу).*

Чтожъ тебѣ на это смотрѣть? ты бы пошелъ къ Сонюшкѣ. Я боюсь, чтобъ ей кто не сказалъ—О Боже! укрѣпи ее!

(Пока Ганцблутъ и люди подходятъ и готовятъ все потребное для кровопусканія).

БОГАТЫРЕВЪ.

Какой нещастной день въ моей жизни! старость, печаль и горькія воспоминанья будутъ одни наши собесѣдники; ужъ я не буду ждать ни радостныхъ извѣстій, ни поздравленій, ни восхитительныхъ свиданій: сыновей, и зятя нѣтъ въ арміи. Здѣсь я ихъ благословлялъ, отсюда отпускалъ на службу, на этомъ мѣстѣ вручилъ зятю шпагу пожалованную Государемъ ПЕТРОМЪ ВЕЛИКИМЪ отцу моему за храбрость; съ ней служили я и сыновья мои, и она въ рукахъ Богатыревыхъ обагрялась кровію непріятельской. Я обнялъ жениха моей доче-

ри, и не чувствовалъ, что въ послѣдній разъ; онъ оросилъ грудь мою и руки слезами, и вышелъ въ эти двери, чтобъ никогда не возвращаться....

(Въ сію самую минуту двери отворяются Побѣдинъ вбѣгаетъ и бросается на шею къ Богатыреву).

Ахъ, что это? — Боже милосердый!

═

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢЖЕ И ПОБѢДИНЪ.

ПОБѢДИНЪ.

Батюшка, батюшка, какое благополучіе!

БОГАТЫРЕВА *(бросаясь къ нему на шею).*

Это онъ! это онъ! и ты живъ!

ПОБѢДИНЪ *(цѣлуя у ней руки).*

Да, матушка! это сынъ вашъ, это я. Но что такое сдѣлалось? на всѣхъ я вижу страхъ. Кому хотѣли кровь пускать? Боже мой! гдѣ Софья Силовна?

НАБАТОВА.

Что это за чудо? это мертвецъ, или — нѣтъ, не повѣрю — привидѣніе; точно привидѣніе.

РАЗВОЗОВЪ.

Я глазамъ своимъ не вѣрю; и убитъ и живъ!

МОРЕНКОПФЪ.

Ай! ай! ай! Ну! ну! ну! Дасистъ деръ-тейфель!

БОГАТЫРЕВЪ *(Побѣдину).*

Выслушай, дивись и радуйся: отъ тебя съ мѣсяцъ писемъ не было, дочь отъ безпокойства занемогла, но теперь ей лучше.

ПОБѢДИНЪ.

Ахъ, какое нещастіе!

БОГАТЫРЕВЪ.

Ничего, мой другъ! ничего; она совсѣмъ почти здорова, ну стану ль я тебя обманывать? Мы измучились, смотря на нее и не знавъ, что съ тобою дѣлается. Сего дня послѣ обѣда—вотъ Михаіла Федорычь, Николай Иванычь Пустяковъ и Кашпаръ Богданычь сообщили мнѣ, что ты раненъ: иной говорилъ въ руку, другой въ ногу, третій въ голову, такъ что я сталъ и сомнѣваться въ ранѣ, но вотъ дорогая кумушка *(показывая на Набатову)*. Подвижная эта смерть посѣтила и отправила было насъ на тотъ свѣтъ.

ПОБѢДИНЪ.

Какъ это?

БОГАТЫРЕВА *(мужу)*.

Другъ мой! теперь намъ радоваться надобно, а не сердиться; Богъ ей судья! прости ее.

БОГАТЫРЕВЪ.

Хорошо, матушка! это не уйдетъ; да позволь мнѣ досказать. Вотъ эта сударушка и одолжила меня извѣстіемъ, что ты убитъ, и чортъ знаетъ, какую сплела исторію! что ты бросился брать пушку, и ядромъ ударило въ голову....

РАЗВОЗОВЪ.

А другимъ въ грудь.

БОГАТЫРЕВЪ.

Ну вотъ слышишь, одного мало; но я не понимаю теперь и самъ, какъ ей повѣрилъ, и какъ не умеръ на мѣстѣ. Наталья Семеновна упала въ обморокъ; ей было хотѣли пустить кровь, и Богъ одинъ знаетъ, чтобъ изъ этого вышло.

ПОБѢДИНЪ.

Гдѣ же Софья Силовна? Позвольте батюшка....

БОГАТЫРЕВЪ.

По щастію она не выходитъ и ничего не знаетъ, даже и того, что ты будто раненъ.

ПОБѢДИНЪ.

Да я и въ самомъ дѣлѣ раненъ *(показываетъ на руку)* подъ Прейсише-Эйлаву; но я могъ въ третій день быть съ баталіономъ опять въ дѣлѣ. *(Богатыревъ цѣлуетъ у него руку)*. Помилуйте, батюшка!

БОГАТЫРЕВЪ.

Позволь. — Всякая рана, полученная за Отечество есть печать его.

БОГАТЫРЕВА *(Побѣдину)*.

Да что ты, мой милой, до излеченія чтоль отпущенъ и на долго ли съ нами?

ПОБѢДИНЪ.

Матушка, я здоровъ; слѣдственно поспѣшу въ армію. Я былъ отправленъ къ Госу-

дарю съ извѣстіемъ о послѣдней побѣдѣ; па другой день моего пріѣзда въ Петербургъ я испросилъ позволеніе ѣхать черезъ Москву и пробыть здѣсь три дни. Теперь поздравьте меня: Государь изволилъ меня пожаловать въ Подполковники и, что всего драгоцѣннѣй, изволилъ обо мнѣ разговаривать съ похвалою.

РАЗВОЗОВЪ.

Имѣю честь поздравить; пріятно видѣть достоинство съ наградой.

МОРЕНКОПФЪ.

Гратилуръ. Фотъ теберь и зъ палкомъ скоро будитъ, а тамъ малинкій корпусъ — ну и *маршъ маршъ!* эте злафна.

НАБАТОВА.

А я ужъ ни за что на свѣтѣ не поздравлю.... во время пріѣхалъ. Вотъ говорятъ, что Французы мастера стрѣлять — пустое; не попали.

БОГАТЫРЕВЪ.

Велика милость Государева! дай Богъ ему много лѣтъ здравствовать; а зять пусть служитъ. Такъ ли, другъ сердечной? Ступай до бѣлаго знамя. Лишь бы смерть не вручила косы Маремьянѣ Бабровнѣ; а то она тотчасъ тебя подкоситъ. Берегись!

НАБАТОВА.

Вотъ хороша отъ васъ признательность. Я отъ добраго сердца хотѣла васъ любя сберечь, успокоить и объявить по деликатнѣй; а на по вѣрку яжъ виновата. Покорно благодарю; впередъ наука. Попала въ бѣду отъ того, что ко мнѣ написали; я повѣрила; а Петръ Алексѣичь изволилъ вдругъ явиться.

БОГАТЫРЕВЪ.

И, что всего мудренѣй, живой.

НАБАТОВА.

Можетъ быть; а я не могу этому вѣрить, какъ хотите.

БОГАТЫРЕВЪ.

Да взгляни, матушка! вонъ онъ и говоритъ, и ходитъ, и насъ обнимаетъ, и вотъ и я его обнимаю. *(Обнимаетъ Побѣдина).* Ну ужъ одолжила; благодаренъ за милость.

НАБАТОВА *(въ сторону).*

Пренесносной старикъ! *(Богатыреву)* Я вамъ все тоже, да тоже говорить буду: мнѣ написали, и я свой долгъ въ этомъ случаѣ выполнила; а вы извольте это принимать, какъ вамъ угодно — и гнѣваться — мнѣ все равно; вы меня ничемъ попрекнуть не можете.

БОГАТЫРЕВЪ.

Фу, самосбродная! Да кто тебя просилъ спѣшить? Кто къ тебѣ писалъ? ну, скажи!

РАЗВОЗОВЪ.

Маремьяна Бабровна получила изъ арміи письмо, отъ братца Петра Алексѣича.

НАБАТОВА *(съ сердцемъ).*

Конечно отъ него, и изъ арміи; что за секретъ?

ПОБѢДИНЪ.

Вотъ теперь, сударыня, позвольте и мнѣ увѣриться, что я ни гдѣ убитъ не былъ. Во первыхъ, братъ мой, не имѣя чести быть съ вами знакомъ, не можетъ писать къ вамъ писемъ, а во вторыхъ его въ арміи совсѣмъ и не было. Онъ еще въ Августѣ посланъ былъ въ Вѣну, и на канунѣ моего пріѣзда въ Петербургъ, пріѣхалъ самъ туда.

РАЗВОЗОВЪ *(Побѣдину).*

Позвольте спросить, какой корпусъ двадцати-тысячной взяли въ полонъ, зажегши лѣсъ.

ПОБѢДИНЪ.

Я отъ васъ въ первой о семъ слышу.

РАЗВОЗОВЪ.

А Маремьяна Бабровна и о семъ утвердительно объявила.

НАБАТОВА.

Ну, теперь всѣ на меня поднялись; а и вы сударь, *(Развозову)* охотники вѣсти развозить; если и ваши повѣрить, то, думаю, много развѣ на душѣ только отыщешь.

МОРЕНКОПФЪ.

Ну полна, патушка, што фи петпай дама за свѣтъ гоните? тайте ей бакой: ушъ таки ей заталъ штрапацъ.

ПОБѢДИНЪ *(Богатыреву)*.

Я отъ нетерпѣнія внѣ себя; сдѣлайте милость, батюшка, позвольте мнѣ видѣть Софью Силовну.

БОГАТЫРЕВА.

Я, мой другъ, пойду съ нимъ и не вдругъ его покажу, чтобъ радость не обратилась во вредъ.

БОГАТЫРЕВЪ.

Хорошо, матушка, я тотчасъ къ вамъ приду самъ.

(Богатырева и Побѣдинъ уходятъ).

РАЗВОЗОВЪ *(въ сторону).*

А я поспѣшу разгласить по городу смерть и явленіе, коимъ всѣ обязаны будутъ Маремьянѣ Бабровнѣ; и такъ ее отдѣлаю, что мѣсяца три никто ей вѣрить не будетъ.

МОРЕНКОПФЪ.

Ну! ну! Прашайте, патушка. Я зафтра фамъ стѣлаю малинки физитъ. Фотъ Зилъ Антреичь пылъ дишператъ, а теперь *Ганцъ лустигъ* — атье — атье. Брафо! брафо!...

(Уходитъ).

═

ЯВЛЕНІЕ XII.

БОГАТЫРЕВЪ И НАБАТОВА.

БОГАТЫРЕВЪ.

Ну, вотъ смотри, сударыня! радуйся на дѣла мерзскаго твоего языка.

НАБАТОВА.

Чтожъ, мнѣ молчать прикажете? Мнѣ говорить еще не запрещено.

БОГАТЫРЕВЪ.

Да слушать-та бы тебя никому не надобно. Стыдно, сударыня! стыдно; что тебѣ за охота лгать и пугать? Вѣдь ты-было меня совсѣмъ на тотъ свѣтъ отправила; а я хоть и старъ, да не даромъ хлѣбъ ѣмъ: могу и доброму научить; а ты за чѣмъ живешь на свѣтѣ?—такъ!

НАБАТОВА.

Да и большая часть такъ живетъ; однакожъ, Сила Андреичь! меня не меньше васъ знаютъ въ публикѣ, и я въ лучшіе домы въѣзжа.

БОГАТЫРЕВЪ.

Будто это-то? Публика собраніе людей а люди съѣзжаются, чтобъ видѣться, играть, зѣвать и время убивать, то есть: себя.

НАБАТОВА.

Ну, да если въ публику всякой можетъ ѣздить, то по крайней мѣрѣ въ домахъ людей лучше сартирують. Да для васъ ничего святаго нѣтъ, и вы все браните, и хотите свѣтъ передѣлать по своему; а кабы вы послушали, что про васъ говорятъ....

БОГАТЫРЕВЪ.

Да чего слушать; я знаю — по мнѣ, что за нужда. Вотъ я бы сей-часъ правую руку далъ отрубить, чтобъ у насъ одумались. Молодые, Богъ съ ними, перебѣсются; а кто ихъ развратилъ?—Старые. Ну, да вотъ ты первая; что ты дѣлаешь цѣлой день?—Лжожъ, врёшь, и дурной примѣръ даёшь; злословишь, путаешься не въ свои дѣла, таскаешься по магазейнамъ, мѣняешь съ Бухарцами шали, а съ старухами сплетни, и, какъ гончая собака, гонишь и по зрячему, и по горячему.

НАБАТОВА.

Покорно благодарю за портретъ и за сра-

вненіе; чтожъ мнѣ въ телагрею прикажите одѣться?

БОГАТЫРЕВЪ.

Правды никто не любитъ слушать, а говорить всякой сбирается. Я ужъ давно ее проповѣдываю, да выходитъ гласъ въ пустынѣ. Ну, взгляни ты на себя, какъ ты одѣта? тебѣ давно за пятдесятъ лѣтъ, вѣдь смѣхъ и грѣхъ! На что ты походишь? съ рукъ на прачку, съ головы на Голландскаго шкипера. Одѣвала бы по старинѣ грѣшное тѣло, по теплѣй, вѣдь въ тебя, не бось, вѣтеръ дуетъ со всѣхъ сторонъ, какъ въ старыя опущенныя палаты; что ты за мокрая Венера изъ пѣны морской явилась? Ну, смотри! какъ зима тебя прихватитъ, сведётъ руки и ноги; вотъ и выйдетъ тюника сокомъ.

НАБАТОВА.

Не слушаю и не послушаю, не боюсь ридикуля, не хочу быть одѣта шутихой; я хочу жить въ свое удовольствіе.

БОГАТЫРЕВЪ.

Да кто мѣшаетъ? пусть надъ вами смѣются. Да за что вы губите моложенькихъ дѣвушекъ вашимъ безобразнымъ одѣяніемъ? Эта мерзкая мода обливаетъ любовь и уваженіе холодною водою и, вмѣсто того, чтобъ привлекать, гонитъ прочь, и жениховъ ловятъ, какъ бѣглыхъ. Въ старину, и не очень давно, у иной дѣвушки въ мѣсяцъ не увидишь руки безъ перчатки; а нынче воображенью и догадкѣ дѣла нѣтъ. Да прежде сего одѣвались, а нынѣ раздѣваются. Иная ѣдетъ на балъ, какъ модель для живописцевъ; другая изъ отцовскаго дома, какъ изъ Кунстъ-Камеры: на рукѣ мѣшокъ съ бѣльемъ, всё сквазитъ, всё летитъ; разъ взглянулъ, точно какъ отъ купели принималъ.

НАБАТОВА.

Да матерей-та за чѣмъ тутъ припутали? какъ будто онѣ виноваты, что дѣти рѣзвятся. Кто молодъ не былъ? Мать вѣдь не сол-

датъ; что, сіи на часахъ развѣ стоять и всѣхъ окликать?

БОГАТЫРЕВЪ.

Мать есть примѣръ, покровъ и наставникъ для дочери. А дочь благовоспитанная есть лучшее украшеніе матери. Но иныя, по нещастію, что нынче дѣлаютъ? притравливаютъ ихъ къ пороку и, теряя свое право, теряютъ и дочерей. Дочь съ матерью, точно какъ съ мадамой: обѣ на легкѣ, подъ краской. Дочь мигаетъ, мать моргаетъ; одна танцуетъ, другая валцируетъ; одна ищетъ женишка, другая пастушка; одна съ ума сходитъ, другая въ себя не приходитъ. — Господи помилуй, да будетъ ли этому конецъ!

НАБАТОВА.

Ну, какъ изволили пуститься, Сила Андреичь! Браво! Жаль, что у меня память слаба и что я забыла записную книжку; а то бы могла вамъ показать услугу: публика вамъ должна быть благодарна.

БОГАТЫРЕВЪ.

И конечно, и навѣрно: въ публикѣ много

и много есть почтенныхъ людей, матерей и отцовъ, кои одного со мною мнѣнія; имъ-то я себя и отдаю на судъ. Отъ безразсуднаго пристрастія и ослѣпленія къ иностраннымъ мы обращаемся изъ людей въ обезьяны, изъ господъ въ слуги, изъ Русскихъ въ ничто. Этотъ развратъ есть болѣзнь завозная, прилипчивая, и иныхъ у насъ обезобразила такъ, что и узнать нельзя. А что я говорю, это правда и для ушей, и для глазъ, и для души; въ семьѣ не безъ урода; да на чтожъ самому себя изуродовать и сдѣлаться гадкимъ спискомъ мерзскаго подлинника?

═

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢЖЕ И ПОБѢДИНЪ.

ПОБѢДИНЪ *(Богатыреву).*

Батюшка! я къ вамъ пришелъ съ просьбою отъ Софьи Силовны: пожалуйте къ ней, и

забудьте всѣ огорченія, видя насъ вмѣстѣ. Она желаетъ васъ имѣть свидѣтелемъ нашего благополучія.

БОГАТЫРЕВЪ.

Тотчасъ, мой другъ! дай мнѣ окончить разговоръ съ Маремьяной Бабровной.—Я говорю правду, ей одной предоставлено право изобличать порокъ, исправлять развращенныхъ и показывать истинной путь къ добродѣтели.

═

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ТѢЖЕ И ГОРЮНОВЪ.

ГОРЮНОВЪ *(не видя Побѣдина).*

Ну, Сила Андреичь, что я надѣлалъ! ужъ скажете спасибо! у меня и въ передней, и въ людской, и на конюшнѣ всѣ люди, какъ коровы ревутъ. Я вѣдь сказалъ, что Петръ

Алексѣичь убитъ *(увидя Побѣдина)*. Аі! аі! съ нами Богъ! — Батюшки! — батюшки!...

БОГАТЫРЕВЪ.

Молчи, молчи! что ты это? — Опомнись, эдакой трусъ! Посмотри, вотъ тебѣ Петръ Алексѣичь здоровой, и хотя раненой, но живой.

ГОРЮНОВЪ.

Охъ!—чтожъ? я радъ—права радъ, а воля ваша со мной эта дурная шутка — ахъ, чудеса! подумаешь... Да какъ это случилось? Стало всё неправда.

ПОБѢДИНЪ.

Отъ васъ зависитъ вѣрить, что я убитъ не былъ.

ГОРЮНОВЪ.

Да буди по слову вашему опять живы, все таки лучше; а вѣдь ужъ, какъ было васъ уходили, батюшка Петръ Алексѣичь, въ мелкія пирожныя части! Живаго мѣста не оста-

вили, право такъ! Смотри пожалуй! чего не подумаютъ? Ахъ, мошенники!

НАБАТОВА.

И ты, Фока Феклистычь, съ глупа тудажъ. Сила Андреичь, тотъ ужъ волю взялъ, а ты, мой голубчикъ! не очень пускайся — съ тобою я скоро раздѣлаюсь.

БОГАТЫРЕВЪ.

Раздѣлайся лучше прежде со всѣми тѣми, кого ты обидѣла, оболгала и привела въ отчаяніе; да погоди, матушка, я тебя выведу на чистую воду.

НАБАТОВА.

Что вы на меня такъ разозлились? что я вамъ на посмѣяніе чтоль досталась? — Ну, извольте разсказывать — ну, разсказывайте! и я вѣдь не замолкну. Посмотримъ, кто кого уходитъ. Господи! что за важность! великая диковина Сила Андреичь! великая бѣда, что женихъ дочери былъ убитъ! Я хоть

и вдова, а за себя постою; какъ вамъ меня ругать? я благородная, я дворянка, я Генеральская дочь! —

БОГАТЫРЕВЪ.

Ты сплетчица, разнощица, и ты за тѣмъ только и ѣздишь по домамъ, чтобъ наполнять ихъ ложью, ссорами и злословіемъ. Языкъ твой жало, слова иголки, умъ зажигательное стекло. Для тебя, ничего святаго, нѣтъ на свѣтѣ; и если я тебя терпѣлъ у себя въ домѣ, то это для того, чтобъ показывать дочери порокъ во всей его мерзости.

НАБАТОВА.

Ахъ, батюшка, ты съ ума сошелъ! что ты вздумалъ меня показывать, какъ Американку, или невидимку? Нѣтъ, сударь! послѣ этого я и сама къ тебѣ не поѣду, ни подъ какимъ видомъ, ни за что на свѣтѣ, хоть на колѣняхъ стой!

БОГАТЫРЕВЪ.

Какъ! мнѣ становиться передъ тобой на

колѣни? да я для тебя и колпака не сниму. Вонъ, сударыня, вонъ изъ моего дома, чтобъ нога твоя здѣсь не была. Я ѣду сей же часъ просить всѣхъ знакомыхъ, чтобъ тебя и на дворъ не пускали; тебя надо заявить, въ газетахъ припечатать, привязать на шею почтовой колокольчикъ, чтобъ всѣ отъ тебя держали права.

НАБАТОВА.

Пустяки, пустяки! заврался, голубчикъ! съ ума сошелъ; а я таки вездѣ ѣздить буду, говорить, кричать, тебя ругать и выведу изъ тебя комедію — точно выведу.

(Уходитъ).

БОГАТЫРЕВЪ.

Лучше трагедію; ты будешь пятымъ дѣйствіемъ и всѣхъ отправишь на тотъ свѣтъ.

ГОРЮНОВЪ.

Прощайте, Сила Андреичь! поѣхать и мнѣ домой; что-то не по себѣ, крѣпко я напугался, теперь того и смотри, что и меня

уморятъ на досугѣ, а тамъ увѣряй пожалуй что не правда, меняжъ бранить станутъ.

(Уходитъ).

═

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

БОГАТЫРЕВЪ И ПОБѢДИНЪ.

БОГАТЫРЕВЪ.

Ахъ, другъ мой! какъ ты во время пріѣхалъ! чтобы съ нами было? Видишь плоды праздности и злословія!

ПОБѢДИНЪ.

Вижу, и долженъ желать, чтобъ они никогда не касались до благополучія, кое меня ожидаетъ.

БОГАТЫРЕВЪ.

Дай Богъ! отличайся и сплетай вѣнокъ лавровой, и бракъ возложитъ на него вѣнецъ: живи и умирай съ честью неразлучно.

ПИСЬМО ВѢНИКОВА

КЪ

СИЛѢ АНДРѢЕВИЧУ БОГАТЫРЕВУ.

Спѣшу тебя извѣстить, любезный другъ! Сила Андрѣевичь, что ты попалъ еще разъ не въ печать, а въ комедію: и выведенъ уже не на Красное крыльцо, а на театръ. Не знаю, какой-то потаенный писецъ помѣстилъ тебя въ одномъ дѣйствіи въ числѣ актеровъ, кои смѣха ради играли комедію. Но ты не сердись, ты и на театрѣ тоже говорилъ, что и на Красномъ крыльцѣ, и я иногда воображалъ, что ты въ моихъ глазахъ. Досталось и модамъ, и мадамамъ, и сплѣтнямъ, и зараженнымъ заморскими проказами. Но объ Россіи ты говорилъ, какъ законный ея сынъ и нѣжный любовникъ, и хотя господа актеры изъ кожи лѣзли и галерейные засѣдатели много били въ ладоши, однакожь правду сказать: ложная и кресельная публика не совсѣмъ благосклонно тебя приняла и заключила, что въ тебѣ много соли и ты пересолилъ. За картину моднаго одѣянія сердятся натуральныя дамы, за надгробную Полугарова ему подобные, за Моренкопфа

нѣкоторые практикованные доктора, и если бы тебѣ случилось въ то самое время быть въ Москвѣ, то бы не совѣтовалъ казаться ни въ магазины, ни быть больнымъ, ни брать винной поставки. А какъ будто нарочно послѣ этой комедіи на другой день, публика уморила на два часа одного живаго, докторъ другаго навсегда рвотнымъ, Кузнецкія мадамы выкрали еще больше передки и спинки; Руские филантропы сбирали деньги для иностранца, коего приказано выслать за границу; и одна старая барыня, для очищенія совѣсти, рѣшилась выйти за-мужъ за Нѣмецкаго трубочиста. Ну, пожалуста послушай! перестань проповѣдывать истину; ты ею дразнишь людей и надорвешься надъ порокомъ. Оставь старину въ Кремлѣ и на Спаскомъ мосту въ картинкахъ. Прощай, другъ сердечной! я живу по прежнему за дѣломъ, но слышу, что всѣмъ очень весело, хотя рѣдко живое лицо увидишь; у молодыхъ отъ вертѣнья, у среднихъ отъ безсонницы, а у старыхъ отъ сидѣнья. Дай Богъ имъ здоровья и скорѣй великаго поста.

Февраля 10 дня, 1808 года.

ОТВѢТЪ

СИЛЫ АНДРѢИЧА БОГАТЫРЕВА

УСТИНУ УЛЬЯНОВИЧУ ВѢНИКОВУ.

Ну, братъ Устинъ Ульяновичь! одолжилъ ты меня письмецомъ. Въ такой сперва жаръ кинуло, что я кислыхъ щей и барбарисной воды стакановъ съ десять выпилъ, и разсердился-было крѣпко; но послѣ походилъ, подумалъ, соснулъ на лежанкѣ и всталъ какъ встрепаной, будто ни въ чемъ не бывалъ, не довольно того что въ комедіи.

Вотъ, братецъ, какъ трудно уйти отъ напраслины! Шепталъ, записали; молчалъ, росписали. Сперва вывели на площадь, а теперь на театръ. Благодарю однакожь за присылку комедіи. Читалъ и перечитывалъ; нахожу, что и тутъ я нѣсколько на себя похожу. Хорошъ докторъ; вѣрно у него дома два каменныхъ есть и за здравіе его молятъ столяры. Пегасовскій право не такъ дуренъ; а бѣда его та, что онъ своимъ сти-

хамъ цѣны не ставитъ, а беретъ, кто изъ милости что пожалуетъ. Развозовъ и Пустяковъ сущіе тираны лошадей и человѣческихъ ушей. Маремьянъ Бобровнъ по дюжинѣ есть въ каждомъ кварталѣ. Но вотъ дурно то, что меня заставили говорить о пожертвованіяхъ и о службѣ моей; что кумъ мой Горюновъ и Набатова слишкомъ вольно говорятъ, и я никогда бы самъ не сказалъ, что онъ такой одинъ въ Россіи, потому что на мою долю я съ десятокъ подобныхъ знаю; а я не со всемъ свѣтомъ знакомъ. Мнѣ, ей Богу! не досадно, что покойная публика не очень ласково меня приняла. Нынѣ проповѣди не въ модѣ, а говори о погодѣ. Меня на вѣку ужъ много разъ сквозь строй языками гоняли, а загонятъ не могутъ. Живъ по милости Божіей. Да яжъ не хочу быть въ числѣ тѣхъ людей, коихъ всѣ любятъ. Они или ничто, или все; а я по своей натурѣ иныхъ почитаю, иныхъ уважаю, другихъ презираю, и ничего не скрываю. Не совѣтую тебѣ совѣтовать мнѣ перемѣнить-

ся. Я не червякъ, бабочкой быть не могу; а нынѣ хотя вѣкъ и баснословной, но и самъ чортъ не превратитъ меня изъ Рускаго въ иноземца. Ну, что за бѣда? побранятъ да перестанутъ; а я опять за перо. Бумага у насъ своя, сажи много, гусей многое множество, а странностей своихъ и иностранныхъ тьма. Я доволенъ, что въ Москвѣ веселятся; да не люблю, что не во время начинаютъ. Изъ сего и выходитъ, что вечеромъ зѣваютъ, ночью пріѣзжаютъ, днемъ страдаютъ, и солнце за мѣсяцъ принимаютъ. Прощай, братъ Устинъ Ульяновичь! сосѣди пристаютъ, чтобъ я закупился сахаромъ, чаемъ да кофіемъ; а я не слушаю: пусть наши купцы берутъ барыши; полно имъ быть батраками у Агличанъ; пора и этому первой гильдіи народу уняться, подѣлиться всемірной данью и допустить другихъ къ торгу безъ плакатныхъ ихъ пашпортовъ. Кто имъ соленую воду отдалъ? вѣдь она сама въ крѣпость итти не можетъ. Когда мало будетъ сахару, ну, меньше клади, зубы бу-

дутъ здоровѣй, (и мы будемъ по зубастей); а не то, такъ есть у насъ медъ, шалфей и ячмень: можно и это пить, если кто безъ горячаго жить не можетъ. Вѣдь старики наши табаку не нюхали и не курили, кофію и чаю не пили; бульону не хлебали, въ платки не плевали, микстуръ не принимали, по Французски не болтали, въ шарады не играли; а долѣ живали, крѣпче спали, лучше дѣло свое знали и по Христіянски умирали. Вотъ я опять осерчалъ, и опять мнѣ достанется, потащатъ въ судъ и разорятъ безчестіями. Пойду спать, авось-либо умолкну. Языкъ мой, врагъ мой; увижу дурное, кричу: разбой! Однакожъ все это ничего не значитъ, и я, какъ большая часть живыхъ людей, говорю вздоръ, дѣлаю вздоръ, смотрю на вздоръ и сержусь за вздоръ. А умирая, скажу я послѣднюю матку правду:

Суета суетъ.
Прости, мой свѣтъ!

Марта 16 дня, 1808 года.

ПИСЬМА

ГРАФА

ѲЕОДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА РАСТОПЧИНА.

КЪ

ГРАФУ АЛЕКСАНДРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ

СУВОРОВУ-РЫМНИКСКОМУ.

I.

СІЯТЕЛЬНѢЙШІЙ ГРАФЪ!

Милостивый Государь!

При отправленіи Графа Аркадія Александровича въ число тьмы свидѣтелей, ожидающихъ отъ васъ побѣдъ, почитаю долгомъ донести вамъ видѣнное мною. Имѣю самъ дѣтей, и желалъ бы весьма, дабы съ лѣтами найти могъ въ нихъ подобныя сына вашего чувства и вѣру. Когда при многолѣтіи въ концѣ молебна провозгласилъ діаконъ: и *Высокоповелительному Фельдмаршалу Графу Суворову-Рымникскому многія лѣта....*

Сынъ вашъ въ слезахъ, преисполненный радостію и въ восхищеніи, бросился къ Государю и поцѣловалъ въ руку. Хотѣлъ что-то говорить, но слезы и радость помѣшали.

Сіе похвальное для него и лестное для васъ выраженіе чувствъ, столь пріятно было Государю, что Онъ изволилъ передъ всѣми похвалить сыновнюю его любовь, и въ кабинетѣ, когда позволено ему было ѣхать къ вамъ, то сказалъ при мнѣ, и я о семъ для того къ Вашему Сіятельству пишу, что молодой Графъ можетъ быть не вслушался. Вотъ Государевы слова:

Похваляю привязанность къ отцу. Поѣзжай и учись у него. Лучше примѣра тебѣ дать, и въ лучшія руки отдать — не могу!

Примите чистосердечное поздравленіе о первомъ успѣхѣ вашихъ дѣйствій противъ враговъ благоденствія міра, я истинно есмь Россіянинъ, приверженный къ Особѣ Государя, моего благотворителя, и горжусь подвигами Героя моего отечества. Благодать Господняя съ христолюбивымъ воинствомъ да пребудетъ на вѣки; и да *расточатся врази его!*

Г. Ѳ. Р.

15 Мая
1799 года.
Павловскъ.

II.

СІЯТЕЛЬНѢЙШІЙ ГРАФЪ!

Милостивый Государь!

Примите поздравленія, отъ глубины сердца моего происходящія; они преисполнены удивленіемъ къ великимъ дѣламъ вашимъ и молитвами ко Всевышнему о сохраненіи васъ самихъ и здравія вашего, столь для спокойствія міра, славы Россіи и чести Государя драгоцѣннаго. — Честные и вѣрные сыны отечества составляютъ хоръ воспѣвающій побѣды ваши, — а злодѣи ваши и тварь пресмыкающаяся грызетъ землю и боится блеску вашей славы.

Г. Ѳ. Р.

15 Мая
1799 года.
Павловскъ.

III.

СІЯТЕЛЬНѢЙШІЙ ГРАФЪ!

Милостивый Государь!

Примите поздравленіе и мое: — Герои любятъ истину; а я поминутно ее въ устахъ имѣю, говоря всѣмъ и вездѣ, что вами сла-

вится Россія и избавляется Европа; а я горжусь тѣмъ, что въ одной землѣ съ вами родился, и столько-же ее люблю какъ и васъ.

Простите мнѣ сіе слово. Перо мое пишетъ къ вамъ и объ васъ безъ ума, но со всѣмъ сердцемъ и душою.

Г. Ѳ. Р.

7 Іюня
1799 года.
Павловскъ.

IV.

ВОИНЪ НЕПОБѢДИМЫЙ!

Спѣшу увѣдомить васъ, сколь Государь обрадованъ побѣдами вашими! — Какъ мы всѣ честные люди въ углу церкви молимъ Господа о сохраненіи Россійскаго Героя на славу отечества и жизнь безконечную! — Чрезъ три дни поспѣетъ портретъ Государевъ большой и похожій и украситъ грудь вашу! — Не успѣю послать списка награжденіямъ исполнителямъ воли вашей; а *Багратіону* триста душъ. Его обнимаю, а вашу *цѣлую руку*. Жена родила дочь Софью и васъ обнимаетъ.

Г. Ѳ. Р.

11 Іюля
1799 года.
Петергофъ.

V.

СІЯТЕЛЬНѢЙШІЙ КНЯЗЬ!

Милостивый Государь!

Сколь извѣстіе новой побѣды обрадовало сердце преданнаго вамъ человѣка, столь письмо ваше наполнило его горестію.—О всѣхъ предыдущихъ до сего *Рескрипта*, Ваше Сіятельство изволите уже теперь знать: мнѣніе Государя и Его предположенія. Онъ намѣренъ спасти Европу: все равно отъ кого (*) — — — —

Но дабы предуспѣть въ семъ, должно перемѣнить образъ настоящаго правленія во Франціи — — — — Еслибъ Государь оставилъ теперь союзныя Державы, то онѣ принуждены-бы нашлись заключить *сепаратный міръ*, на которой Франція охотно согласится, оставя Австріи волю забрать въ Италіи все что она заблагоразсудитъ, за тѣмъ чтобъ

(*) Здѣсь, и во всѣхъ другихъ мѣстахъ поставленные *тире*, находятся въ рукописи, сообщенной Издателю Телеграфа. п. т

чрезъ нѣсколько лѣтъ опять начать свои завоеванія; и въ то время ничто не спасетъ Австрійскую Монархію, Италію и Нѣмецкую землю отъ неизбѣжной ихъ погибели. — Но куда дѣнутся плоды великихъ дѣлъ воина? Званіе народное на помощь Государя нашего и духъ бодрости, оживотворившій тѣ земли, кои вы избавили отъ ига Французскаго? Но если, увѣнчавъ спасительное дѣло сіе, возстановленъ будетъ престолъ Царя во Франціи, тогда Европа будетъ спасена; — и спасена безкорыстіемъ и твердостію Россійскаго Императора, и — великими дѣлами Князя Италійскаго.

Оканчиваю тѣмъ, что молю васъ со слезами и на колѣняхъ у ногъ вашихъ: останьтесь и побѣждайте. Повтореніе просьбы вашей идти въ отставку нанесетъ страшныя слѣдствія для общаго дѣла — — — — — — — — — — — — — — — —

Англія ничего не жалѣетъ, и уповательно что экспедиція Голландская возымѣетъ совершенный успѣхъ. Соединенные флоты мѣшать не могутъ, бывъ заперты въ *Бремскомъ портѣ*. Вотъ все, что сердце и душа моя

мыслятъ; онѣ открыты передъ вами. Любите во мнѣ преданнаго вамъ человѣка, и желающаго единственно славы Государя и благоденствія Россіи.

Г. Р.

25 Августа 1799.
Гатчино.

P. S. Сообщенныя Вашимъ Сіятельствомъ письма N. N. возвращаю, и весьма радъ, что вы оныя не очень уважили. Г. Полковникъ Кушниковъ получилъ бриліантовый Орденъ Святой Анны на шею, и при томъ Государь изволилъ возложить на него и Командорскій Іоанна Іерусалимскаго. Онъ здѣсь обѣдаетъ и ужинаетъ съ Государемъ, и отдыхаетъ; пріѣхалъ въ 17 дней отъ васъ. Для любопытства посылаю къ вамъ послѣднее письмо Кобенцеля и пр....

VI.

СІЯТЕЛЬНѢЙШІЙ КНЯЗЬ!

Письма ваши вчера больной получилъ въ

постелѣ. Нынче еще и горестно; и болѣ болен. — — — — — — — — — — — —
Жаль Сардинскаго Короля и можетъ быт Неапольскаго. Но что же дѣлать? — — —
Процайте: не все еще пропало. Вы тамъ слава и честь вамъ; смерть и презрѣніе малодушнымъ.

16 Сентября.
1799 года.
Гатчино.

VII.

СІЯТЕЛЬНѢЙШІЙ ГРАФЪ!

Милостивый Государь!

Отправленіе двухъ послѣднихъ курьеровъ во время моей болѣзни, воспрепятствовало мнѣ писать пространно къ Вашему Сіятельству. Но теперь могу удовлетворить моему желанію и увѣдомить васъ о многомъ.

Изъ Рескриптовъ Государя изволите увидѣть, что не смотря на чрезмѣрное Его желаніе предуспѣть въ предпринятомъ подвигѣ Его Императорское Величество помышляетъ

и о будущемъ, которое не обѣщаетъ намъ большаго спокойствія, коль скоро Республика Французская останется на свѣтѣ таковою, какъ она есть, иначе же ей и быть не возможно. Признаюсь, что я съ большимъ огорченіемъ вижу опасное положеніе *Корсакова* въ Швейцаріи; и если *Массена* не дождавшись вашего прихода разобьетъ *Готца*, то нашимъ войскамъ трудно будетъ сохранить ихъ *позицію*. Безпокойство мое на сей счетъ не прежде кончится, какъ по приходѣ вашемъ. Мы всѣ увѣрены, что Россійское войско съ вами непобѣдимо; и вы много людей найдете близь Государя, кои васъ любятъ и боготворятъ, потому, что есть люди, кои живутъ для славы Государя и Россіи. А кто же съ начала бытія ея, болѣе васъ ее прославилъ? на что мнѣ о семъ говорить? — Я не *Государь*, не *Исторія*, не *Европа*. О еслибъ вы могли произвесть во Франціи возмущеніе въ пользу Короля, войдя во *Франш-Конте!* Вы бы раздѣлили ее на двое. — Тогда и Короля Людовика XVIII къ вамъ отправимъ. Искать славу сего подвига можно во всѣхъ случаяхъ; т. е. и при началѣ цар-

ствованія и при междуусобной войнѣ, пола гать можно слѣдовательно на нѣсколько лѣт Францію вовсе недѣйствительною. И тогд не теряя времени, приняться довершать ос тальное.... Какъ сіе легко при означенном положеніи вещей, столь трудно будетъ, есл Кабинетъ Вѣнскій заключитъ миръ и союз съ безбожнымъ Французскимъ правленіемъ.

Графъ Разумовскій писалъ нѣсколько времени тому назадъ, что онъ желалъ-бы повидаться съ отцомъ своимъ: Государь теперь его изволилъ уволить на шесть мѣсяцовъ; и по полученіи отпуска Тайный Совѣтникъ *Колычевъ* имѣетъ вступить въ отправленіе должности при Дворѣ Вѣнскомъ и пр. — — — — — — — — — — — — — —

— — — — — — — — — — — — — — — —

Въ Голландіи народъ весьма хорошо расположенъ. Приходъ нашихъ войскъ вѣрно обратитъ его на изгнаніе Французовъ — —

Прилагаю еще при семъ новые знаки въ пользу служащихъ подъ вашимъ непобѣдимымъ начальствомъ. Жена васъ покорнѣйше благодаритъ за лимоны. Все, что идетъ отъ васъ, имѣетъ особливую цѣну въ глазахъ

тѣхъ, кои видятъ въ Князѣ Италійскомъ Героя ихъ отечества. Прощайте, и вѣрьте моей преданности, доколь живъ вашъ

Растопчинъ.

25 Сентября
1799 года.
Гатчино.

VIII.

СІЯТЕЛЬНѢЙШІЙ КНЯЗЬ!

Милостивый Государь!

Да спасетъ Господь Богъ васъ за спасеніе славы Государя и Россійскаго войска. Я такъ много терпѣлъ въ это время, что теперь боленъ и съ трудомъ могъ читать реляцію вашу, но ни кому не хотѣлъ уступить (*). Государь васъ произвелъ въ *Генералиссимусы* и мнѣ изволилъ сказать: *это много для другаго, а ему мало; ему быть*

(*) Длинная реляція о побѣдахъ въ Швейцаріи, которая читана была въ придворной церкви при молебствіи благодарномъ.

Ангеломъ!—Что скажутъ злодѣи ваши и злодѣи геройства?—Казнеиъ языкъ ихъ молчаніемъ. Я все велѣлъ напечатать и реляцію и Рескриптъ; пусть всѣ читаютъ и поютъ *хвалу Богу*, и молятъ его за здравіе ваше: вы новою и невиданною еще до сихъ поръ славою покрыли оружіе Россійское; и пр. — — — — — — — — — Сдѣлайте милость извольте прислать разсчетъ примѣрный деньгамъ, дабы заблаговременно оныя къ вамъ доставить можно было — — — — Что можно послать, то отправляется съ Княземъ Щербатовымъ, а бриліантовыя вещи послѣ пошлются; не успѣваютъ работать. Фуксъ былъ уже пожалованъ въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники и Кавалеромъ Св. Анны 2-го класса, теперь же вы ему пожалуйте *Маврикія*. Трефуртъ получилъ 2-го класса Анну; унтеръ-офицеры всѣ произведены въ Офицеры — — — — —

При семъ прилагаю списокъ награжденіямъ тѣмъ, кои были помѣщены въ реляціи, а тотъ не успѣли списать. Эрцгерцогъ Іосифъ не позже 15-го будущаго мѣсяца ѣдетъ въ Вѣну. Эрцгерцогиню поѣдутъ провожать Гра-

фиия Паленъ и Яковъ Сиверсъ. Лассій по просьбѣ отставленъ, а на мѣсто его въ Литву Кутузовъ; онъ будетъ назадъ, а войсками зимою въ Англіи командовать будетъ Графъ Воронцовъ. Прощайте, весь и по смерть вашъ

Графъ Өедоръ Растопчинъ.

29 Сентября 1799.
Гатчино.

IX.

СІЯТЕЛЬНѢЙШІЙ КНЯЗЬ!

Милостивый Государь!

Ничего не имѣю достойнаго примѣчанія къ сообщенію вамъ. Я бы давно совсѣмъ выздоровѣлъ безъ этой несчастной Голландской Исторіи. — — — Уповательно, что Кутузовъ лучше сдѣлаетъ; онъ же Руской. — Но въ Голландіи отпоръ будетъ силенъ, Французы многолюдны — — — — Moreaux вѣрно отрядитъ часть своего войска на подкрѣпленіе Le Brune и пр. — — — Авосьлибо вы

заполоните Францію ею самою: тогда всѣ вамъ запоютъ: *помилуй и спаси!* Но видно Богу не угодно и не пришелъ часъ воли Его!

Вамъ преданный

Гр. Растопчинъ.

2-го Октября 1799.
Гатчино.

РАСТОПЧИНСКІЯ АФИШКИ.(*)

(*) Въ Истор. Стат. и Геогр. Журналѣ 1812 года. Августъ. Афишки сіи названы: *Дружескими посланіями отъ Главнокомандующаго въ Москвѣ къ жителямъ ея.*

I (*).

Какъ! Къ намъ? Милости просимъ, хоть на святкахъ, хоть на масляницу; да и тутъ жгутами дѣвки такъ припопонятъ, что спина вздуется горой: Полно демономъ-то наряжаться: Молитву сотворимъ, такъ до пѣтуховъ згинешь! Сиди-ка дома да играй въ жмурки, либо въ гулючки. Полно тебѣ фиглярить: вить солдаты-та твои карлики, да щегольки; ни тулупа, ни рукавицъ, ни ма-

---

(*) 1-го іюля 1812 года, явилась первая печатная афишка съ изображеніемъ вверху: питейнаго дома, цѣловальника и Московскаго мѣщанина Карнюшки Чихирина, *который, бывъ въ ратникахъ и выпивъ лишній крючокъ на Тычкѣ, услышалъ, будто Бонапартъ хочетъ идти въ Москву, разсердился, разругалъ скверными словами всѣхъ Французовъ, вышелъ изъ питейнаго дома и заговорилъ, подъ орломъ, собравшемуся народу:*

лахая, ни онучь не надѣнутъ. Ну, гдѣ имъ Русское житье-бытье вынести? Отъ капусты раздуются, отъ каши перелопаются, отъ щей задохнутся, а которые въ зиму-та и останутся, такъ крещенскіе морозы поморятъ, будутъ у воротъ замерзать, на дворѣ околѣвать, въ сѣняхъ зазябать, въ избѣ задыхаться, на печи обжигаться. Да что и говорить! *Повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову положить.* Карлъ-та Шведской, пожилистѣй тебя былъ, да и чистой Царской крови, да уходился подъ Полтавой, ушелъ безъ возврату. Да и при тебѣ будущихъ-та мало будетъ. Побойчей Французовъ твоихъ были: Поляки, Татары и Шведы, да и тѣхъ наши такъ отпотчивали, что и посю пору кругъ Москвы курганы, какъ грибы, а подъ грибами-та ихъ кости. Ну и твоей силѣ быть въ могилѣ. Да знаешь-ли, что такое наша Матушка Москва? Вить это не городъ, а Царство. У тебя дома-та слѣпой, да храмой, старухи да ребятишки остались, а на Нѣмцахъ не выѣдишь: они тебя смаху осѣдлаютъ. А на Руси што, знаешь-ли ты, забубенная голова? Выведено 600,000, да забритыхъ

300,000, да старыхъ рекрутъ 200,000. А всіо молодцы: одному Богу вѣруютъ, одному Царю служатъ, однимъ крестомъ молятся, всѣ братья родные. Да коли понадобится, скажи намъ Батюшка Александръ Павловичъ: *Сила Христіанская* выходи, и высыпитъ безконечная и свѣту Божьева не увидишь! Ну, переднихъ бей пожалуй, тебѣ это по сердцу, за то остальные-та тебя доканаютъ на вѣки вѣковъ. Ну, какъ же тебѣ къ намъ забраться? Не токмо што Ивана Великова, да и Поклонной во снѣ не увидишь. Бѣлорусцевъ возьмемъ, да тебя въ Польшѣ и погребемъ. Ну, поминай какъ звали! Посему и прочее разумѣвай, не наступай, не начинай, а на право кругомъ домой ступай и знай изъ роду въ родъ каковъ Русской народъ.—Потомъ Чихиринъ пошолъ бодро и запѣлъ: *Во полѣ береза стояла*, а народъ, смотря на него, говорилъ: *отъ куда берется? А что говоритъ дѣло, то ужъ дѣло!*

ОТЪ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО ВЪ МОСКВѢ.

I.

Слава Богу! все у насъ въ Москвѣ хорошо и спокойно. Хлѣбъ не дорожаетъ и мясо дешевѣетъ. Одного всѣмъ хочется, чтобъ злодѣя побить, и то будетъ. Станемъ Богу молиться, да воиновъ снаряжать, да въ армію ихъ отправлять. А за насъ предъ Богомъ заступники: Божія Матерь и Московскіе Чудотворцы, предъ свѣтомъ милосердый Государь нашъ Александръ Павловичъ, а предъ супостаты Хрістолюбивое воинство; а чтобъ скорѣе дѣло рѣшить, Государю угодить, Россію одолжить и Наполеону насолить, то должно имѣть послушаніе, усердіе и вѣру къ словамъ Начальниковъ, и они рады съ вами

и жить и умереть. Когда дѣло дѣлать, я съ вами; на войну идти предъ вами; а отдыхать за вами. Не бойтесь ничего, — нашла туча, да мы ее отдуемъ; все перемелется, мука будетъ, а берегитесь одного: пьяницъ, да дураковъ: они распустя уши, шатаются, да и другимъ въ уши въ расплохъ надуваютъ. Иной вздумаетъ, что Наполеонъ за добромъ идетъ; а его дѣло кожу драть: обѣщаетъ все, а выйдетъ ничего. Солдатамъ сулитъ Фельдмаршальство, нищимъ золотыя горы, народу свободу; а всѣхъ ловитъ за виски, да въ тиски, и пошлетъ на смерть: убьютъ либо тамъ, либо тутъ. И для сего, и прошу, если кто изъ нашихъ, или изъ чужихъ станетъ его выхвалять и сулить и то и другое, то какой бы онъ ни былъ, за хохолъ, да на съѣзжую: тотъ, кто возьметъ, тому честь, слава и награда; а кого возьмутъ, съ тѣмъ я раздѣлаюсь, хоть пяти пядей будь во лбу; мнѣ на то и власть дана, и Государь изволилъ приказать беречь матушку Москву; а комужъ беречь мать, какъ не дѣткамъ! Ей Богу, братцы, Государь на васъ, какъ на Кремль, надѣется, а я за васъ присягнуть

готовъ. Не введите въ слово! А я вѣрной слуга Царской, Русской баринъ и православной Христіанинъ.

Вотъ моя и молитва:

«Господи Царю Небесный! продли дни благочестиваго земнаго Царя нашего! продли благодать Твою на православную Россію, продли мужество Христолюбиваго воинства, продли вѣрность и любовь къ Отечеству Православнаго Русскаго народа! направь стопы воиновъ на гибель враговъ, просвѣти и укрѣпи ихъ силою Животворящаго Креста, чело ихъ охраняюща, и симъ знаменіемъ побѣдиша».

II.

18 Августа,

По полученнымъ мною извѣстіямъ авангардъ стоитъ 13 верстъ передъ Вязьмой. Главная квартира въ Вязьмѣ. Непріятель стоитъ на одномъ мѣстѣ. Отрядовъ отъ него нѣтъ, Корпусъ Генерала Милорадовича весь на походѣ. Авангардъ его, изъ 8,000 чел. составленный, пошелъ сегодня изъ Можайска къ

Гжати, подъ командою Генерала Маіора Вадковскаго. Прочія войска сего корпуса идутъ изъ Боровска и Вереи. Ополченіе Тверское готово, и 13,000 чел. съ кавалеріею подъ командою Генер. Маіора Тыртова идутъ въ Клинъ; Свѣтлѣйшій Князь Кутузовъ прибылъ вчера въ Вязьму.

Графъ Витгенштейнъ занялъ Полоцкъ и дѣйствуетъ далѣе; весь край очищенъ отъ проказы, и Французовъ нѣтъ.

III.

Я сей часъ получилъ чрезъ курьера отъ Военнаго Министра извѣстіе, что непріятель стоитъ въ томъ же мѣстѣ.

Нашъ авангардъ въ Умольнѣ, 30 верстъ отъ Дорогобужа къ Смоленску. Главная квартира обѣихъ армій въ Дорогобужѣ. Непріятель отъ генеральнаго сраженія уклоняется. Къ намъ отъ него Нѣмцы бѣгутъ сотнями и объявляютъ, что соотчичи ихъ въ первомъ сраженіи перейдутъ къ намъ.

Курьеръ, пріѣхавшій ко мнѣ, встрѣтилъ у Вязьмы Лейбъ-драгунскаго Полковника Ал-

брехта, посланнаго отъ Генералъ-Лейтенанта Графа Витгенштейна къ Военному Министру съ извѣстіемъ, что онъ въ 15 верстахъ отъ Полоцка напалъ на Фельдмаршала Удино; дрался съ нимъ два дни, разбилъ совершенно его армію, взялъ въ плѣнъ 3,000 человѣкъ, убитыхъ до шести, пушекъ досталось отъ непріятеля 15. Въ первый день Фельдмаршалъ Удино смертельно раненъ, а второю арміею командовалъ Генералъ Сенъ-Сиръ. Наши войска въ Полоцкѣ.

IV.

Многіе изъ жителей желаютъ вооружиться, а оружія тысячь на десять есть въ Арсеналѣ, которое куплено и дешево на Макарьевской ярмаркѣ; всякое утро желающіе могутъ покупать въ Арсеналѣ ружья, пистолеты и сабли; цѣны тутъ означены; за это мнѣ скажутъ спасибо, а осердятся одни изъ ружейнаго ряда; но воля ихъ, Богъ ихъ проститъ!

V.

«Здѣсь мнѣ поручено отъ Государя было

сдѣлать большой шаръ, на которомъ 50 челов. полетятъ, куда захотятъ и по вѣтру и противъ вѣтра; а что отъ него будетъ, узнаете и порадуетесь. Если погода будетъ хороша: то завтра, или послѣ завтра ко мнѣ будетъ маленькой шаръ для пробы. Я вамъ заявляю, чтобъ вы, увидя его, не подумали, что ето отъ злодѣя, а онъ сдѣланъ къ его вреду и погибели».

«Генералъ Платовъ, по приказанію Государя, и думая, что Е. И. В. уже въ Москвѣ, пріѣхалъ сюда прямо ко мнѣ и ѣдетъ послѣ обѣда обратно въ армію и поспѣетъ къ баталіи, чтобъ тамъ пѣть благодарственный молебенъ и Тебе Бога хвалимъ».

VI.

«Здѣсь есть слухъ и есть люди, кои ему вѣруютъ и повторяютъ, что я запретилъ выѣздъ изъ города. Если бы это было такъ: тогда на заставахъ были бы караулы, и по нѣскольку тысячь каретъ, колясокъ и повозокъ во всѣ стороны не выѣзжали. А я радъ, что барыни и купеческія жены ѣдутъ изъ

Москвы для своего спокойствія. Меньше страха, меньше новостей; но нельзя похвалить и мужей, и братьевъ, и родню, которые при женщинахъ въ будущихъ отправились, безъ возврату. Если по нихъ есть опасность, то не пристойно; а если нѣтъ ея, то стыдно. Я жизнію отвѣчаю, что злодѣй въ Москвѣ не будетъ, и вотъ почему: въ арміяхъ 130 тысячь войска славнаго, 1,800 пушекъ и Свѣтлѣйшій Князь Кутузовъ, истинно Государевъ избранный Воевода Русскихъ силъ и надо всѣми начальникомъ; у него сзади непріятеля Генералы Тормасовъ и Чичаговъ, вмѣстѣ 85 тысячь славнаго войска; Генералъ Милорадовичь изъ Калуги пришелъ въ Можайскъ съ 36 тысячами пѣхоты, 3,800 кавалеріи и 84 пушками пѣшей и конной артиллеріи. Графъ Марковъ чрезъ три дни придетъ въ Можайскъ съ 24 тысячами нашей военной силы, а остальныя 7 тысячь въ слѣдъ за нимъ. Въ Москвѣ, въ Клину, въ Завидовѣ, въ Подольскѣ 14 тысячь пѣхоты. А если мало етого для гибели злодѣя, тогда ужъ я скажу: ну Дружина Московская! пойдемъ и мы! И выведемъ сто тысячь молодцовъ, возь-

мемъ Иверскую Божію Матерь, да 150 пушекъ и кончимъ дѣло всѣ вмѣстѣ. У непріятеля же своихъ и сволочи 150,000 человѣкъ: кормятся пареною рожью и лошадинымъ мясомъ. Вотъ, что я думаю и вамъ объявляю, чтобъ иные радовались, а другіе успокоились, а больше еще тѣмъ, что и Государь Императоръ на дняхъ изволитъ прибыть въ вѣрную свою Столицу. Прочитайте; понять можно все, а толковать ничего.

1812, Авг. 26. (17).

VII.

26 Августа.

«Курьеръ, отправленный вчера въ десять часовъ вечера изъ арміи, принесъ извѣстіе, что кромѣ перестрѣлки егерей, ничего не произошло во весь день».

«Въ субботу Французовъ хорошо попарили; видно отдыхаютъ! У Князя Багратіона на лѣвомъ флангѣ передъ одною батареею сочтено больше 2,000 убитыхъ».

VIII.

«Вчерашній день, 26-го, было весьма жар-

кое и кровопролитное сраженіе; съ помощію Божіею Русское войско не уступило въ немъ ни шагу, хоть непріятель съ отчаяніемъ дѣйствовалъ противъ него. Завтра надѣюсь я (Кн. Кутузовъ), возлагая мое упованіе на Бога и на Московскую святыню, съ новыми силами съ нимъ сразиться.—Потеря непріятеля неизчетная; онъ отдалъ въ приказѣ, чтобъ въ плѣнъ не брать (да и брать не кого), и что Французамъ должно побѣдить или погибнуть. Когда сегодня съ помощію Божіею, онъ отраженъ еще разъ будетъ: то и злодѣй и злодѣи его погибнутъ отъ голода, огня и меча. Я посылаю въ армію 4,000 чел. здѣшнихъ новыхъ солдатъ, на 250 пушекъ, снаряды и провіанта. Православные! будьте спокойны, кровь нашихъ проливается за спасеніе Отечества; наша готова, и если придетъ время: то мы подкрѣпимъ войска; Богъ укрѣпитъ силы наши, и злодѣй положитъ кости свои въ землѣ Русской».

IX.

30 Августа

Свѣтлѣйшій Князь, чтобъ скорѣй соеди-

ниться съ войсками, которыя идутъ къ нему, перешелъ Можайскъ и сталъ на крѣпкомъ мѣстѣ, гдѣ непріятель не вдругъ на него пойдетъ. Къ нему идутъ отсюда 48 пушекъ съ снарядами. А Свѣтлѣйшій говоритъ: что Москву до послѣдней капли крови защищать будетъ, и готовъ хоть въ улицахъ драться. Вы, братцы, не смотрите на то, что присутственныя мѣста закрыли; дѣла прибирать надобно; а мы, своимъ судомъ съ злодѣемъ разберемся. Когда до чего дойдетъ, мнѣ надобно молодцевъ и городскихъ и деревенскихъ; я кличь кликну дни за два; а теперь не надо; я и молчу! Хорошо съ топоромъ, не дурно съ рогатиной; а всего лучше вилы тройчатки; Французъ не тяжеле снопа ржанаго. Завтра послѣ обѣда я поднимаю Иверскую Богоматерь въ гошпиталь къ раненымъ: тамъ воду освятимъ, они скорѣе выздоровѣютъ, и я теперь здоровъ; у меня болѣлъ глазъ, а теперь смотрю въ оба!

X.

«Главная квартира между Гжати и Можайска. Нашъ авангардъ подъ Гжатью; мѣсто,

нашими войсками занимаемое, есть прекрѣпкое, и тутъ Свѣтлѣйшій Князь намѣренъ дать баталію; теперь мы равны съ непріятелемъ числомъ войскъ. Черезъ два дни, у насъ еще прибудетъ 20,000; но наши войска Русскія, единаго закона, единаго Царя, защищаютъ Церковь Божію, домы, женъ, дѣтей и погосты, гдѣ лежатъ отцы наши. Непріятели же дерутся за хлѣбъ, умираютъ на разбоѣ; если они разъ проиграютъ баталію, то всѣ разбредутся, и поминай, какъ звали.

«Вы знаете, что я знаю все, что въ Москвѣ дѣлается: а что было вчера, не хорошо, и побранить есть за что; два Нѣмца пришли деньги мѣнять, а народъ ихъ катать; одинъ чуть ли не умеръ. Вздумали, что будто шпіоны, а для этого допросить должно; ето мое дѣло. А вы знаете, что я не спущу и своему брату Русскому, и что за диковина ста человѣкамъ прибить костянаго Француза, или въ парикѣ окурнаго Нѣмца! Охота руки марать! и кто на ето пускается, тотъ при случаѣ за себя не постоитъ. Когда думаете, что шпіонъ, ну! веди ко мнѣ, а не бей и не дѣлай нареканія

Русскимъ; войски-та Французскія должно закопать, а не шушерамъ глаза подбивать. Сюда раненыхъ привезено; они лежатъ въ Головинскомъ дворцѣ, я ихъ осмотрѣлъ, напоилъ, накормилъ и спать положилъ. Вить они за васъ дрались, не оставьте ихъ; посѣтите и поговорите. Вы и колодниковъ кормите, а ето Государевы вѣрные слуги и наши друзья—какъ имъ не помочь!»

XI.

Августа 31.

«Я завтра рано ѣду къ Свѣтлѣйшему Князю, чтобы съ нимъ переговорить, дѣйствовать и помогать войскамъ истреблять злодѣевъ, станемъ и мы изъ нихъ духъ изкоренять и етихъ гостей къ чорту отправлять; я пріѣду назадъ къ обѣду и примемся за дѣло, отдѣлаемъ, додѣлаемъ и злодѣевъ отдѣлаемъ».

31 Августа, 1812.
Суббота.

XII.

«Братцы! сила наша многочисленна и го-

това положить животъ, защищая Отечество
Не впустимъ злодѣя въ Москву; но должно
пособить, и намъ свое дѣло сдѣлать. Грѣхъ
тяжкой своихъ выдавать. Москва наша мать,
она васъ поила, кормила и богатила. Я васъ
призываю именемъ Божіей Матери на защиту храмовъ Господнихъ, Москвы, земли
Русской. Вооружитесь, кто чѣмъ можетъ,
и конные и пѣшіе; возьмите только на три
дни хлѣба; идите со крестомъ; возьмите хоругви изъ церквей и съ симъ знаменіемъ
собирайтесь тотчасъ на Трехъ Горахъ. Я
буду съ вами и вмѣстѣ изстребимъ злодѣя.
Слава въ вышнихъ, кто не отстанетъ! вѣчная память, кто мертвой ляжетъ! горе на
Страшномъ судѣ, кто отговариваться станетъ!»

XIII.

Крестьяне, жители Московской губерніи!

«Врагъ рода человѣческаго, наказаніе Божіе за грѣхи наши, дьявольское наважденіе,
злой Французъ, взошелъ въ Москву, предалъ

ее мечу, пламени. Ограбилъ храмы Божіи, осквернилъ алтари непотребствами, сосуды пьянствомъ, посмѣшищемъ. Надѣвали ризы вмѣсто попонъ, посорвали оклады, вѣнцы со святыхъ иконъ, поставилъ лошадей въ церкви православной Вѣры нашея. Разграбилъ домы, имущества; наругался надъ женами, дочерьми, дѣтьми малолѣтными. Осквернилъ кладбища и до втораго пришествія тронулъ изъ земли кости покойниковъ, предковъ нашихъ, родителей. Заловилъ кого могъ, и заставилъ таскать, вмѣсто лошадей, имъ краденое. Моритъ нашихъ съ голоду, а теперь какъ самому пришло ѣсть нѣчего: то пустилъ своихъ ратниковъ, какъ лютыхъ звѣрей, пожирать и вокругъ Москвы, и вздумалъ ласкою зазывать васъ на торги, мастеровъ на промыселъ, обѣщая порядокъ, защиту всякому. Ужли вы, православные, вѣрные слуги Царя нашего, кормилицы матушки каменной Москвы, на его слова положитесь, и дадитесь въ обманъ врагу лютому, злодѣю кровожадному? Отыметъ онъ у васъ послѣднюю кроху и придетъ вамъ умирать голодною смертію;

проведетъ онъ васъ посулами, а коли деньги дастъ, то фальшивыя; съ ними жь будетъ вамъ бѣда. Оставайтесь, братцы, покорными—Христіанскими воинами Божіей Матери—не слушайте пустыхъ словъ. Почитайте начальниковъ и помѣщиковъ; они ваши защитники, помощники; готовы васъ одѣть, обуть, кормить и поить. Истребимъ достальную силу непріятельскую, погребемъ ихъ на святой Руси; станемъ бить, гдѣ ни встрѣнутся; ужъ мало ихъ и осталося; а насъ сорокъ милліоновъ людей, слетаются со всѣхъ сторонъ, какъ стада орлиныя. Истребимъ гадину заморскую, и предадимъ тѣла ихъ волкамъ, вороньямъ; а Москва опять украсится, покажутся золотые верхи, домы каменны; навалитъ народъ со всѣхъ сторонъ. Пожалѣетъ ли Отецъ нашъ Александръ Павловичь милліоновъ рублей на выстройку каменной Москвы, гдѣ Онъ мvромъ помазался, короновался Царскимъ вѣнцемъ? Онъ надѣется на Бога Всесильнаго, на Бога Руской земли, на народъ, ему подданной, богатырскаго сердца молодецкаго. Онъ одинъ

Помазанникъ Его, и мы присягали Ему въ вѣрности. Онъ Отецъ, мы дѣти Его; а злодѣй Французъ некрещенный врагъ. Онъ готовъ продать и душу свою; уже былъ онъ и Туркою, въ Египтѣ обусурманился, ограбилъ Москву, пустилъ нагихъ, босыхъ; а теперь ласкается и говоритъ, что не быть грабежу, а все взято имъ собакою, и все въ прокъ не пойдетъ. Отольются волку лютому слезы горькія. Еще недѣльки двѣ, такъ кричать пардонъ, а вы будто не слышите; ужъ имъ одинъ конецъ; съѣдятъ все какъ саранча и станутъ стѣнью, мертвецами непогребенными: куда ни придутъ, тутъ и вали ихъ живыхъ и мертвыхъ въ могилу глубокую. Солдаты Русскіе помогутъ вамъ; которой побѣжитъ, того казаки добьютъ: а вы не робѣйте, братцы удалые, дружина Московская, и гдѣ удается по близости, истребляйте сволочь мерзкую, нечистую гадину и тогда къ Царю въ Москву явитеся и дѣлами похвалитеся. Онъ васъ опять возстановитъ по прежнему, и будете припѣваючи жить по старому. А кто изъ васъ злодѣя послушается, и къ

Французу преклонится, тотъ недостойный сынъ отеческой, отступникъ Закона Божія, преступникъ Государя своего, отдастъ себя на судъ и поруганіе; а душѣ его быть въ аду съ злодѣями, и горѣть въ огнѣ, какъ горѣла наша мать Москва».

ОБЪЯВЛЕНІЕ

КЪ АББАТАМЪ ДВУХЪ КАТОЛИЧЕСКИХЪ ЦЕРКВЕЙ,

НАХОДЯЩИХСЯ ВЪ МОСКВѢ.

26 ІЮНЯ 1812 ГОДА.

Императоръ Французовъ вступилъ въ предѣлы Россіи. Война началась. Зная образъ мыслей вашихъ и должность священнаго званія, вами отправляемую, обращаюсь къ вамъ, милостивые государи мои, прося покорно употребить убѣдительнѣйшее средство, по мѣрѣ возможности, ко внушенію иностранцамъ прихода вашего, чтобы они въ поступкахъ своихъ были благоразумнѣе и въ разговорахъ ограничивали себя скромностію. Надѣюсь, что имъ будетъ возможно, по крайней мѣрѣ, въ теченіе военнаго времени, почтить тотъ край, котораго Государь являетъ имъ Отеческую защиту, а подданные Его Величества оказываютъ гостепріимство, гдѣ бѣдные находятъ изобиліе, несчастные по-

кровъ, и бродяги — странники свое счастіе. Я въ полномъ увѣреніи, что совѣты ваши подѣйствуютъ на умы легкомысленные и развращенные, и что начальству не останется другаго дѣла, какъ только пещись о сохраненіи общей тишины, вмѣсто розысковъ, наказаній и употребленія строгихъ мѣръ къ водворенію порядка и успокоенію народа, съ давняго времени, особенно нынѣ, раздраженнаго противъ Французовъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

КЪ ВИКАРІЮ МОСКОВСКОМУ АВГУСТИНУ,

18 ОКТЯБРЯ 1812 ГОДА.

Врагъ человѣческаго рода, опустошивъ Мо-
сква и оскверня храмы, сопровождаемый
проклятіемъ Россійскаго народа, съ малымъ
числомъ оставшейся въ живыхъ нечестивой
рати своей, предался бѣгству, желая довер-
шить злодѣйство раззореніемъ Кремля подко-
пами; но Рука Всемогущаго спасла отъ паде-
нія Соборы и Ивановскую колокольню, и
прахъ Царей нашихъ съ Державою Госуда-
ря Императора нашего: они, съ вѣрностію
и мужествомъ народа, Ему преданнаго, оста-
лись непоколебимы. Обманутый ложною на-
деждою и ослѣпленный успѣхами, онъ меч-
талъ покорить Россію, предписать ей законы;
но Россія возстала вся на него, попрала Его
Силу и повергла страшное могущество На-

полеона къ подножію Престола Александр
Перваго. Сообщая о семъ происшествіи Ва
шему Преосвященству, прошу направить пут
Вашъ къ первопрестольному граду, коег
жители желаютъ возвращенія Вашего, цер-
кви освященія и всѣ истинные Христіан
присутствія Чудотворныхъ Иконъ, для при-
несенія теплыхъ молитвъ за избавленіе от
нашествія врага и униженіе гордыни его.

ОБЪЯВЛЕНІЕ,

ОБНАРОДОВАННОЕ

20 ОКТЯБРЯ 1812 ГОДА.

Крестьянамъ Московской губерніи. По возвращеніи моемъ въ Москву, узналъ я, что вы, недовольны бывъ тѣмъ, что ѣздили и таскали, что попалось на пепелищѣ, еще вздумали грабить домы господъ своихъ по деревнямъ и выходить изъ послушанія. Уже многихъ зачинщиковъ привезли сюда. Неужели вамъ хочется попасть въ бѣду? Славное сдѣлали вы дѣло, что не поддались Бонапарте, и отъ этого онъ околѣвалъ съ голоду въ Москвѣ, а теперь околѣваетъ съ холоду на дорогѣ, бѣжитъ не оглядываясь, и арміи его живой не приходить; покойниковъ Французскихъ ни кто не подвезетъ до ихъ дому. Ну, такъ Бонапарта не слушались, а теперь слу-

шаетесь какова нибудь домашняго вора. Вѣдь опять и Капитанъ-Исправники и Засѣдатели вездѣ есть на мѣстѣ. Гей, ребята! живите смирно, да честно; а то дураки, забіячныя головы, кричатъ: *батюшка, не будемъ!*

ЗАПИСКА

на

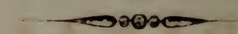
ФРАНЦУЗСКОМЪ ЯЗЫКѢ, ПРИКЛЕЕННАЯ КЪ ЦЕРКОВНОЙ ДВЕРИ ВЪ СЕЛѢ ВОРОНОВѢ НА КАЛУЖСКОЙ ДОРОГѢ.

(ВЪ 1812 ГОДУ.)

J'ai embelli pendant huit ans cette campagne et j'y ai vécu heureux au sein de ma famille. Les habitans de cette terre, au nombre de mille sept cent vingt, la quittent à votre approche; et, mois je mets le feu à ma maison, pour qu'elle ne soit pas souillée par votre présence. Francais, je vous ai abandonné mes deux maisons de Moscou, avec un mobilier d'un demi million de roubles; içi vous ne trouverez que des cendres.

Восемь лѣтъ украшалъ я это село, въ которомъ наслаждался счастіемъ среди моей семьи. При вашемъ приближеніи, обыватели, въ числѣ 1,720, покидаютъ жилища, а я предаю огню домъ свой, чтобы онъ не былъ ос-

кверненъ вашимъ присутствіемъ. Францу-зы! Въ Москвѣ оставилъ я вамъ два моихъ дома и движимости на полмилліона рублей: здѣсь найдете вы только пепелъ.

ПРАВДА
о
ПОЖАРѢ МОСКВЫ.

Десять лѣтъ прошло со времени пожа-
ра Москвы, и я всегда былъ представляемъ
потомству и Исторіи какъ виновникъ такого
происшествія, которое, по принятому мнѣ-
нію, было главнѣйшею причиною истребле-
нія непріятельскихъ армій, паденія Наполе-
она, спасенія Россіи и освобожденія Евро-
пы. Безъ сомнѣнія, есть чѣмъ возгордиться
отъ такихъ прекрасныхъ названій; но нико-
гда не присвоивая себѣ правъ другаго и со-
скучась слышать одну и ту же басню, я рѣ-
шаюсь говорить правду, которая одна дол-
жна руководить Исторіею.

Когда пожаръ разрушилъ въ три дни шесть
осьмыхъ частей Москвы, Наполеонъ почув-
ствовалъ всю важность сего происшествія и

предвидѣлъ слѣдствіе, могущее произойдти отъ того надъ Русской націей, имѣющей полное право приписать ему сіе разрушеніе, по причинѣ бытности его самаго и подъ его начальствомъ ста тридцати тысячь солдатъ. Онъ полагалъ найдти вѣрное средство отклонить отъ себя весь позоръ сего дѣла въ глазахъ Русскихъ и Европы и обратить его на Начальника Русскаго правленія въ Москвѣ: тогда бюллетени Наполеоновы провозгласили меня зажигателемъ; журналы и брошюры наперерывъ одинъ передъ другимъ повторили это обвиненіе, и нѣкоторымъ образомъ заставили авторовъ, писавшихъ послѣ о войнѣ 1812 года, представлять достовѣрнымъ такое дѣло, которое совершенно было ложно.

Я располагаю по статьямъ главнѣйшія доказательства, утвердившія мнѣніе, что пожаръ Москвы есть мое дѣло; я буду отвѣчать на нихъ происшествіями, извѣстными всѣмъ Русскимъ. Было бы несправедливо этому не вѣрить; ибо я отказываюсь отъ прекраснѣйшей роли эпохи и самъ разрушаю зданіе моей знаменитости.

1. *Наполеонъ въ своихъ бюллетеняхъ 19,*

20, 21, 22, 23 и 24-мъ утвердительно говоритъ, что пожаръ Москвы былъ выдуманъ и приготовленъ Ростопчинымъ.

Столь ужасное предпріятіе, чтобы выдумать и исполнить, каково есть сожженіе столичнаго города Имперіи, надлежало имѣть причину гораздо важнѣйшую, чѣмъ увѣренность во злѣ, могущимъ отъ того произойти для непріятеля. Хотя шесть осьмыхъ частей города были истреблены огнемъ, однако оставалось еще довольно зданій для помѣщенія всей арміи Наполеоновой. Совершенно было невозможно, чтобы пожаръ могъ распространиться по всѣмъ частямъ города, и еслибъ не случилось жестокаго вѣтра, огонь самъ бы по себѣ остановился по причинѣ садовъ, пустыхъ мѣстъ и булеваровъ. Такимъ образомъ, истребленіе жизненныхъ припасовъ, находящихся въ домахъ, которые могъ бы истребить пламень, былобы единственнымъ зломъ для непріятеля и горестнымъ плодомъ мѣры, сколь жестокой, столько же и неблагоразумной.

Но жизненные припасы, оставшіеся въ Москвѣ, были весьма незначительны; ибо

Москва снабжается во время зимняго пути и
весенней навигаціи до Сентября мѣсяца, а
послѣ на плотахъ до зимы; но война нача-
лась въ Іюнѣ мѣсяцѣ, и непріятель облада-
телемъ Смоленска былъ уже въ началѣ Ав-
густа: а потому все подвозы остановились,
и нисколько уже не заботились о снабженіи
жизненными припасами города безъ защиты
и угрожаемаго непріятельскимъ вторженіемъ.
Въ послѣдствіи большая часть муки, нахо-
дившейся въ казенныхъ магазинахъ и въ
лавкахъ хлѣбныхъ торговцевъ, была обра-
щена въ хлѣбы и сухари, и въ продолженіи
тринадцати дней предъ вступленіемъ Напо-
леона въ Москву шесть сотъ телегъ, нагру-
жаемыхъ сухарями, крупой и овсомъ отпра-
влялись каждое утро къ арміи, а по этому
и намѣреніе лишить непріятеля жизненныхъ
припасовъ не могло имѣть своего существо-
ванія. Другое дѣло гораздо важнѣйшее, дол-
жно было бы остановить исполненіе пред-
пріятія пожара (если когда-либо было оно
предположено), а именно, дабы тѣмъ не за-
ставить Наполеона принудить Князя Кутузо-
ва, по выходѣ своемъ изъ Москвы, къ сра-

женію, котораго всѣ выгоды были на стороне Французской арміи, имѣющей двойное число сражающихся, чѣмъ Русская армія, обремененная ранеными и нѣкоторою частію народа, вышедшаго изъ Москвы.

2. *Зажигательныя вещества, приготовленныя какимъ то Шмидтомъ, имѣющимъ препорученіе устроить воздушный шаръ.*

Пожаръ Москвы, не будучи никогда ни приготовленъ, ни устроенъ, зажигательныя вещества Шмидта сами по себѣ уничтожаются. Этотъ человѣкъ будто бы нашелъ способъ управлять воздушнымъ шаромъ, занимался тогда устроеніемъ одного, и слѣдуя шарлатанству, просилъ о сохраненіи тайны на счетъ его работы. Между тѣмъ, слишкомъ уже увеличили исторію этаго шара, дабы сдѣлать изъ оной посмѣяніе для Русскихъ; но простяки очень рѣдки между ними, и никогда бы не могли увѣрить ни одного жителя Москвы, что этотъ Шмидтъ истребитъ Французскую армію посредствомъ своего шара, подобнаго тому, которой Французы употребили во время Флерюсскаго сраженія; и какую имѣли нужду устроивать фабрику зажи-

гательныхъ веществъ? Солома и сѣно были бы гораздо способнѣе для зажигателей, чѣмъ фейерверки, требующіе предосторожности, и столь же трудные къ сокрытію, какъ и къ управленію для людей, совсѣмъ къ тому непривычныхъ.

3. *Петарды, найденныя въ печахъ моего дома, въ Москвѣ.*

Для чего мнѣ было класть петарды въ моемъ домѣ? Принимаясь топить печи, ихъ легко бы нашли, и даже въ случаѣ взорванія было бы токмо нѣсколько жертвъ, а не пожаръ.

Одинъ Французскій медикъ, стоявшій въ моемъ домѣ, сказывалъ мнѣ, что нашли въ одной печи нѣсколько ружейныхъ патроновъ; если по прошествіи нѣкотораго времени сдѣлались они петардами, то для чегожъ не сказать послѣ, что это были *сферы сжатія* (globes de compression)? Что касается до меня, то я оставляю изобрѣтеніе петардъ бюллетеню; или, если дѣйствительно нашли нѣсколько патроновъ въ печахъ моего дома, то они могли быть положены послѣ моего выѣзда, чтобы чрезъ то подать еще болѣе по-

вода думать, что я имѣлъ намѣреніе сжечь Москву. Равномѣрно и ракеты, будто бы найденныя у зажигателей, могли быть взяты въ частныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ приготовляются фейерверки для праздниковъ, даваемыхъ въ Москвѣ и за городомъ.

4. *Показанія зажигателей, взятыхъ, судимыхъ и потомъ разстрѣлянныхъ.*

Вотъ еще доказательство, представленное какъ несомнѣнное и убѣдительное, облеченное формою суда, показаніемъ осужденныхъ и смертію зажигателей. Наполеонъ объявляетъ въ двадцатомъ своемъ бюллетенѣ, что схватили, предали суду и разстрѣляли зажигателей; что всѣ сіи нещастные были взяты на мѣстѣ, снабженные зажигательными веществами и бросающіе огонь по моему приказанію.

Двадцатый бюллетень объявляетъ, что эти зажигатели — были колодники, бросившіе огонь въ пяти стахъ мѣстахъ въ одинъ разъ, что ни коимъ образомъ невозможно. Впрочемъ, можно ли полагать, чтобъ я далъ свободу колодникамъ, содержавшимся въ тюрмахъ, съ условіемъ жечь городъ, и что сіи

люди могли исполнить мои приказанія во-время моего отсутствія, предъ цѣлою непріятельской арміею? Но я хочу убѣдить всѣхъ тѣхъ, кои единственно судятъ по видимому, что колодники никогда не были къ тому употреблены.

По мѣрѣ приближенія Наполеоновой арміи къ какому-либо Губернскому городу, Гражданскіе Губернаторы всегда отправляли колодниковъ въ Москву подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ солдатъ. Вышло изъ того, что въ концѣ мѣсяца Августа Московскія тюрмы наполнены были колодниками Губерній Витебской, Могилевской, Минской и Смоленской. Число оныхъ, со включеніемъ также и колодниковъ Московскихъ, состояло изъ осьми сотъ десяти человѣкъ, которые, подъ прикрытіемъ одного баталіона, взятаго изъ гарнизоннаго полку, были отосланы въ Нижній-Новгородъ двумя днями прежде входа непріятеля въ Москву. Они прибыли къ мѣсту своего назначенія, и въ началѣ 1813 года, во избѣжаніе затрудненія на счетъ разсылки ихъ по прежнимъ Губерніямъ, предписано было Судебнымъ Мѣстамъ Нижняго-

Новгорода учинить и кончить ихъ процессъ гамъ.

Но процессъ, учиненный зажигателямъ (который напечатанъ, и котораго я имѣю у себя еще одинъ экземпляръ), объявляетъ, что были представлены тридцать человѣкъ, изъ коихъ каждый поименованъ, и между которыми тринадцать, будучи уличены въ зажигательствѣ города по моему приказанію, приговорены къ смерти. Между тѣмъ по двадцатому и двадцать первому бюллетеню разстрѣляно ихъ сначала сто, а потомъ еще триста. По моемъ возвращеніи въ Москву я нашелъ и говорилъ съ тремя нещастными изъ числа тридцати, обозначенныхъ въ процессѣ: одинъ былъ служитель Князя Сибирскаго, оставленный при домѣ, другой, старый подметальщикъ въ Кремлѣ, третій, магазинный сторожъ.

Всѣ трое, допрашиваемые порознь, мнѣ сказали одно и тоже въ 1812 году, что и два года послѣ того, то есть, что они взяты были въ первые дни Сентября мѣсяца (стар. штиля), одинъ во время ночи на улицѣ, двое другихъ въ Кремлѣ днемъ. Они оставались

нѣкоторое время въ кордегардіи въ самомъ Кремлѣ; наконецъ однимъ утромъ препроводили ихъ съ десятью другими Русскими въ Хамовническія казармы; къ нимъ присоединили еще семнадцать другихъ человѣкъ, и отвели ихъ подъ сильнымъ прикрытіемъ къ Петровскому монастырю, находящемуся на бульварѣ. Тамъ они простояли почти цѣлый часъ; послѣ чего, множество офицеровъ пріѣхало верхами и сошли на землю. Тридцать Русскихъ были поставлены въ одну линію, изъ коихъ отсчитавши тринадцать справа, поставили къ монастырской стѣнѣ и разстрѣляли. Тѣла ихъ были повѣшены на фонарные столбы съ Французскою и Русскою надписью, что это были зажигатели. Другіе семнадцать были отпущены и впредь уже нетревожимы.

Объявленіе сихъ людей (если оно справедливо) заставляетъ думать, что никто ихъ не допрашивалъ, и что тринадцать были разстрѣляны по повелѣнію высшаго начальства.

5. *Показаніе одного человѣка, будто бы полицейскаго солдата, найденнаго въ Кремлев-*

скихъ погребахъ и изрубленнаго на части солдатами Наполеоновой гвардіи.

Этотъ нещастный полицейскій солдатъ, или какъ онъ такимъ себя называлъ, найденный въ одномъ погребѣ, могъ ли сказать, что онъ оставался по приказанію своего начальника? Между тѣмъ, кто былъ этотъ начальникъ? — Я ли? Полицмейстеръ ли? Офицеръ ли? сержантъ ли? Какое препорученіе дано ему было? Но ему не сдѣлали чести имъ заняться; онъ былъ изрубленъ гвардейскими солдатами.

6. *Вывезенныя пожарныя трубы.*

Я велѣлъ выпроводить изъ города двѣ тысячи сто человѣкъ пожарной команды и девяносто шесть трубъ (ибо ихъ было по три въ каждой Части) наканунѣ входа непріятеля въ Москву. Былъ также корпусъ Офицеровъ, опредѣленный на службу при пожарныхъ трубахъ, и я не разсудилъ за благо оставить его для услугъ Наполеона, выведши уже изъ города всѣ гражданскіе и военные чины.

Между тѣмъ, очень естественно желать знать подлинно, кто бросалъ огонь и про-

изводилъ пожаръ Москвы. И такъ, вотъ подробности, которыя я могу доставить о семъ происшествіи, которое Наполеонъ складываетъ на меня, которое Русскіе складываютъ на Наполеона, и которое не могу я приписать ни Русскимъ, не непріятелемъ исключительно. Половина Русскихъ людей, оставшихся въ Москвѣ, состояла изъ однихъ токмо бродягъ, и легко статься можетъ, что они старались о распространеніи пожаровъ, дабы съ бо̀льшею удобностію грабить въ безпорядкѣ. Но это еще не можетъ быть убѣдительнымъ доказательствомъ, что существовалъ планъ для сожженія горо́да, и что этотъ планъ и его исполненіе были моимъ дѣломъ.

Главная черта Русскаго характера есть некорыстолюбіе и готовность скорѣе уничтожить, чемъ уступить, оканчивая ссору сими словами: *не доставайся же никому*. Въ частыхъ разговорахъ съ купцами, мастеровыми и людьми изъ простаго народа, я слыхалъ слѣдующее выраженіе, когда они съ горестію изъявляли свой страхъ, чтобъ Москва не досталась въ руки непріятеля:

лучше ее сжечь. Во время моего пребыванія въ главной квартирѣ Князя Кутузова я видѣлъ многихъ людей, спасшихся изъ Москвы послѣ пожара, которые хвалились тѣмъ, что сами зажигали свои домы.

Вотъ подробности, собранныя мною по моемъ возвращеніи въ Москву; я ихъ представлю здѣсь точно въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ ко мнѣ пришли. Я не былъ свидѣтелемъ оныхъ, ибо находился въ отсутствіи.

Въ Москвѣ есть цѣлая улица съ каретными лавками, и въ которой живутъ одни только каретники. Когда армія Наполеона вошла въ городъ, то многіе Генералы и Офицеры бросились въ этотъ кварталъ, и обошедши всѣ заведенія онаго, выбрали себѣ кареты и замѣтили ихъ своими именами. Хозяева, по общему между собою согласію, не желая снабдить каретами непріятеля, зажгли всѣ свои лавки.

Одинъ купецъ, ушедшій съ своимъ семействомъ въ Ярославль, оставилъ одного своего племянника имѣть попеченіе о его домѣ. Сей послѣдній, по возвращеніи Полиціи въ

Москву, пришелъ объявить ей, что семнадцать мертвыхъ тѣлъ находятся въ погребѣ его дяди, и вотъ какъ онъ разсказывалъ о семъ происшествіи. На другой день входа непріятеля въ городъ четыре солдата пришли къ нему; осмотря домъ, и не нашедши ничего съ собой унести, сошли въ погребъ, находящійся подъ онымъ, нашли тамъ сотню бутылокъ вина, и давши разумѣть знаками племяннику купца, чтобъ онъ поберегъ оныя, возвратились опять ввечеру, въ сопровожденіи тринадцати другихъ солдатъ, зажгли свѣчи, принялись пить, пѣть и потомъ спать. Молодой Русской купецъ, видя ихъ погруженныхъ въ пьяной сонъ, вздумалъ ихъ умертвить. Онъ заперъ погребъ, завалилъ его каменьями и убѣжалъ на улицу. По прошествіи нѣсколькихъ часовъ, размысливши хорошенько, что эти семнадцать человѣкъ могли бы какимъ нибудь образомъ освободиться изъ своего заточенія, встрѣтиться съ нимъ и его умертвить, онъ рѣшился зажечь домъ, что и исполнилъ посредствомъ соломы.

Вѣроятно, что эти нещастные семнадцать

человѣкъ задохлись отъ дыму. Два человѣка, одинъ дворникъ Г-на Муравьева, а другой купецъ, были схвачены при зажиганіи своихъ домовъ и разстрѣляны.

Съ другой стороны, Москва, будучи цѣлію и предметомъ похода Наполеона въ Россію, разграбленіе сего города было обѣщано арміи. Послѣ взятія Смоленска солдаты нуждались въ жизненныхъ припасахъ и питались иногда рожью въ зернахъ и лошадинымъ мясомъ; очень естественно, что сіи войска, пришедши въ обширный городъ, оставленный жителями, разсыпались по домамъ для сысканія себѣ пищи и для грабежа. Уже въ первую ночь по занятіи Москвы большой корпусъ лавокъ, находящійся противъ Кремля, былъ весь въ пламени. Въ послѣдствіи, и даже безпрерывно, были пожары во многихъ частяхъ города; но въ пятый день ужасный вихрь разнесъ пламень повсюду, и въ три дни огонь пожралъ семь тысячь шесть сотъ тридцать два дома. Не льзя ожидать большой предосторожности со стороны солдатъ, которые ходили ночью по домамъ съ свѣчными огарками, лучиною и

факелами; многіе даже разкладывали огонь посрединѣ дворовъ, дабы грѣться. Денной приказъ, дававшій право каждому полку, рас-положенному на бивакахъ близь города, по-сылать назначенное число солдатъ для раз-грабленія домовъ *уже сожженныхъ*, былъ, такъ сказать, приглашеніемъ или позволені-емъ умножить число оныхъ. Но то, что бо-лѣе всего утверждаетъ Русскихъ во мнѣніи, что Москва была сожжена непріятелемъ есть весьма безполезное взорваніе Кремля.

Вотъ все, что я могу сказать о великомъ происшествіи Московскаго пожара, которое тѣмъ еще болѣе показалось удивительнымъ, что нѣтъ ему примѣра въ Исторіи.

Наполеонъ оставилъ на три дни Кремль и возвратился ожидать мира посреди дымящих-ся развалинъ; но судьба его рѣшилась, и перстъ Провидѣнія назначилъ Москву быть началомъ его паденія, такъ какъ островъ Святой Елены концемъ его подвиговъ.

Теперь сдѣлаю нѣкоторыя замѣчанія на книгу, недавно изданную въ свѣтъ М. М. *** подъ заглавіемъ: *О походѣ въ Россію*. Я въ ней нашелъ много правды и безпристрастія

а исключеніемъ токмо Исторической части о занятіи Москвы. Ничего не буду говорить о пожарѣ, но открою нѣкоторыя ошибки М. М. *** на счетъ многихъ происшествій, которыя онъ описываетъ, повторяя увѣренія многихъ писателей, мало заботившихся о исправности. Это не касается военныхъ операцій, которыхъ авторъ былъ свидѣтелемъ, и которыя описываетъ онъ какъ опытный Офицеръ. Его критика благоразумна; онъ не превращаетъ исторію въ романъ и нимало непохожъ на тѣхъ авторовъ, которымъ нравится говорить глупости не только о частныхъ людяхъ, но даже о цѣлыхъ націяхъ, какъ на примѣръ издатель журнала: Le Miroire, который объявляетъ, что *Русской не боится смерти въ сраженіяхъ, единственно страшась кнута;* газеты, которымъ угодно называть Русскія арміи дикими, козацкими и прочій наборъ безсмысленныхъ злословій и лжи, равномѣрно какъ и слѣдующія книги: De la Russie et de l'esclavage, du Desastre de Moscou, и пр. Чтожъ касается именно до меня, то и конца бы не было, если бы я хотѣлъ говорить о всѣхъ глупостяхъ, сказан-

ныхъ на мой счетъ: то иногда я безызвѣстнаго происхожденія; то изъ подлаго званія, употребленный къ низкимъ должностямъ при Дворѣ; то шутъ Императора Павла; то назначенный въ духовное состояніе, воспитанникъ Митрополита Платона, обучавшійся во всѣхъ городахъ Европы; толстъ и худощавъ, высокъ и малъ, любезенъ и грубъ. Нимало не огорчаясь вздорами, столь щедро на счетъ мой расточенными кропателями исторій, я представлю здѣсь мою службу. Я былъ Офицеромъ Гвардіи и Каммеръ-Юнкеромъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II; Генералъ-Адъютантомъ, Министромъ Иностранныхь дѣлъ и Главнымъ Директоромъ Почтъ въ царствованіе Императора Павла I-го; Оберъ-Каммергеромъ и Главнокомандующимъ Москвы и ея Губерніи при нынѣшнемъ ИМПЕРАТОРѢ. Чтожъ касается до моего происхожденія, то не во гнѣвъ господамъ разсуждающимъ подъ краснымъ колпакомъ, я скажу, что родоначальникъ нашей фамиліи, поселившійся въ Россіи назадъ тому болѣе трехъ столѣтій, происходилъ попрямой линіи отъ одного изъ сыновей Чингисъ-Хана.

Въ книгѣ, на которую я дѣлаю замѣчанія, М. М. *** представляетъ меня человѣкомъ съ запальчивымъ характеромъ. Первый, который сказалъ это какъ ни попало (ибо прочіе уже въ слѣдъ за нимъ повторили), очень бы затруднился въ доказательствахъ имъ сказуемаго. Прежде, нежели произнести свой приговоръ о поступкахъ и поведеніи человѣка Государственнаго, надобно, если не хотятъ учинить несправедливости, обратить свое вниманіе на время, мѣсто, обстоятельства и знать хорошенько причины, заставляющія его такимъ или другимъ образомъ дѣйствовать. Выбросите изъ моего правленія 1812 годъ зажигательный факелъ, которымъ угодно было Наполеону для собственныхъ своихъ выгодъ вооружить мою руку, то найдутъ планъ, отъ котораго я никогда не отступалъ, и который исполнялъ я съ спокойствіемъ и терпѣніемъ. Другой на моемъ мѣстѣ не употребилъ бы, можетъ быть, столько дѣятельности; но были три причины, которыя воспламеняли безпрестанно мое рвеніе въ сію гибительную эпоху: это была слава моего отечества; важность поста, препорученнаго

мнѣ Государемъ, и благодарность къ милостямъ Императора Павла I-го. Столько было дѣлъ, что не доставало времени сдѣлаться больнымъ, и я не понимаю, какъ могъ я перенести столько трудовъ. Отъ взятія Смоленска до моего выѣзда изъ Москвы, то есть, въ продолженіе двадцати трехъ дней я не спалъ на постелѣ; я ложился, ни мало не раздѣваясь, на канапѣ, будучи безпрестанно пробуждаемъ то для чтенія депешей, приходящихъ тогда ко мнѣ со всѣхъ сторонъ, то для переговоровъ съ курьерами и немедленнаго отправленія оныхъ. Я пріобрѣлъ увѣренность, что есть всегда способъ быть полезнымъ своему Отечеству, когда слышишь его взывающій голосъ: *жертвуй собою для моего спасенія*. Тогда пренебрегаешь опасностями, не уважаешь препятствіями, закрываешь глаза свои на счетъ будущаго; но въ ту минуту, когда займешься собою и станешь разсчитывать, то ничего не сдѣлаешь порядочнаго и входишь въ общую толпу народа.

Я имѣлъ въ виду два предмета весьма важные, отъ которыхъ, полагалъ, зависитъ ис-

требленіе Французской арміи, а именно: чтобъ сохранить спокойствіе въ Москвѣ и вывести изъ оной жителей. Я успѣлъ свыше моихъ надеждъ. Тишина продолжалась даже до самой минуты вступленія непріятеля, и изъ двухъ сотъ сорока тысячь жителей осталось только отъ двѣнадцати до пятнадцати тысячь человѣкъ, которые были или мѣщане, или иностранцы, или люди изъ простаго званія народа, но ни одинъ значительный человѣкъ ни изъ Дворянства, ни изъ Духовенства или купечества. Сенатъ, Судебныя Мѣста, всѣ Чиновники, оставили городъ нѣсколькими днями прежде его занятія непріятелемъ. Я хотѣлъ лишить Наполеона всей возможности составить сношеніе Москвы со внутренностію Имперіи и употребить въ свою пользу вліяніе, которое Французъ пріобрѣлъ себѣ въ Европѣ своею литтературою, своими модами, своею кухнею и своимъ языкомъ. Сими средствами непріятели могли бы сблизиться съ Русскими, получить довѣренность, а наконецъ и самыя услуги; но посреди людей, оставшихся въ Москвѣ, обольщеніе было безъ всякаго дѣйствія, какъ посреди глухихъ и нѣмыхъ.

Нарушенное спокойствіе въ Москвѣ могло бы произвесть весьма дурныя впечатлѣнія на духъ Русскихъ, которые обращали тогда на нее свои взоры и ей подражали и слѣдовали. Изъ нее-то распространился этотъ пламенный патріотизмъ, эта потребность пожертвованій, этотъ воинскій жаръ и это желаніе мщенія противъ враговъ, дерзнувшихъ проникнуть столь далеко. По мѣрѣ, какъ извѣстіе о занятіи Москвы дѣлалось извѣстнымъ въ провинціяхъ, народъ приходилъ въ ярость; и дѣйствительно, подобное происшествіе должно было казаться весьма чрезвычайнымъ такой націи, на землю которой не ступалъ непріятель болѣе цѣлаго вѣка, считая отъ вторженія Карла XII, Короля Шведскаго. Наполеонъ имѣлъ равную съ нимъ участь: оба потеряли свою армію, оба были бѣглецы, одинъ у Турковъ, другой у Французовъ.

Небольшое сочиненіе, изданное мною въ 1807 году, имѣло своимъ назначеніемъ предупредить жителей городовъ противъ Французовъ, живущихъ въ Россіи, которые старались уже пріучить умы къ тому мнѣнію,

что должно будетъ нѣкогда намъ пасть предъ арміями Наполеона. Я не говорилъ о нихъ добраго: но мы были въ войнѣ, а потому и позволительно Русскимъ не любить ихъ въ сію эпоху. Но война кончилась, и Русской, забывъ злобу, возвращался къ симпатіи, существующей всегда между двумя великодушными народами. Онъ не сохранилъ сего зложелательства, которое Французы оказываютъ даже до сего времени чужеземцамъ и не прощаютъ имъ двойное занятіе Парижа, какъ и трехлѣтнее ихъ пребываніе во Франціи. Впрочемъ, я спрашиваю: гдѣ та земля, въ которой три тысячи шестьсотъ тридцать Французовъ, живущихъ въ одномъ токмо столичномъ городѣ, готовомъ уже быть занятымъ ихъ соотечественниками, могли бы жить не только спокойно, но даже заниматься своей коммерціей и отправлять свои работы? Ни одинъ человѣкъ не былъ оскорбленъ, и кабаки, во время мнимаго безпорядка при вшествіи Наполеона въ Москву, не могли быть разграблены; ибо въ слѣдствіе моего приказанія не находилось въ нихъ ни одной капли вина.

Московскій Почт - Директоръ никогда не былъ посланъ въ Сибирь, но удаленъ въ Воронежъ, совсѣмъ по другимъ причинамъ, какія объявляетъ одна Нѣмецкая газета.

Прокламаціи, мною публикованныя, имѣли единственно въ предметѣ утишеніе безпокойства; между тѣмъ всѣ знали очень хорошо о происходившемъ: военныя извѣстія съ величайшею скоростію приходили однѣ за другими отъ Смоленска къ Москвѣ. Основаніемъ моихъ бюллетеней служили получаемыя мною увѣдомленія, сначала отъ Генерала Барклая, а потомъ отъ Князя Кутузова. Что касается до выраженій, то онѣ не могли быть оскорбительнѣе для непріятеля Французскихъ прокламацій 1814 года, въ которыхъ говорили, что Русскіе любятъ ѣсть мясо младенцевъ.

Никогда не существовала ненависть между мною и Княземъ Кутузовымъ, да и время не было заниматься оной. Мы не имѣли никакихъ выгодъ обманывать другъ друга, и не могли трактовать вмѣстѣ о сожженіи Москвы, ибо никто о томъ и недумалъ. Правда, что во время моего съ нимъ свиданія у заставы онъ увѣрялъ меня о намѣреніи дать

сраженіе, а вечеромъ, послѣ военнаго совѣта, держаннаго на скорую руку, онъ прислалъ ко мнѣ письмо, въ которомъ увѣдомлялъ, что въ слѣдствіе движенія непріятеля, онъ видитъ, къ сожалѣнію, себя принужденнымъ оставить Москву, и что идетъ расположиться съ своей арміей на большой Рязанской дорогѣ.

Изъ всего вышесказаннаго мною видно, что М. М*** впалъ въ противорѣчіе; ибо, полагая вражду между Княземъ Кутузовымъ и мною, онъ разрушилъ всякую возможность взаимной довѣренности. Если бы дѣлаться врагами всѣхъ тѣхъ, коихъ мы осуждаемъ, то трудъ М. М*** доставилъ бы ему значительное количество оныхъ.

До 1806 я не имѣлъ противъ Наполеона ненависти болѣе какъ и послѣдній изъ Руськихъ; я избѣгалъ говорить о немъ, сколько могъ, ибо находилъ, что писали на его счетъ слишкомъ и слишкомъ рано. Народы Европы будутъ долго помнить то зло, которое причинилъ онъ имъ войною, и въ классѣ просвѣщенномъ два существующія поколѣнія раздѣляться между энтузіазмомъ

къ завоевателю и ненавистію къ похитителю. Я даже объявлю здѣсь откровенно мое вѣрованіе въ отношеніи къ нему: Наполеонъ былъ въ глазахъ моихъ великимъ Генераломъ послѣ Италіанскаго и Египетскаго похода; благодѣтелемъ Франціи, когда прекратилъ онъ революцію во время своего Консульства; опаснымъ деспотомъ для Европы, когда сдѣлался Императоромъ; ненасытнымъ завоевателемъ до 1812 года; человѣкомъ, упоеннымъ славою и ослѣпленнымъ счастіемъ, когда предпринялъ завоеваніе Россіи; униженнымъ геніемъ въ Фонтенебло и послѣ Ватерлоскаго сраженія, а на островѣ Св. Елены плачущимъ прорицателемъ. Наконецъ, я думаю, что умеръ онъ съ печали, не имѣя уже возможности возмущать болѣе свѣтъ и видя себя заточеннымъ на голыхъ скалахъ, чтобы быть терзаему воспоминаніемъ прошедшаго и мученіями настоящаго, не имѣя права обвинять никого другаго, кромѣ самаго себя, будучи самъ причиною и своего возвышенія и своего паденія. Я очень часто сожалѣлъ, что Генералъ Тамара, имѣвшій препорученіе, въ 1789 году, во время войны

съ Турками, устроить флотилію въ Средиземномъ морѣ, не принялъ предложенія Наполеона о пріемѣ его въ Русскую службу; но чинъ Маіора, котораго онъ требовалъ, какъ Подполковникъ Корсиканской Національной Гвардіи былъ причиною отказа. Я имѣлъ это письмо много разъ въ своихъ рукахъ.

Что касается до Французскихъ революціонеровъ и ихъ учениковъ въ другихъ земляхъ, то я возгнушался ихъ намѣреніемъ, какъ только оно сдѣлалось извѣстнымъ по своему успѣху. Все, что произошло въ Европѣ въ продолженіи тридцати лѣтъ, утвердило меня въ моемъ мнѣніи на счетъ тѣхъ, которыхъ предпріятія касались къ низпроверженію правительствъ. Какое дѣло до того, подъ какимъ названіемъ эти люди скрываются, или извѣстны; эгоизмъ ими предводитъ, корыстолюбіе ихъ ослѣпляетъ.

Къ несчастію, въ семъ вѣкѣ, въ которомъ столько происшествій пріучили два поколѣнія избавлять себя отъ правилъ, внушающихъ должное уваженіе къ Вѣрѣ и Престолу, горсть крамольниковъ и честолюбцевъ до-

вольно свободно достигаетъ до обольщенія народа, говоря, смотря по обстоятельствамъ, о благополучіи, богатствѣ, свободѣ, славѣ, завоеваніи и мщеніи; его возмущаютъ, ведутъ и низвергаютъ въ ужасную пропасть бѣдствій. Дошли даже до того, что стали почитать революцію какою-то потребностію духа времени, и чтобъ умножить лавину бунта (avalanche de la révolte), то представляютъ въ блистательной перспективѣ выгоды конституціи, не заботясь нимало, прилична ли она странѣ, жителямъ и сосѣдямъ. Вотъ болѣзнь нынѣшняго вѣка! эта горячка опаснѣе всѣхъ горячекъ, даже и самой моровой язвы; ибо не только что повальная и заразительная, но сообщается чрезъ чтеніе и разговоръ. Ея признаки очень замѣтны: она начинается наборомъ пышныхъ словъ, которыя, кажется, выходятъ изъ устъ какого нибудь законодавца, друга человѣчества, Пророка или могущественнаго владѣтеля; потомъ является тысяча оскорбленій противъ всякой власти, жажда обладанія, неумѣренный аппетитъ богатства наконецъ бредъ, въ продолженіе котораго больной карабкает-

ся какъ можно выше, опрокидывая все предъ собою.

Не смотря на всѣ усилія возмутителей, народы, приведенные въ заблужденіе на нѣкоторое время, окончатъ въ послѣдствіи тѣмъ, что возвратятся опять къ прежнему порядку вещей или отъ дѣйствія размышленія, или отъ усталости, или даже отъ самыхъ излишностей; ибо очень скоро узнается, что весь свѣтъ не можетъ быть богатымъ, и что нѣтъ довольно мѣста на тронѣ для многихъ тысячь подданныхъ, желающихъ превратиться въ Государей, чтобы царствовать надъ націей, которая нимало о томъ и не заботится. Уже доказано Исторіей, что каждый народъ, бунтующій противъ своего Государя, дѣлаетъ худшимъ свое состояніе и дорого платитъ за свое заблужденіе: ибо, если въ борьбѣ законный владѣтель восторжествуетъ надъ крамольниками, то никогда не захочетъ онъ согласиться на то, чего они желаютъ; въ противномъ же случаѣ, если законный владѣтель падаетъ, защищая свои права противъ возмутившихся подданныхъ, то тогда сіи мгновенно пере-

ходятъ подъ власть военнаго деспотизма, ибо, за недостаткомъ какого нибудь Наполеона, вездѣ найдется много Итурбидовъ.

Депутація города Москвы, о которой говоритъ М. М. ***, состояла изъ дюжины простыхъ людей, очень худо одѣтыхъ. Представлявшій въ семъ торжественномъ случаѣ и Дворянство и Духовенство и Чиновниковъ и купеческое сословіе былъ ни что иное, какъ типографской факторъ. Наполеонъ, видя всю странность такой комедіи, обратился къ нему спиною.

Отрядъ полицейскихъ драгуновъ, о которыхъ говоритъ М. М. ***, состоялъ изъ десяти человѣкъ для препровожденія повозки, въ которой находились Государственныя бумаги. Что касается до меня, то я былъ верхомъ, и не прежде оставилъ городъ, какъ въ ту минуту, когда стали палить изъ пушекъ въ Кремлѣ.

Прежде, нежели окончу сіе небольшое сочиненіе, я сдѣлаю нѣкоторыя замѣчанія на бюллетени Наполеона, изданныя въ Москвѣ. Читатели сами увидятъ, могутъ ли сіи оф-

фиціальныя бумаги служить матеріаломъ для Исторіи.

Бюллетени.

No 19, отъ 16-го Сентября.

«Совершеннѣйшее «безначаліе царство- «вало въ городѣ; пья- «ные колодники бѣ- «гали по улицамъ и «бросали огонь по- «всюду.

«Губернаторъ Ро- «стопчинъ велѣлъ «выслать всѣхъ куп- «цовъ и торгующихъ,

Замѣчанія.

«Малое число жите- «лей, оставшихся въ го- «родѣ, сидѣли запер- «шись дома, удержан- «ные страхомъ и не- «извѣстностію. Если во «время вшествія Напо- «леона въ Москву, ко- «лодники бросали уже «огонь, то для чего ихъ «не остановили?

«Всѣ эти люди уѣха- «ли сами по себѣ преж- «де нѣсколькими днями. «Впрочемъ, какой поря-

«посредствомъ ко-
«торыхъ можно бы
«было возстановить
«порядокъ.

«докъ могли возстано-
«вить купцы въ главной
«квартирѣ и во всей
«арміи?

«Болѣе четырехъ
«сотъ Французовъ и
«Нѣмцовъ задержа-
«ны по его прика-
«нію.

«Ни одинъ.»

«Наконецъ, онъ
«велѣлъ выслать по-
«жарную команду и
«трубы.

«Я о томъ уже гово-
«рилъ: девяносто шесть
«трубъ со всей прислу-
«гой и запряжкой были
«отосланы во внутрен-
«ность Имперіи.

«Тридцать тысячь
«раненыхъ или боль-
«ныхъ Русскихъ на-
«ходятся въ гошпи-
«таляхъ, оставлен-
«ные безъ помощи
«и пищи.

«Отъ шестнадцати до
«семнадцати тысячь бы-
«ли отправлены на че-
«тырехъ тысячахъ под-
«водахъ на канунѣ за-
«нятія Москвы въ Ко-
«ломну, откуда они по-

«плыли Окою на боль-
«шихъ крытыхъ бар-
«кахъ въ Рязанскую Гу-
«бернію, гдѣ были уч-
«реждены Гошпитали.
«Двѣ тысячи раненыхъ
«оставалось въ Москвѣ.

«Русскіе потеряли
«пятьдесятъ ты-
«сячь человѣкъ въ
«сраженіи при Мо-
«сквѣ рѣкѣ (battail-
«le de la Moskowa).
«Число убитыхъ и
«раненныхъ Гене-
«раловъ, подня-
«тыхъ на мѣстѣ сра-
«женія, простирает-
«ся до сорока пяти,
«или пятидесяти.

«Мы потеряли толь-
«ко убитыми и ране-
«ными отъ тридцати пя-
«ти до тридцати шести
«тысячь человѣкъ, ты-
«сячу семь сотъ трид-
«цать два офицера и
«осьмнадцать Генера-
«ловъ. Наполеонъ поте-
«рялъ убитыми и ране-
«ными болѣе пятидеся-
«ти тысячь человѣкъ,
«тысячу двѣсти офице-
«ровъ и сорокъ девять
«Генераловъ. Мнѣ до-
«стались всѣ рапорты
«отъ одного Офицера,

«которому они были пре-
«поручены, и кои нахо-
«дились въ канцеляріи
«Князя Невшательскаго.
«Этотъ Офицеръ, ранен-
«ный въ сраженіи при
«Бородинѣ, находился
«въ Голицынской боль-
«ницѣ.

20 Бюллетень,

17 Сентября.

«Нашли въ домѣ
«этаго негоднаго Ро-
«стопчина (miserab-
«le Rostopschine) нѣ-
«которыя бумаги и
«одно письмо недо-
«конченное.

«Всѣ эти бумаги, по
«большой части ничего
«незначущія, были от-
«биты козаками, и не
«стоили труда быть ко
«мнѣ опять доставлен-
«ными. Я не былъ за-
«хваченъ въ расплохъ,
«еще менѣе удивленъ
«вшествіемъ непріятеля,
«а потому и имѣлъ бы
«время окончить пись-

«мо. Я выѣхалъ не то-
«ропясь верьхомъ чрезъ
«Серпуховскую заста-
«ву, и не прежде оста-
«вилъ городской валъ,
«какъ увѣдомили меня,
«что Французской аван-
«гардъ вошелъ уже въ
«городъ.

«16 Числа воз-
«сталъ жестокій
«вихрь; отъ трехъ
«до четырехъ сотъ
«мошенниковъ бро-
«сили огонь по го-
«роду въ пяти стахъ
«мѣстахъ въ одинъ
«разъ по приказанію
«Губернатора Ро-
«стопчина.

«Такимъ образомъ сіи
«отъ трехъ до четы-
«рехъ сотъ мошенни-
«ковъ, въ ожиданіи же-
«стокаго вихря, оста-
«вались четыре дни по-
«среди Французской ар-
«міи. Надобно, чтобъ
«они были весьма ис-
«кусны, чтобы бросить
«огонь въ пяти стахъ
«мѣстахъ въ одинъ разъ,
«будучи только въ чи-
«слѣ отъ трехъ до че-
«тырехъ сотъ человѣкъ.

	«Чтожъ касается до мо-«его имени, то оно слу-«житъ припѣвомъ къ «пожару, какъ припѣвъ «Марльборуга въ пѣсни.
«Церквей, ихъ бы-«ло тысячу шесть «сотъ.	«Ихъ было не болѣе «двухъ сотъ шестиде-«сяти семи.
«Эта потеря не-«исчислима для Рос-«сіи; если оцѣнить «то въ нѣсколько «тысячь милліоновъ, «то еще не велика «будетъ оцѣнка.	«По изчисленію, сдѣ-«ланному Коммиссіей, «убытки, произведенные «пожаромъ и войною, «какъ въ самомъ горо-«дѣ, такъ и въ Мо-«сковской Губерніи, не «превышали 321 милліо-«на рублей; такимъ об-«разомъ, это еще слиш-«комъ далеко отъ нѣ-«сколькихъ тысячь мил-«ліоновъ.
«Тридцать тысячь «Русскихъ ране-	«Я уже сказалъ, что «ихъ не болѣе было

«ных и больных
«сгорѣли.

«двухъ тысячь, и два
«гошпиталя, въ кото-
«рыхъ они находились,
«также не сгорѣли.

«И привели двѣ-
«сти тысячь чест-
«ныхъ жителей въ
«бѣдность; это зло-
«дѣяніе Ростопчина,
«исполненное пре-
«ступниками, осво-
«божденными изъ
«тюремъ.

«По возвращеніи мо-
«емъ въ Москву, послѣ
«выхода непріятеля, я
«нашелъ въ ней отъ ты-
«сячи двѣсти до тыся-
«чи пяти сотъ чело-
«вѣкъ изъ бѣднаго со-
«стоянія народа въ ве-
«личайшей нуждѣ: они
«были помѣщены по
«квартирамъ, одѣты и
«кормлены въ продол-
«женіе цѣлаго года на
«счетъ Казны. Чтожъ
«касается до преступ-
«никовъ, употреблен-
«ныхъ для зажигатель-
«ства, какъ говоритъ
«бюллетень, то они на-
«ходились тогда по край-

«ней мѣрѣ на разстояніи «пятидесяти миль отъ «Москвы, оставивши ее «за четыре дни прежде «того.

«Солдаты находили и находятъ «множество шубъ и «мѣховъ для зимы. «Москва магазинъ «оныхъ.

«Такъ; но мѣха привозятся по первому «зимнему пути, оставалось же ихъ очень «мало: ибо ополченіе «Московское, Тверское, «Ярославское и Владимірское купило оныхъ «на семьдесятъ одну тысячу рублей.

21-й Бюллетень, 20 Сентября.

«Триста зажигателей были схвачены и разстрѣляны.

«Такимъ образомъ, «это ошибка въ двухъ «стахъ осмидесяти семи человѣкахъ; ибо я «уже сказалъ, что ихъ «разстрѣляно было только тринадцать.

«Прекрасный Дво-
«рецъ Екатерины,
«вновь меблирован-
«ный.

«Онъ никогда не былъ
«меблированъ: постро-
«енный на концѣ горо-
«да, онъ обращенъ былъ
«во время Императора
«Павла въ казармы, а
«я помѣстилъ въ немъ
«гошпиталь для ранен-
«ныхъ.

«Въ то время, какъ
«Ростопчинъ выво-
«зилъ пожарныя тру-
«бы изъ города, онъ
«оставлялъ шестьде-
«сятъ тысячь ружей,
«сто пятьдесятъ пу-
«шекъ и одинъ мил-
«ліонъ пятьсотъ пат-
«роновъ и проч.

«Тысяча шестьсотъ по-
«чиненыхъ ружей въ
«Арсеналѣ были отда-
«ны Московскому опол-
«ченію; чтожъ касается
«до пушекъ, то ихъ бы-
«ло девяносто четыре
«шести-фунтоваго ка-
«либра съ лафетами и
«пороховыми ящиками.
«Онѣ были отправлены
«въ Нижній-Новгородъ
«до входа непріятеля въ
«Москву, который на-
«шелъ въ Арсеналѣ толь-

«ко шесть разорванныхъ «пушекъ безъ лафетовъ «и двѣ огромнѣйшія гаубицы. Послику Наполеонъ принужденъ «былъ самъ оставить въ «Кремлѣ болѣе тысячи «повозокъ разнаго раз«бора, то и не могъ онъ «увезти Русскихъ пу«шекъ, и мы бы нашли «ихъ на прежнемъ мѣ«стѣ. Большая часть сей «артиллеріи была въ по«ходѣ 1813 года съ о«полченіемъ, устроен«нымъ Генераломъ Гра«фомъ Толстымъ; оста«вался одинъ только по«роховой магазинъ, тотъ «самой, въ которомъ дѣ«лали патроны для Рус«ской арміи, даже въ «послѣднюю ночь пере«хода ея чрезъ Москву.

«Онъ сожженъ не по та-
«кой неосторожности, по
«какой сожженъ слиш-
«комъ рано мостъ въ
«Лейпцигѣ.

«Пожаръ сей Сто-
«лицы отталкиваетъ
«Россію цѣлымъ вѣ-
«комъ назадъ.

«Столица вновь вы-
«строилась , — доказа-
«тельство, что ея жите-
«ли не разорились. Она
«заключаетъ въ себѣ
«столько же жителей ,
«какъ и прежде пожара,
«съ тою только разни-
«цей, что все выстроено
«изъ камня. Великолѣп-
«ные Дворцы , улицы
«совершенно новыя и
«превосходныя публич-
«ныя площади дѣлаютъ
«ее прекраснѣйшимъ го-
«родомъ въ Европѣ, бла-
«годаря попеченію и оте-
«ческимъ заботамъ ИМ-
«ПЕРАТОРА АЛЕК-

«САНДРА; и Россія, «вмѣсто того, чтобъ от- «стать цѣлымъ вѣкомъ «назадъ, узнала свои си- «лы, свое богатство и «чрезвычайныя свои по- «собія.

«Въ Кремлѣ на- «шли многія укра- «шенія, употребляе- «мыя при коронова- «ніи ИМПЕРАТО- «РОВЪ, и всѣ знаме- «на, взятыя у Тур- «ковъ въ продолже- «ніе цѣлаго столѣ- «тія.

«Украшенія, употреб- «ляемыя при коронова- «ніи и которыя соста- «вляютъ часть сокро- «вищь, равномѣрно и «Патріаршескія, цѣни- «мыя въ 21 милліонъ «рублей, были отправ- «лены прежде непріяте- «ля въ Нижній - Новго- «родъ и въ Вологду. «Чтожъ касается до зна- «менъ, взятыхъ во вре- «мя воинъ у враговъ «Россіи, то онѣ всѣ на- «ходятся въ Петербург- «скомъ Арсеналѣ.

23-й Бюллетень, 9 Октября.

«Нашли икону, «украшенную брил-«ліантами, ее ото-«слали также въ Па-«рижъ.

«Обыкновенно въ Рос-«сіи украшаютъ драго-«цѣнными каменьями «иконы, содержимыя въ «особенномъ почитаніи. «Кажется, что сей тро-«фей не достигъ до «Франціи, равномѣрно «какъ и тотъ огромный «крестъ, который нахо-«дился на высокой ко-«локольнѣ, называемой «*Иванъ Великій*. Онъ «былъ желѣзной позо-«лоченный; но Нѣмец-«кій путешественникъ, «Адамъ Олеарій, быв-«шій въ Москвѣ во вре-«мя Царя Алексѣя Ми-«хайловича, сказывалъ «(не знаю почему), что «сей крестъ былъ весь

	«изъ серебра позолочен- «ный. Такимъ образомъ, «какъ лишь только уви- «дѣли, что онъ былъ «желѣзный, то и оста- «вили его.
«Кажется, что Ра- «стопчинъ сошелъ съ «ума.	«Не знаю, по чему На- «полеонъ дѣлаетъ меня «сумасшедшимъ.
«Въ Вороновѣ онъ «зажегъ свой за̀мокъ.	«Я зажегъ мой за̀мокъ «по той самой причинѣ, «которую объявилъ въ «надписи, приклеенной «къ церковной двери, и «сдѣлалъ это единствен- «но для предупрежденія «приказанія, даннаго од- «ному Офицеру, послан- «ному въ Вороново, ко- «торый нашелъ одинъ «только пепелъ. Онъ раз- «сказалъ это одному Рус- «скому Полковнику, под-

«нявшему его во время
«ретирады по переходѣ
«чрезъ Березину. Напо-
«леонъ любилъ жечь;
«доказательствомъ тому
«служитъ приказъ, дан-
«ный Маршалу Мортье,
«чтобы позаботиться за-
«жечь оба мои дома въ
«Москвѣ (Expedition de
«Russie, tome II, page
«244). Тотъ, который на-
«ходится близъ заставы,
«былъ сожженъ, но Мо-
«сковскій остался цѣлъ;
«ибо на другой день по
«выходѣ большой арміи,
«Москва была уже на-
«полнена казаками и во-
«оруженными поселяна-
«ми, пробѣгающими по
«всѣмъ ея улицамъ.

«Русская армія от-
«рекается отъ Мо-

«Русская армія была
«увѣрена, что Москва

«сковскаго пожара; «производители сего «покушенія ненави- «димы въ Россіи. «Ростопчина счита- «ютъ за одно съ Ма- «ратомъ. Онъ могъ «утѣшиться въ бе- «сѣдѣ съ Англій- «скимъ Коммисса- «ромъ Вильсономъ.

«Большаго стои- «ло труда вытащить «изъ загорѣвшихся «домовъ и Гошпи- «талей нѣкоторую «часть больныхъ «Русскихъ; оста- «лось еще четыре «тысячи сихъ не-

«сожжена непріятелемъ, «и не могла считать ме- «ня заодно съ Мара- «томъ, не вѣдая даже «существовала ли эта «великая особа револю- «ціи. Мнѣ не нужны «были утѣшенія; я стра- «далъ о потеряхъ мо- «ихъ соотечественни- «ковъ, не думая нимало «о своихъ собственныхъ, «и только въ главной «квартирѣ встрѣтилъ «Г-на Вильсона.

«Никакого не стоило «труда вытаскивать изъ «Гошпиталей раненыхъ «и больныхъ: они оста- «вались умереть съ го- «лода; ибо раненые и «больные Наполеоновой «арміи сами голодали. «Я нашелъ изъ нихъ ты-

«счастныхъ. Число «погибшихъ во вре- «мя пожара чрезвы- «чайно значительно.

«сячу триста шестьде- «сятъ живыхъ, собран- «ныхъ въ Шереметев- «ской больницѣ и ослаб- «шихъ отъ недостатка «въ пищѣ; большаго сто- «ило труда спасти и вы- «лѣчить изъ нихъ по- «ловину.

26-й Бюллетень,

23 Октября.

«Жители, состоя- «щіе изъ двухъ сотъ «тысячь душъ, блу- «ждая по лѣсамъ, «умирая съ голода, «приходятъ на раз- «валины искать ка- «кихъ нибудь остат- «ковъ и садовыхъ «овощей для своего «пропитанія.

«Такъ какъ нечего бы- «ло ѣсть, то солдаты На- «полеоновой арміи ша- «тались по деревнямъ «для снисканія, чѣмъ «утолить свой голодъ. И «такъ надлежало, чтобъ «эти двѣсти тысячь Рус- «скихъ людей могли су- «ществовать болѣе мѣ- «сяца безъ всякой пи- «щи.

«Императоръ при-
«казалъ сдѣлать под-
«копы подъ Кремль.
«Герцогъ Тревизскій
«велѣлъ оный взор-
«вать 23 числа въ
«два часа утра. Все
«было разрушено:
«древняя крѣпость,
«первый Дворецъ
«Царей были....»

«Одна колокольня,
«два мѣста въ стѣнахъ,
«двѣ башни и четвертая
«часть Арсенала были
«взорваны. Царской Дво-
«рецъ остался невре-
«димъ, даже огонь не
«могъ въ него проник-
«нуть. Починки стоили
«всего навсе 500,000 ты-
«сячь рублей. Кремль
«существуетъ съ древ-
«ними своими воспоми-
«наніями, и еще съ но-
«вымъ, которое Напо-
«леонъ оставилъ, ока-
«зывая гнѣвъ свой надъ
«кирпичами при проща-
«ніи съ Москвою.»

Наполеонъ былъ ослѣпленъ предшествующими своими успѣхами; онъ думалъ, что Россія будетъ покорена вся, какъ лишь только сдѣлается онъ обладателемъ Столицы,

и что ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ предложитъ ему миръ.

Но, со всѣмъ геніемъ, которой имѣлъ до 1812 года, онъ сугубо обманулся, и увидѣлъ всѣ свои предпріятія уничтоженными. Онъ не зналъ твердости Русскаго ИМПЕРАТОРА и не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о Русскомъ человѣкѣ, который показалъ себя въ сію эпоху во всемъ своемъ блескѣ. Надлежало быть великой опасности, чтобъ сей послѣдній разкрылъ великій свой характеръ. Неразумѣніе нашего языка причиною тому, что иностранцы знаютъ изъ всего Русскаго народа одну только его одежду и его видъ. Борода была въ презрѣніи, и считали за дикихъ носившихъ оную; но народъ Русскій доказалъ, что онъ выше многихъ другихъ народовъ, будучи непричастенъ страха и неспособенъ къ измѣнѣ; онъ имѣетъ въ моральной своей енергіи и въ физической силѣ увѣренность въ успѣхѣ. Онъ совсѣмъ не знаетъ ни препятствій, ни опасности; онъ говоритъ: *все возможно; для чегожъ не такъ? дважды не умираютъ,* и съ сими словами онъ предпринимаетъ все, падаетъ, или успѣваетъ.

Часто онъ дѣлается героемъ, совсѣмъ не думая о томъ, и нимало не тщеславясь своими дѣлами.

Когда расточаютъ ему похвалы, то онъ отвѣчаетъ вамъ: *Богъ мнѣ помогъ. Это не диво; я такой же человѣкъ, какъ и всякой другой.*

Въ 1812 году ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ сказалъ: *умереть сражаясь?* Русскіе отвѣчали ему: *мы готовы.*. Нѣтъ никакой нужды возбуждать ихъ обѣщаніями и наградами, только стоитъ сказать *пойдемъ*, — и они вамъ послѣдуютъ. Жители Москвы были раздражены первые, узнавши еще до взятія Смоленска, что ничего не было пощажено непріятелемъ, что домы были разграблены, женщины поруганы, храмы Божіи обращены въ конюшни. Они поклялись отмщеніемъ на гробахъ отцевъ своихъ, и истребили все, что могли. Болѣе десяти тысячь вооруженныхъ солдатъ побито крестьянами въ окрестностяхъ Москвы; сколько еще мародёровъ и людей безоружныхъ пало подъ ихъ ударами! Они зажигали свои домы для погубленія солдатъ, запершихся въ оныхъ.

По возвращеніи моемъ въ Москву я видѣлъ многихъ крестьянъ, даже изъ за полтораста миль прибывшихъ, на хорошихъ лошадяхъ, вооруженныхъ каждаго саблею и копьемъ, и которые вмѣстѣ съ крестьянами Московской Губерніи сражались противъ непріятеля. Вмѣсто всякаго отвѣта на вопросъ мой, они отвѣчали: *наши были въ бѣдѣ.* Всѣмъ извѣстна исторія Смоленскаго крестьянина, замѣченнаго на рукѣ, чтобы быть узнаннымъ, который отрубилъ ее однимъ ударомъ топора. Одна старая женщина изъ подмосковной деревни привела ко мнѣ двухъ своихъ внуковъ для отправленія ихъ въ армію, и положа имъ руки на голову, съ глазами, возведенными къ небу, произнесла сіи слова: *Ступайте, друзья мои! возвратитесь ко мнѣ тогда только, когда не будетъ непріятеля на землѣ Русской; въ противномъ случаѣ, проклятіе мое васъ ожидаетъ.*

Одинъ солдатъ, изувѣченный въ Италіянскую войну и возвратившійся въ свою деревню, приказывалъ привязывать себя къ сѣдлу своей лошади, чтобъ предводительствовать крестьянами въ сраженіяхъ. Одинъ

молодой крестьянинъ, взятый своимъ Господиномъ въ Москву, потерялъ аппетитъ и сонъ по взятіи Смоленска; онъ просилъ позволенія сражаться съ непріятелемъ. Я отослалъ его въ армію, и онъ погибъ въ сраженіи при Бородинѣ. Храбрость Русскаго солдата слишкомъ уже извѣстна, чтобъ прибѣгать къ похваламъ: его ненадобно возбуждать повышеніями или пенсіонами; онъ повинуется и сражается, нимало не заботясь, представляютъ ли его въ сраженіяхъ бюллетени, біографіи, литографіи и куплеты на подобіе грома, лавины или головы Медузы разящимъ, повергающимъ, разметающимъ и въ камень претворяющимъ при своемъ появленіи.

Наконецъ, въ сей краткой, но жестокой борьбѣ Россіи противъ цѣлой матерой земли Европы, имѣющей Наполеона своимъ предводителемъ, всѣ Русскіе наперерывъ одинъ передъ другимъ старались оказать свою преданность и вѣрность. Московское Дворянство предложило ИМПЕРАТОРУ отъ девяти десятаго человѣка съ провіантомъ на три мѣсяца, что составило тридцать двѣ тысячи

человѣкъ, Губерніи Тульская, Калужская, Владимірская и Рязанская каждая по пятнадцати тысячь человѣкъ, а Тверская и Ярославская по двѣнадцати тысячь, всего сто шестнадцать тысячь. Я тотъ самый, которому препоручено было ИМПЕРАТОРОМЪ устроить этѣ арміи, и шесть недѣль спустя послѣ Указа, онѣ уже находились каждая на границѣ своей Губерніи. Видѣли единородныхъ дѣтей Генерала Апраксина, Графа Строгонова и моего, изъ которыхъ старшему едва было семнадцать лѣтъ, находящихся на службѣ въ продолженіе сей войны. Сынъ Графа Строгонова, молодой человѣкъ, подававшій о себѣ великую надежду, былъ убитъ пушечнымъ ядромъ въ Краонскомъ дѣлѣ. Владѣльцы, потерявшіе наиболѣе при вторженіи непріятеля въ Москву, даже не представили отъ себя свѣдѣнія въ Коммиссію вспоможенія; и нимало не подвержено сомнѣнію, что оба Графа Разумовскіе, Генералъ Апраксинъ, Графъ Бутурлинъ и я, мы потеряли, какъ въ городскихъ и сельскихъ домахъ, такъ и въ движимости, болѣе нежели на пять милліоновъ рублей. Изъ библіотеки Графа Бутурлина, которую цѣнили въ милліонъ рублей, не осталось ни одного тома.

Воспоминаніе о сихъ потеряхъ перейдетъ по наслѣдству къ дѣтямъ.

Таковъ былъ 1812 годъ! Хотя Россія сдѣлала большія потери въ людяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣла увѣренность, что никогда не можетъ быть покорена, и скорѣе будетъ гробомъ для враговъ, чѣмъ послужитъ завоеваніемъ. Ея обитатели, слишкомъ мало образованные для эгоистовъ, будутъ умѣть защищать свое Отечество, нимало не тщеславясь своею храбростію. Наполеонъ, въ семъ походѣ, успѣхъ котораго сдѣлалъ бы его обладателемъ всей Европы, пожертвовалъ отборными воинами союзныхъ армій и храбрыми Французами, сражавшимися въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ для честолюбія того, котораго вознесли они даже на тронъ. Триста тысячь пало въ сраженіяхъ, отъ переходовъ и болѣзней, и сто тысячь погибло отъ голода, стужи и недостатка.

Я сказалъ правду, и одну только правду.

Графъ Ѳедоръ Ростопчинъ.

Парижъ, 5 Марта 1823.

LA VÉRITÉ

SUR

L'INCENDIE DE MOSCOU;

PAR LE COMTE RTOSOPCHINE.

Dix ans se sont écoulés depuis l'incendie de Moscou, et je suis toujours désigné à l'histoire et á la postérité comme l'auteur d'un événement qui, d'après l'opinion reçue, avait été la principale cause de la destruction de l'armée de Napoléon, de sa chute, du salut de la Russie et de la délivrance de l'Europe. Certes il y avait de quoi s'enorgueillir d'aussi beaux titres; mais n'ayant jamais usurpé les droits de personne, et ennuyé d'entendre débiter la même fable, je vais faire parler la vérité, qui seule doit dicter l'histoire.

Lorsque l'incendie détruisit en trois jours les six-huitièmes des maisons de Moscou, Napoléon sentit toute l'importance de cet événement, et prévit l'effet qu'il produirait sur la nation russe, autorisée à lui attribuer ce désastre à cause de sa

présence et de celle de cent trente mille soldats à ses ordres. Il crut trouver un moyen sûr de détourner de sa personne tout l'odieux de cet acte aux yeux des Russes et de l'Europe, et de le faire retomber sur le chef du gouvernement russe à Moscou. Alors les bulletins de Napoléon me proclamèrent aussitôt incendiaire. Les journaux, les pamphlets de ce temps répétèrent à l'envi cette accusation, et autorisèrent tous ceux qui écrivirent depuis sur la campagne de 1812, de présenter comme authentique un fait entièrement faux.

Je vais récapituler les principales preuves qui ont fondé l'opinion que l'incendie de Moscou était mon ouvrage. J'y répondrai par des faits connus de tous les Russes. On aurait tort de ne pas y ajouter foi, puisque je renonce au plus beau rôle de l'époque, et que je fais crouler moi-même l'édifice de ma célébrité.

1°. *Napoléon, dans ses bulletins, 19, 20, 21, 22, 23 et 24, dit affirmativement que l'incendie de Moscou avait été conçu et préparé par le gouverneur Rostopchine.*

Pour concevoir et exécuter un projet aussi horrible que celui d'incendier la capitale de l'empire, il fallait un motif encore plus puissant que

la certitude des maux qui en résulteraient pour l'ennemi. Quoique les six - huitièmes de la ville aient été consumés par le feu, il restait encore assez de bâtimens pour loger toute l'armée de Napoléon. Il était hors de toute probabilité que l'incendie se communiquerait à tous les quartiers; et, tant qu'il n'y aurait pas eu de vent violent, le feu se serait arrêté faute d'alimens, à cause des jardins, des espaces et des boulevarts. Ainsi, la destruction des provisions de bouche, amassées dans les maisons que la flamme aurait dévorées, eût été le seul mal réel fait à l'ennemi, et le triste fruit d'une mesure aussi atroce qu'insensée.

Mais les provisions restées dans les maisons se bornaient à peu de chose, car Moscou s'approvisionne par le traînage et la navigation du printemps jusqu'au mois de septembre, et après par les bateaux jusqu'à l'hiver; mais la guerre ayant commencé au mois de juin, et l'ennemi étant déjà maître de Smolensk, au commencement d'août tout transport s'arrêta, et on ne s'occupa plus à faire venir des provisions dans une ville sans défense et menacée d'invasion. Plus tard la plus grande partie de la farine qui se trouvait dans les magasins du gouvernement, et dans ceux des marchands de blé, fut convertie en pain et en biscuit, et pendant les treize jours qui précédè-

rent l'entrée de Napoléon à Moscou, six cents chariots, chargés de biscuit, de gruau, et d'avoine, partaient chaque matin pour l'armée. Ainsi le motif même de priver l'ennemi de vivres ne pouvait pas exister. Une considération plus importante encore aurait arrêté l'exécution du projet de l'incendie (si toutefois il eût été décidé); c'est de porter Napoléon à forcer le prince Koutousow à une bataille à sa sortie de Moscou, bataille dont les chances étaient en faveur de l'armée française, qui avait plus du double de, combattans que l'armée russe, embarrassée de blessés, et d'une partie de la population de Moscou, qu'elle venait de quitter.

2°. *Les matières combustibles préparées par un Schmidt, chargé de confectionner un ballon.*

L'incendie n'ayant jamais été organisé ni préparé, les matiéres combustibles de Schmidt rentrent dans le néant. Cet homme, qui prétendait avoir trouvé le moyen de diriger les ballons, s'occupait à en construire un, et par esprit de charlatanerie il exigeait le secret sur son travail. On a donné trop d'importance à l'histoire de ce ballon pour jeter du ridicule sur les Russes; mais les Jocrisses sont rares parmi eux, et on n'aurait jamais persuadé à un habitant de Moscou que ce Schmidt détruirait l'armée française avec un bal-

'on, pareil à celui dont les Français se sont servis à la bataille de Fleurus. Et qu'avait-on besoin d'établir une fabrique de matières combustibles? La paille et le foin auraient été plus à portée des incendiaires que les feux d'artifice qui exigent des précautions, et qui sont aussi difficiles à cacher qu'à manier pour des gens qui n'en ont pas l'habitude.

3°. *Les pétards trouvés dans les poêles de mon hôtel, à Moscou.*

Pourquoi aurais-je fait placer des pétards dans mon hôtel? En voulant chauffer les poêles, on les aurait découverts, et même en cas d'explosion il y aurait eu quelques victimes et pas d'incendie.

Un médecin français, qui avait été logé dans mon hôtel, m'a dit que l'on avait trouvé dans un poêle quelques cartouches de fusil: si au bout de quelque temps elles sont devenues des pétards, il n'y a pas de raison pour que l'on ne dise après que c'étaient des globes de compression. Quant à moi, je laisse l'invention des pétards au bulletin, ou si réellement on a trouvé quelques cartouches dans les poêles de ma maison, elles ont pu être placées après mon départ, peut-être pour fournir une petite preuve de plus que j'avais le projet d'incendier Moscou; demême que les fusées que l'on prétend avoir trouvées sur les incendiaires, pou-

vaient être prises des établissemens particuliers, où on faisait des feux d'artifice pour les fêtes qui se donnaient à Moscou et dans la campagne.

4°. *Les aveux des incendiaires, pris, jugés et fusillés.*

Voici une preuve qu'on a présentée comme certaine et convaincante, car elle est revêtue d'un jugement, des aveux des condamnés et de l'exécution des incendiaires. Napoléon annonce, dans son vingtième bulletin, qu'on a pris, jugé et fusillé des chauffeurs; que tous ces malheureux avaient été pris sur le fait, munis de matières combustibles et mettant le feu par mon ordre.

Le vingtième bulletin annonce que c'étaient trois cents malfaiteurs qui avaient mis le feu en cinq cents endroits à la fois. Ce qui est matériellement impossible. Peut-on d'ailleurs supposer que j'eusse donné la liberté aux malfaiteurs, détenus dans les prisons, à condition d'incendier la ville, et que ces gens eussent exécuté mes ordres pendant mon absence, devant toute une armée ennemie? Mais je vais convaincre tous ceux qui se rendent à l'évidence, qu'il n'y a jamais eu de malfaiteurs employés.

A mesure que dans sa marche l'armée de Napoléon s'approchait d'une ville de gouvernement,

les gouverneurs civils vidaient les prisons et expédiaient les malfaiteurs pour Moscou, sous l'escorte de quelques soldats. Il arriva de là qu'à la fin du mois d'août, les prisons de Moscou renfermaient les prisonniers des gouvernemens de Witepsk, de Mohilow, de Minsk et de Smolensk. Leur nombre, compris ceux du gouvernement de Moscou, montait à huit cent dix individus, qui, sous l'escorte d'un bataillon pris dans un régiment de garnison, furent envoyés à Nigenï-Novgorod, deux jours avant l'entrée de l'ennemi à Moscou. Ils arrivèrent au lieu de leur destination; et, au commencement de l'année 1813, le sénat, pour éviter l'inconvénient de renvoyer tous ces accusés dans leurs gouvernemens respectifs, donna ordre aux tribunaux civils de Nigenï-Novgorod, de faire et de finir leurs procès.

Mais le procès fait aux incendiaires, qui fut imprimé (et dont j'ai encore un exemplaire), annonce qu'on avait fait comparaître trente individus, dont chacun est nommé, entre lesquels treize, étant convenus avoir mis le feu à la ville par mon ordre, furent condamnés à mort. Cependant, selon les vingtième et vingt-unième bulletins, on en a fusillé d'abord cent, et après encore trois cents. A mon retour de Moscou, j'ai trouvé et parlé avec trois des malheureux du nombre des trente désig-

nés dans le procès: l'un était domestique d'un prince Sibirsky, et qui avait été laissé dans sa maison; l'autre, un vieux balayeur du Kreml; le troisième, un garde-magasin.

Tous les trois, questionnés séparément, m'ont dit la même chose en 1812 et deux ans après, c'est-à-dire qu'ils furent arrêtés les premiers jours de septembre (vieux style), l'un pendant la nuit dans la rue, les deux autres au Kreml, en plein jour. Ils restèrent quelque temps au corps-de-garde, dans le Kreml même; ensuite un matin on les conduisit avec dix autres Russes aux casernes du quartier qui se nomme le Champ-des-Demoiselles. On leur adjoignit dix-sept autres individus; et, ils furent amenés sous une forte escorte, devant le couvent de Pétrovsky, qui est sur le boulevard. Là ils attendirent à peu près une heure, après quoi beaucoup d'officiers arrivèrent à cheval, et mirent pied à terre. On rangea les trente Russes sur une ligne, et après en avoir compté treize par la droite, on les plaça contre le mur du couvent, et on les fusilla. Leurs corps furent attachés aux réverbères, avec un écriteau qui annonçait, en russe et en français, que c'étaient des incendiaires. Les autres dix-sept s'en allèrent, et ils ne furent point inquiétés depuis.

Le récit de ces gens (s'il est vrai) ferait croire

que personne ne les a interrogés, et que les treize ont été fusillés par ordre suprême.

5°. *Les aveux d'un homme se disant soldat de la police, trouvé dans les caves du Kreml, est mis en pièces par les soldats de la garde de Napoléon.*

Ce malheureux soldat de la police, ou qui prétendait l'être, trouvé dans une cave, avait pu dire qu'il était resté par ordre de son chef; cependant, quel était ce chef, était-ce moi? Un maître de police? un officier? un sergent? De quelle commission était-il chargé? Mais pour celui-là on ne lui fit pas l'honneur de s'en occuper. Il fut massacré par les soldats de la garde.

6°. *Les pompes enlevées.*

J'ai fait partir deux mille cent pompiers et quatre-vingt-seize pompes (car il y en avait trois pour chaque quartier) la veille de l'entrée de l'ennemi à Moscou. Il y avait un corps d'officiers attaché au service des pompes, et je n'ai pas jugé convenable de le laisser au service de Napoléon, ayant retiré de la ville toutes les autorités civiles et militaires.

Cependant il est tout naturel que l'on veuille savoir au juste qui a mis le feu, et produit l'incendie de Moscou? Or, voici les détails que je peux donner sur cet événement, que Napoléon rejetet

sur moi, que les Russes rejettent sur Napoléon, et que je ne puis attribuer ni aux Russes, ni aux ennemis exclusivement. La moitié de la population russe restée à Moscou était composée de gens sans aveu, et il se peut très-bien qu'ils s'occupèrent à propager les incendies pour mieux piller dans le désordre. Mais cela ne serait pas encore une preuve convaincante qu'il y avait un plan arrêté de brûler la ville, et que ce plan et son exécution fussent mon ouvrage.

Le trait principal du caractère russe est le désintéressement, et la tendance à détruire plutôt que de céder, en terminant le débat par ces mots: *Cela ne sera donc pour personne*. Dans les conversations fréquentes que j'ai eues avec les marchands, les artisans et les gens du peuple, je leur entendais dire souvent, lorsqu'ils exprimaient avec douleur leur crainte que Moscou ne tombât entre les mains de l'ennemi: *Il vaut mieux la brûler*. Pendant mon séjour au quartier général du prince Koutouzow, j'ai vu plusieurs personnes échappées de Moscou après l'incendie, se vanter d'avoir mis le feu à leurs maisons. Voici les détails que j'ai recueillis à mon retour; je les présente ici tels qu'ils me sont parvenus. Je n'en ai pas été témoin ocuaire; car j'étais absent.

Il y a dans la ville de Moscou une rue entière

occupée par des charrons et des magasins de voitures. Lorsque l'armée de Napoléon arriva, plusieurs généraux et officiers se rendirent dans ce quartier, et, après en avoir visité les établissemens, ils choisirent les voitures et écrivirent leurs noms sur les panneaux. Les propriétaires, d'un commun accord, ne voulant pas fournir de voitures à l'ennemi, mirent la nuit le feu aux magasins.

Un marchand, émigré avec sa famille à Jaroslave, laissa son neveu pour avoir soin de sa maison. Celui-ci, après le retour de la police à Moscou, vint lui déclarer qu'il y avait dix-sept corps étouffés dans la cave de son oncle; et voici comment il rendit compte de cet événement. Le lendemain de l'entrée de l'ennemi dans la ville, quatre soldats se présentèrent chez lui, examinèrent la maison, où, n'ayant rien trouvé à emporter, ils descendirent dans la cave, qui occupait le rez-de-chaussée, y trouvèrent une centaine de bouteilles de vin; et, après avoir fait entendre par signe au neveu du marchand d'en avoir soin, ils revinrent dans la soirée, accompagnés de treize autres soldats, firent allumer des chandelles, descendirent dans la cave, s'y mirent à boire, à chanter et ensuite à ronfler. Le jeune marchand russe, les voyant plongés dans le sommeil de l'ivresse, conçut

l'idée de les faire mourir. Il ferma la cave, l'encombra de pierres et s'enfuit dans la rue: au bout de quelques heures ayant fait réflexion que ces dix-sept hommes pouvaient s'échapper, le rencontrer et le faire périr, il se décida à mettre le feu à la maison, ce qu'il exécuta en allumant de la paille.

Il est probable que ces dix-sept malheureux furent étouffés par la fumée. Deux hommes, l'un portier de M. Mauravièvc, et l'autre marchand propriétaire, furent pris sur le fait en mettant le feu à leur maison, et fusillés.

D'un autre côté, Moscou ayant été le but et le terme de l'expédition de Napoléon en Russie, le pillage de cette ville avait été promis à l'armée. Après Smolensk , le soldat manquait de vivres et se nourrissait quelquefois de grains de seigle et de la chair de chevaux. Il est naturel que ces troupes, arrivant dans une ville immense abandonnée par les habitans, se répandissent dans les maisons pour y trouver à manger et à piller. Déjà la première nuit de l'occupation de Moscou, le grand corps de boutiques en face du Kreml, avait été en feu, ensuite et presque sans interruption, il y a eu des incendies dans plusieurs quartiers de la ville; mais le cinquième jour un vent violent porta la flamme partout, et en trois jours le feu dévo-

ra sept mille six cent trente-deux maisons. On ne pouvait s'attendre à beaucoup de précautions de la part des soldats qui, en visitant de nuit les maisons, s'élairaient avec des bouts de chandelles, des torches et des fagots. Plusieurs même entretenaient au milieu des cours des bûchers allumés pour se chauffer. L'ordre du jour qui autorisait chaque régiment bivouaqué près de la ville à envoyer un nombre désigné de soldats pour piller les maisons *déjà brûlées,* était pour ainsi dire une invitation ou une permission d'en augmenter le nombre. Mais ce qui confirme le plus les Russes dans l'idée que Moscou a été incendié par les ennemis, c'est l'explosion bien inutile du Kreml.

Voilà ce que j'ai à dire sur le grand événement de l'incendie de Moscou, qui a paru d'autant plus sublime qu'il était sans exemple dans l'histoire.

Napoléon quitta pour trois jours le Kreml, et revint attendre la paix au milieu des cendres fumantes; mais son destin s'accomplissait, et le doigt de la Providence désigna Moscou pour être le commencement de sa chute, comme Sainte-Hélène la fin de sa carrière.

Maintenant je vais faire quelques observations sur un ouvrage nouvellement publié par M. M***, sous le titre de-l'Expédition de Russie. J'y ai trouvé

beaucoup de vérité et d'impartialité, à l'exception de la partie historique de l'occupation de Moscou. Je ne dirai plus rien sur l'incendie, mais je relèverai quelques fautes de M. M*** sur plusieurs faits qu'il avance, en répétant les assertions de plusieurs écrivains qui se soucient peu d'être exacts. Ceci ne regarde pas les opérations militaires dont l'auteur a été témoin, et qu'il décrit en officier expérimenté. Sa critique est sage; il n'a pas métamorphosé l'histoire en roman, et ne ressemble en rien aux auteurs qui se plaisent à dire des sottises non-seulement en parlant des individus, mais des nations entières, comme l'auteur des fastes de la France qui appelle la nation russe, *le bétail à face humaine*; le Miroir, qui annonce que le Russe *brave la mort dans les combats par la crainte du knout;* les gazettes qui se plaisent à qualifier les armées russes de sauvages, de cosaques, et autres recueils de plates calomnies et de tissus de mensonges, comme les livres: *de la Russie et de l'Esclavage; du Désastre de Moscou,* etc. Pour ce qui me regarde personnellement, je ne finirais pas si je voulais rapporter toutes les platitudes qu'on a débitées sur mon compte: je suis tantôt d'une origine inconnue, tantôt d'une extraction commune, employé à de viles fonctions à la cour, bouffon de l'empereur Paul; destiné à l'état ecclésiastique, élève de

l'archevêque Platon, ayant fait mes études dans toutes les villes de l'Europe, gras et maigre, grand et petit, aimable et brutal. Nullement offensé des sottises que m'ont prodigué si libéralement les chiffonniers de l'histoire, je vais exposer ici mon état de service. Je fus officier des gardes, et gentilhomme de la chambre sous le règne de l'impératrice Catherine II; aide-de-camp général, ministre des affaires étrangères, et directeur général des postes sous le règne de l'empereur Paul I-er, grand chambellan et général commandant en chef de la ville et du gouvernement de Moscou sous l'empereur actuel. Quant à mon origine, au risque de mettre en colère tous ceux qui opinent sous le bonnet rouge, je leur dirai que le chef de notre famille, qui vint s'établir en Russie il y a plus de trois siècles, descendait en ligne directe d'un des fils de Gengis-Kan.

Dans l'ouvrage sur lequel je fais des observations, M. M*** me doue d'un caractère violent; le premier qui l'a dit à tout hasard (car d'autres l'ont repété ensuite), serait embarrassé de fournir les preuves de ce qu'il a avancé. Avant que de prononcer sur les actions et la conduite d'un homme en place, on doit, si on ne veut pas commettre d'injustice, faire attention au temps, aux lieux, aux circonstances, et se mettre bien au fait des

motifs qui font agir. Otez de mon administration de l'année 1812 la torche incendiaire dont Napoléon dans son intérêt arma ma main, on trouvera un plan dont je ne me suis pas écarté, et que j'ai exécuté avec calme et patience. Un autre à ma place aurait peut-être mis moins d'activité; mais il y avait trois motifs qui réchauffaient sans cesse mon zèle à cette époque désastreuse. C'était la gloire de mon pays, l'importance du poste qui m'était confié par mon souverain, et la reconnaissance pour les bienfaits de l'empereur Paul I-er. On était si occupé que l'on n'avait pas le temps de tomber malade, et je ne comprends pas comment j'ai pu résister à tant de fatigue. Depuis la prise de Smolensk jusqu'à ma sortie de Moscou, pendant vingt-trois jours, je n'ai pas dormi dans mon lit. Je me couchais tout habillé sur un canapé, continuellement réveillé pour lire les dépêches qui m'arrivaient de tous les côtés, pour causer avec les courriers et les expédier souvent sur-le-champ. J'ai acquis la certitude qu'il y a toujours moyen d'être utile à sa patrie lorsqu'on entend sa voix qui crie: Sacrifietoi pour mon salut. Alors on méprise les dangers, on brave les obstacles, et on ferme les yeux sur l'avenir; mais, dès l'instant que l'on s'occupe de soi-même, et que

l'on commence à calculer, on ne fait rien qui vaille, et on rentre dans la classe vulgaire.

J'avais deux objets importans en vue, dont je faisais dépendre la destruction de l'armée française: c'était de maintenir la tranquillité à Moscou, et d'en faire partir les habitans. Je réussis au delà de mes espérances. Le calme se maintint jusqu'au moment de l'entrée de l'ennemi, et sur deux cent quarante mille habitans il ne resta que douze à quinze mille hommes qui étaient ou des bourgeois, ou des étrangers, ou des gens de la lie du peuple, mais personne de marque, soit de la noblesse, du clergé ou des marchands. Le sénat, les tribunaux, tous les employés avaient quitté la ville quelques jours avant l'occupation de l'ennemi. J'ai voulu ôter à Napoléon toute possibilité de former des relations, de communiquer de Moscou avec l'intérieur de l'empire, et de mettre en usage l'influence que le Français s'est acquis en Europe, par sa littérature, ses modes, sa cuisine et sa langue. Par ces moyens on aurait produit un rapprochement avec les Russes, on aurait obtenu de la eonfiance, et ensuite on aurait exigé des services; mais, au milieu des gens que l'on trouva à Moscou, la séduction fut sans effet comme au milieu de sourds et de muets.

La tranquillité troublée à Moscou pouvait pro-

duire de mauvaises impressions sur l'esprit des Russes, qui avaient tous les yeux fixés sur elle, et l'avaient prise pour guide et pour modèle. C'est de là que s'est répandu ce patriotisme ardent, ce besoin de sacrifices; cette ardeur guerrière et ce désir de vengeance contre l'ennemi qui avait l'audace de pénétrer si loin. A mesure que la nouvelle de l'occupation de Moscou parvenait dans les provinces, le peuple entrait en fureur, et certes un tel événement devait paraître bien extraordinaire à une nation dont le sol n'avait pas été touché par l'ennemi depuis près d'un siècle, à compter de l'irruption de Charles XII, roi de Suède. Napoléon eut le même sort. Tous deux perdirent leur armée, tous deux furent fugitifs, l'un chez les Turcs, l'autre chez les Français.

Le petit écrit que j'ai publié en 1807 était destiné à prémunir les habitans des villes contre les Français habitant en Russie, qui essayaient de familiariser les esprits avec l'idée de succomber sous les armées de Napoléon. Je n'en disais pas de bien; mais nous étions en guerre et il était permis aux Russes de ne pas les aimer à cette époque. Mais la guerre finie, le Russe n'a gardé aucune rancune et revenait à la sympathie qui existe toujours entre deux braves nations. Il n'a pas conservé cette malveillance que les Français

manifestent jusqu'à présent contre les étrangers, et ne leur pardonnent pas les deux occupations de Paris ainsi qu'un séjour de trois années en France. D'ailleurs je le demande, quel est le pays où trois mille six cent trente Français établis dans une capitale, qui allait être envahie par leurs compatriotes, auraient pu vivre, non-seulement tranquilles, mais s'occuper de leur commerce et exercer leurs métiers? Personne n'a été insulté, et les cabarets, dans le prétendu désordre au jour de l'entrée de Napoléon à Moscou, ne peuvent avoir été pillés, parce que, d'après mon ordre, il ne s'y trouvait pas une goutte de vin.

Le directeur des postes de Moscou n'a jamais été envoyé en Sibérie, mais éloigné à Voronége pour d'autres motifs que celui d'une gazette allemande.

Les proclamations que je publiais n'avaient d'autre but que de calmer l'inquiétude; mais on savait tout ce qui se passait: les nouvelles de l'armée se succédaient avec une grande rapidité de Smolensk à Moscou. Le fond de mes bulletins était tiré des communications que je recevais d'abord du général Barklay, et ensuite du prince Koutouzow. Quant aux expressions, elles ne pouvaient être plus offensantes pour l'ennemi que les proclamations françaises de l'année 1814, où on

disait que les Russes aimaient la chair des petits enfans.

Il n'a jamais existé de haine entre le prince Koutouzow et moi, et d'ailleurs ce n'eut pas été le temps de l'exercer. Nous n'avions aucun intérêt à nous tromper, et nous ne pouvions pas traiter ensemble de l'incendie de Moscou, car personne n'y songeait. Il est vrai que, dans l'entrevue que j'ai eue avec lui aux barrières, il m'assura qu'il avait le dessein de livrer une bataille, et le soir, après un conseil de guerre tenu à la hâte, il m'adressa une lettre par laquelle il m'annonçait qu'en conséquence des mouvemens de l'ennemi, il se voyait forcé, à regret, d'abandonner Moscou, et qu'il allait se poster sur le grand chemin de Rézane. D'après ce que je viens de dire, M. M.... est tombé en contradiction ; car, en établissant une inimitié entre le prince Koutouzow et moi, il détruit toute possibilité d'une confiance réciproque. Si on devenait ennemi de tous ceux que l'on blâme, l'ouvrage de M. M.... lui en procurerait une bonne quantité.

Jusqu'à la guerre de 1806, je n'avais pas plus de haine pour Napoléon que le dernier des Russes : j'ai évité d'en parler tant que j'ai pu ; car je trouve que l'on a écrit sur son compte trop et trop tôt. Les peuples de l'Europe se rappelle-

ront long-temps les maux qu'il leur a fait éprouver par la guerre, et dans la classe èclairée deux générations existantes se partageront entre l'enthousiasme pour le conquérant, et la haine pour l'envahisseur; je ferais même ici franchement ma profession de foi à son égard: Napoléon a été à mes yeux un grand général aprés ses campagnes d'Italie et d'Egypte; bienfaiteur de la France quand il enchaîna la révolution durant le consulat; despote dangereux pour l'Europe dès qu-il se fut fait empereur; conquérant insatiable jusqu'en 1812; homme enivré de gloire et aveuglé par la fortune des qu'il entreprit la conquête de la Russie; genie abattu à Fontainebleau et après Waterloo; et à Sainte-Hélène, prophète Jérémie. Enfin je pense qu'il mourut de chagrin d'avoir cessé de troubler le monde, et de se voir relégué sur un rocher pour y être dévoré par le souvenir du passé et les tourmens du présent, sans pouvoir accuser personne que lui-même, ayant été lui seul l'auteur de son élévation et de sa chute. J'ai regretté bien souvent que le général Tamara, chargé en 1789, pendant la guerre avec les Turcs, d'organiser une flottille dans la Méditerranée, n'ait pas accepté la proposition de Napoléon de passer au service de la Russie; mais le grade de major, auquel il prétendait comme

lieutenant colonel de la garde nationale corse, lui valut un refus. J'ai eu cette lettre plusieurs fois entre les mains.

Quant aux révolutionnaires français et à leurs élèves dans d'autres pays, j'ai abhorré leur dessein dès qu'il devint évident par la réussite Tout ce qui s'est passé en Europe depuis trente ans a servi à me confirmer dans mon opinion sur le compte de ceux dont les projets tendent à bouleverser des gouvernemens. N'importe sous quelle dénomination ces gens se cachent ou sont connus; l'égoïsme les guide, l'intérêt les aveugle

Malheureusement dans ce siècle, où tant d'événemens ont accoutumé deux générations à se soustraire aux principes qui imposent le recpect dû à l'autel et au trône, une poignée de factieux ou d'ambitieux parvient aisément à séduire une portion du peuple, en lui parlant, selon les circonstances, de bonheur, de richesse, de liberté, de gloire, de conquête et de vengeance. On le soulève, on le fait marcher et on le précipite dans un abîme de maux. On est arrivé au point d'envisager les révolutions comme un besoin de l'esprit du siècle; et, pour grossir l'avalanche de la révolte, on fait briller en perspestive les avantages d'une constitution, sans s'embarvasser si elle convient au pays, aux habitans et aux voisins;

voilà la maladie du siècle. C'est une fièvre plus dangereuse que toutes les fièvres et que la peste; car elle est non-seulement épidémique et contagieuse, mais elle se gagne par la lecture et la conversation. Ses symptômes sont bien prononcés; elle commence par un flux de grands mots qui semblent sortir de la bouche d'un législateur, d'un ami de l'humanité, d'un prophète ou d'un chef puissant. Ensuite vient un déluge d'insultes contre toute autorité, une soif du pouvoir, un appétit désordonné de richesses, une transpiration de projets, enfin le transport au cerveau, pendant lequel le malade veut grimper le plus haut possible en bouleversant tout ce qu'il rencontre.

Malgré tous les efforts des agitateurs, les peuples égarés pour quelque temps finiront toujours par être ramenés à l'ancien ordre de choses, soit par la réflexion, soit par la lassitude, soit par les excès mêmes; car on reconnaît bientôt que tout le monde ne peut être riche, et qu'il n'y a pas assez de place sur le trône, pour des milliers de sujets qui veulent se métamorphoser en souverains pour régner sur une nation qui ne s'en soucie pas. Il est déjà prouvé par l'histoire que tout peuple qui se révolte contre son souverain empire sa condition, et paie cher son égarement, puisque si dans la lutte le maître légitime

triomphe des factieux, il ne sera pas disposé à leur accorder ce qu'ils désirent; et dans le cas contraire, si le souverain légitime succombe dans la défense de ses droits contre des sujets révoltés, alors ceux-là passeront tout de suite sous un despotisme militaire, car au défaut d'un Napolèon il se trouvera partout plus d'un Iturbide.

La députation de la ville de Moscou, dont parle M. M...., avait été composée d'une douzaine de gens du peuple, très-mal vêtus. Celui qui représentait, dans cette occasion solennelle, la noblesse, le clergé, les autorités et le corps des marchands de la capitale, était un simple prote. Napoléon, voyant le ridicule de cette farce, lui tourna le dos.

L'escorte des dragons de la police dont parle M. M.... était composée de dix hommes pour accompagner la voiture où étaient les papiers de l'administration. Quant à ma personne, j'étais à cheval, et je ne suis sortis de la ville qu'au moment où on tirait le canon au Kreml.

Avant de finir ce petit écrit, je vais faire des observations sur les bulletins de Napoléon, datés de Moscou, et on verra si ces pièces officielles peuvent servir de matériaux à l'histoire.

BULLETINS.	OBSERVATIONS.
№ 19. Du 16 septembre.	
« La plus complette « anarchie régnait dans « la ville; des forcenés « ivres couraient dans les « rues et mettaient le feu « partout.	« Le peu d'habitans qui res- « taient dans la ville se te- « naient renfermés chez eux, « retenus par la crainte et « l'incertitude. Si, au moment « de l'entrée de Napoléon à « Moscou, les forcenés met- « taient déjà le feu, pourquoi « ne les a-t-on pas arrêtés?
« Le gouverneur Ros- « topchin avait fait enle- « ver tous les marchands « et négocians, par le « moyen desquels on au- « rait pu rétablir l'ordre.	« Tous ces gens étaient par- « tis d'eux-mêmes depuis plu- « sieurs jours. D'ailleurs, quel « ordre peuvent rétablir des « marchands dans un quartier- « général, et dans toute une « armée?
« Plus de quatre cents « Français et Allemands « avaient été arrêtés par « ses ordres.	« Pas un.
« Enfin il avait fait « enlever les pompiers « avec les pompes.	« Je l'ai déjà dit; quatre-vingt- « seize pompes, avec tout le « service et les attelages,

BULLETINS.	OBSERVATIONS.
	« avaient été envoyés dans « l'intérieur de l'empire.
« Trente mille blessés « ou malades russes sont « dans les hôpitaux abandonnés, sans secours et « sans nourriture.	« Seize à dix-sept mille « sont partis sur quatre mille « chariots, la veille de l'occupation de Moscou, pour « *Kalomna*, d'oú ils ont descendu l'Oka, dans de grandes barques couvertes, jusqu'au gouvernement de Rezane, où on a établi des hôpitaux. Deux mille blessés « sont restés à Moscou.
« Les Russes avaient « perdu cinquante mille « hommes à la bataille « de la Moskowa. On « a fait le relevé des « généraux russes blessés « ou tués à la bataille, il « se monte à quarante-cinq ou cinquante.	« Nous n'avons perdu en tués « et blessés que trente-cinq « à trente-six mille hommes; « mille sept cent trente-deux « officiers et dix-huit généraux. « Napoléon perdit en tués et « en blessés plus de cinquante « milles hommes; douze cents « officiers et quarante-neuf « généraux. J'ai eu tous les « rapports par un officier « qui en était chargé, et qui « était dans les bureaux du

«prince de Neuchâtel. Cet «officier, blessé à la bataille «de Boradine, était resté à «l'hôpital de Galitzine

20-e Bulletin. Le 17 septembre.

«On a trouvé dans la «maison de ce misé- «rable Rostopschine des «papiers et une lettre à «demi écrite.

«Tous ces papiers, la plu- «part insignifians, ont été re- «pris par les Cosaques, et ne «valaient pas la peine de «m'être renvoyés. Je n'ai pas «été pris au dépourvu; encore «moins surpris de l'entrée de «l'ennemi: ainsi j'aurais eu le «temps d'achever une lettre. «Je suis sorti à cheval au «petit pas par la barrière de «Rézane, et je n'ai quitté les «boulevarts que lorsqu'on «vint m'annoncer que l'a- «vant-garde française était «entrée dans la ville.

«Le 16, un vent vio- «lent s'est élevé; trois à «quatre cents brigands

«Ainsi, ces trois à quatre «cents brigands, en attendant «un vent violent, sont restés

BULLETINS.	OBSERVATIONS.
«ont mis le feu dans la «ville en cinq cents «endroits à la fois par «l'ordre du gouverneur «Rostopschine.	«quatre jours au milieu de «l'armée française. Il fallait «qu'ils fussent bien habiles «pour mettre le feu à cinq «cents endroits à la fois, «s'ils n' étaient que trois à «quatre cents. Quant à mon «nom, il sert de refrain à «l'incendie, comme celui de «Marlborough dans la chan-«son.
«Des églises, il y en «avait mille six cents.	«Il nj en avait que deux «cent soixante sept.
«Cette perte est incal-«culable pour la Russie; «ce n'est pas l'évaluer «trop haut, que de la «porter à plusieurs mil-«liards.	«D'après les calculs faits «par une commission, les «dommages produits par l'in-«cendie et la guerre tant «dans la ville que dans le «gouvernement de Moscou, «ne montaient qu'à 321 mil-«lions de roubles; ainsi, c'est «bien loin de plusieurs mil-«liards.
«Trente mille Russes «blessés et malades ont «été brûlés.	«J'ai déjà dit qu'il n'en «était resté que deux mille, «et les deux hôpitaux où ils

BULLETINS.	OBSERVATIONS.
	«étaient n'avaient pas même «été brûlés.
«Et on a réduit deux «cents mille bons habi- «tans à la mendicité, «c'est le crime de Ros- «topschine, exécuté par «des célérats délivrés «des prisons.	«A mon retour à Moscou, «après la sortie de l'ennemi, «j'y ai trouvé douże à quin- «ze cents individus de la «classe pauvre du peuple, «dans l'état de la plus gran- «de misère: ils furent logés, «habillés et nourris pendant «un an aux frais du gouver- «nement; quant aux scélérats «employés à l'incendie, d'ap- «rés le Bulletin, ils étaient alors au moins à la distan- «ce de cinquante lieues de «Moscou, l'ayant quitté qua- «tre jours auparavant.
«Le soldat a trouvé «et trouve beaucoup de «pelisses et de fourrures «pour l'hiver. Moscou «en est le magasin.	«Oui, mais on apporte les «fourrures dés le commence- «ment du traînage, et les mi- «lices de Moscou, de Twer, «de Jaroslaw et de Wladi- «mir en ayant acheté soixan- «te-onze mille, il en resta «bien peu.

BULLETINS.	OBSERVATIONS.
21-e Bulletin. 20 septembre.	
«Trois cents chauffeurs ont été arrêtés et fusillés.	«Ainsi, c'est une erreur de deux cent quatre-vingt-sept; car j'ai déjà dit qu'il y en avait eu seulement treize de fusillés.
«Le beau palais de Catherine, meublé à neuf.	«Il n'avait jamais été meublé; bâti á l'extrémité de la ville, il fut converti, du temps de l'empereur Paul, en Caserne, et je le fis servir d'hôpital aux blessés.
«Pendant que Rostopschine enlevait les pompes de la ville, il laissait soixante mille fusils, cent cinquante canons, et un million cinq cent mille cartouches, etc.	«Seize cents fusils réparés à l'arsenal ont été donnés à la milice de Moscou; pour les canons, il y en avait quatre-vingt-quatorze du calibre de six, avec les affûts et caissons: ils sont partis pour Nigeny-Nowgorode, avant l'entrée de l'ennemi á Moscou, qui ne trouva à l'arsenal que six canons crevés sans affûts,

BULLETINS.	OBSERVATIONS.
	et deux énormes couleuvri-«nes. Puisque Napoléon a «été obligé de laisser au «Kreml plus de mille voitures «de toute espéce, il ne pou-«vait pas emmener non plus «les canons russes, et nous «les aurions retrouvés au «même endroit. La plus «grande partie de cette ar-«tillerie a fait depuis la «campagne de 1813, avec «la milice formée par le «général comte de Tolstoy, «il est vrai qu'on a laissé «un des magasins à poudre, «celui où on travaillait à «faire les cartouches pour «l'armée russe. La nuit mê-«me de son passage par «Moscou; on n'y avait pas «mis le feu par la même «negligence qui a fait brû-«ler trop tôt le pont à Leip-«zig.
«L'incendie de cette «capitale retarde la Rus-«sie de cent ans.	«La capitale a été rebâtie, «preuve que ses habitans «n'ont pas été ruinés. Elle

BULLETINS.	OBSEBVATIONS.
	« contient presque le même « nombre d'habitans qu'avant « l'incendie, avec cette dif- « férence que tout est bâti « en briques. Des palais mag- « nifiques, des rues entières « toutes neuves et des places « publiques superbes, en font « déjà une des plus belles « villes de l'Europe, grâce « aux soins et à la sollicitu- « de paternelle de l'empereur « Alexandre; et la Russie, « aulieu d'être retardée d'un « siécle, a connu sa force, « ses richesses et ses ressour- « ces gigantesques.
« On a trouvé au « Kremlin plusieurs or- « nemens servant au sa- « cre des empereurs, et « tous les drapeaux pris « aux Turcs depuis cent « ans.	« Les ornemens qui servaient « aux sacres et qui font partie « du trésor, ainsi que celui du « patriarche, estimés à 21 mil- « lions de roubles, avaient été « expédiés avant l'entrée de « l'ennemi à Nigeny-Nowgo- « rode et à Vologda; quant « aux drapeaux pris dans les « guerres sur les ennemis de la

BULLETINS. — **OBSEPVATIONS.**

«Russie, ils sont tous à l'arse-
«nal de Pétersbourg.

23 Bulletin. 9 octobre.

«On a trouvé une «madone enrichie de «diamans: on l'a en- «voyée aussi à Paris.

«L'usage en Russie est d'«orner de pierres prècieuses «des images que l'on a dans «une vénération particulière: «il paraît que ce trophée n'est «pas parvenu jusqu'en Fran- «ce, de même que cette énor- «me croix qui surmontait le «grand clocher nommé Evan- «veliki ; elle était de fer «doré ; mais un voyageur «allemand, Adam Olearius, «qui vint à Moscou du temps «du czar Alexis, prétendait «(je ne sais sur quel autorité) «que cette croix était d'ar- «gent massif doré : aussi, «quand on a vu qu'elle était «de fer, on l'abandonna.

«Il paraît que Ros-

«Je ne sais pourquoi Na-

BULLETINS.

«topschine est aliéné. «A Woronovo, il a «mie le feu à son châ- «teau.

OBSERVATIONS

«poléon me fait perdre l'es- «prit. J'ai mis le feu à mon «château par la raison que «j'ai indiquée dans un écrit «collé sur la porte de l'égli- «se, et je n'ai fait que «prévenir l'ordre donné à «un officier envoyé à Wo- «ronovo, qui ne trouva que «des cendres; il raconta ceci «à un colonel russe, qui le «ramassa pendant la retraite «après le passage de la Béré- «zina. Napoléon aimait à «brûler; preuve, l'ordre «donné au maréchal Mor- «tier d'avoir soin de mettre «le feu à mes deux maisons «à Moscou. (Expédition de «Russie, tome II, page 244.) «Celle qui est à la barrière «fut brûlée, mais l'hôtel en «ville ne le fut pas, parce «que le lendemain du départ «de la grande armée. Moscou

BULLETINS. OBSERVATIONS.

«était rempli de Cosaques «et de paysans armés qui «parcouraient les rues.

«L'armée russe dé«savoue l'incendie de «Moscou; les auteurs «de cet attentat sont «en horreur en Rus«sie: on regardait Ros«topschine comme une «espèce de Marat. Il «a pu se consoler dans «la société du commis«saire anglais Wilson.

«L'armée russe était per«suadée que Moscou avait «été brûlé par l'ennemi, et «ne pouvait pas me regarder «comme une espèce de Marat, «ignorant jusqu'à l'existence «de ce grand homme de la «révolution. Je n'avais pas «besoin de consolations; je «gémissais sur la perte de mes «compatriotes, sans songer «aux miennes, et ce n'est «qu'au quartier-général que «je rencontrai M. Wilson.

«On est parvenu, «avec beaucoup de «peine, à tirer des «hôpitaux et maisons «incendiés, une partie «des malades russes: «il reste encore quatre

«On ne s'est donné aucune «peine à tirer des hôpitaux «nos blessés et nos malades: «ils ont été exposés à mourir «de faim; car les blessés et «les malades de l'armée de «Napoléon n'avaient eux-mê-

BULLETINS.	OBSERVATIONS.
«mille de ces malheu- «reux. Le nombre «de ceux qui ont péri «dans l'incendie est «extrêmement considé- «rable.	«mes que peu à manger. «J'en ai trouvé treize cent «soixante vivans, réunis à «l'hôpital Cheremetew, exté- «nués par la privation d'ali- «mens, et c'est avec beau- «coup de peine que l'on «parvint à en sauver et «rétablir la moitié.
«Une population de «deux cent mille âmes «errant dans les bois, «mourant-de faim, vient «sur ces décombres «chercher quelques dé- «bris et quelques légu- «mes de jardin pour «vivre.	«Comme on ne trouvait «rien à manger, des soldats «de l'armée de Napoléon «rodaient dans des villages «pour trouver de quoi assou- «vir la faim. Il faudrait donc «que ces deux cent mille «individus russes eussent «pu exister plus d'un mois «sans prendre de nourriture.
«L'empereur fit mi- «ner le Kremlin; le «duc de Trévise le fit «sauter le 23, à deux «heures du matin ;	«Il y a eu un clocher, «deux pans de murs, deux «tourelles et le quart de «l'arsenal, qui ont sauté. Le «palais des czars est resté

BULLETINS.	OBSERVATIONS.
«tout a été détruit: «cette ancienne cita- «delle, le premier pa- «lais des czars ont «été....»	«intact, lè feu même n'y a «pas pénétré. Les répara- «tions ont coûté tout au plus «500,000 francs; le Kremlin «existe avec ces anciens «souvenirs et un nouveau «de plus, que Napoléon a «laissé en exerçant sa mau- «vaise humeur sur des bri- «ques, faisant ses adieux à «Moscou.

Napoléon avait été aveuglé par ses succés précédens, il a cru que la Russie serait subjuguée tout entiére dès qu'il serait le maître de la capitale et que l'empereur Alexandre lui proposerait la paix.

Mais avec tout le génie qu'il a eu avant l'année 1812, il se trompa doublement et vit manquer tous ses projets; il n'avait pas connu la fermeté de l'empereur de Russie et n'avait aucune idée de l'homme russe, qui se montra à cette époque dans tout son éclat : il a fallu à celui-ci un grand danger pour déployer un grand caractère : l'ignorance de la langue du

pays fait que les étrangers ne connaissent du peuple russe que son costume et sa figure. On a jeté du mépris sur la barbe, et on a traité en sauvage tous ceux qui la portaient. Mais le peuple russe a prouvé qu'il est au-dessus de plusieurs autres peuples, parce qu'il est inaccessible à la crainte et incapable de trahison; il porte dans son énergie morale et dans sa force physique la conviction du succès. Il ne connaît point d'obstacle et de danger; il dit ; *Tout est possible, pourquoi pas? on ne meurt pas deux fois ;* et avec ces mots il entreprend tout, succombe ou réussit.

Souvent il devient héros sans le savoir et sans tirer aucune vanité de ses actions.

Quand on lui prodigue des louanges il vous répond : *Dieu m'a aidé, ce n'est pas une merveille , je suis un homme tout comme un autre.*

L'année 1812 l'empereur Alexandre ayant dit: *Guerre à mort,* les Russes répondirent : *Nous sommes prêts*. On n'a pas eu besoin de les stimuler par des promesses et des récompenses. On n'avait qu'à dire allons, it ils vous suivaient; donnez, et ils apportaient tout ce qu'ils avaient. La population de Moscou a été exaspérée la première en apprenant, même avant la prise de

Smolensk, que rien n'était épargné par l'ennemi, que les maisons étaient pillées, les femmes outragées, les églises converties en écuries. Ils jurèrent vengeance sur les tombeaux de leurs pères, et exterminèrent tout ce qu'ils purent. Dans les environs de Moscou, les paysans possédaient plus de dix mille fusils ennemis. Combien encore de maraudeurs et d'hommes désarmés tombèrent sous leurs coups; ils mettaient le feu à leurs maisons pour faire périr des soldats qui s'y renfermaient.

Après ma rentrée à Moscou, j'ai vu beaucoup de paysans qui étaient venus de cent cinquante lieues, bien montés, armés chacun d'un sabre et d'une lance, et qui avaient fait la guerre à l'ennemi avec les paysans du gouvernement de Moscou. Ceux-là donnaient pour toute réponse à la question sur le motif qui les avait amenés de si loin, *les nôtres étaient en danger*. On connaît l'histoire du paysan de Smolensk, marqué à la main pour être reconnu, qui se la coupa d'un coup de hache. Une vieille femme, d'un village aux environs de Moscou, m'amena ses deux petits-fils pour les envoyer à l'armée, et, posant ses mains sur leurs têtes, les yeux levés vers le ciel, prononça ses mots : *Allez, mes bons amis, et ne retournez chez moi que lorsqu'il n'y aura*

plus d'énnemis sur le sol de la Russie, autrement ma malédiction vous attend.

Un vieux soldat, estropié dans la guerre d'Italie et retiré dans son village, se faisait attacher à la selle de son cheval pour mener les paysans aux combats. Un jeune paysan que son maître fit venir à Moscou, perdit l'appétit et le sommeil après la prise de Smolensk, il demandait à se battre avec l'ennemi; je l'envoyai à l'armée et il périt à la bataille de Borodino. La bravoure du soldat russe est trop connue pour avoir besoin d'éloges; il est inutile de le stimuler ni par l'avancement, ni par des pensions; il obéit et combat sans se soucier que les bulletins, les biographies, les lithographies et les couplets le présentent dans les batailles en tonnerre, en avalanches, ou en tête de Méduse foudroyant, écrasant, balayant, et pétrifiant tout au moment de son apparition.

Enfin, dans cette lutte courte mais terrible de la Russie contre tout le continent de l'Europe, ayant Napoléon pour chef, tous les Russes ont rivalisé de zèle, de dévouement et de fidélité. La noblesse de Moscou offrit à l'empereur un homme sur dix, approvisionné pour trois mois, ce qui produisit trente deux mille hommes; les gouvernemens de Toula, de Kalouga, de Wla-

dimir et de Rezane, chacun par quinze mille hommes, et ceux de Twer et Jaraslave par douze mille : ce qui donna en tout cent seize mille hommes de milice. C'est moi qui ai été chargé par l'empereur d'organiser cette armée, et six semaines après le décret, elle fut réunie chacune sur les frontières de son gouvernement. On a vu les fils uniques du général Apraxine, du comte Strogonowe, et le mien, dont le plus âgé avait à peine dix-sept ans, faire le service pendant cette guerre. Le fils du comte Strogonowe, jeune homme d'une grande espérance, fut emporté par un boulet à l'affaire de Craon. Les propriétaires qui avaient le plus perdu à l'invasion de Moscou, n'ont pas même présenté de requête à la commission des dédommagemens ; et il est très-avéré que les deux comtes Razoumovsky, le général Apraxine, le comte Boutourline et moi nous avions perdu, en maisons de ville, de campagne et en mobilier, pour plus de cinq millions de roubles. La bibliothèque du comte Boutourline avait été estimée à un million, et il n'en resta pas un volume. Le souvenir de ces pertes passera en héritage aux enfans.

Telle fut l'année 1812. La Russie fit de grandes pertes en hommes; mais elle acquit la certitude de n'être jamais subjuguée et de devenir non la

conquête mais le tombeau de ses ennemis. Ses habitans, trop peu civilisés pour être égoïstes, sauront défendre la patrie sans se vanter de leur bravoure. Napoléon, dans cette expédition dont la réussite aurait pu le rendre maître de l'Europe, sacrifia l'élite des armées alliées, et les braves Français qui depuis douze ans combattaient pour l'ambition de celui qu'ils portèrent jusque sur le trône. Trois cent mille combattans furent moissonnés par les combats, les marches et les maladies ; et cent mille périrent par la faim, le froid et la misère.

J'ai dit la vérité et rien que la vérité.

Fédor, comte ROSTOPSCHINE.

Paris, ce 5 mars 1823.

ПИСЬМО.

Неудовольствіе противъ меня Наполеона— писалъ Графъ Растопчинъ — похвала; немилость его — награда; гнѣвъ—слава, а печатная брань — грамота на безсмертіе. Причины злости суть: выѣздъ изъ Москвы жителей ея, отправленіе сокровищъ, дорогихъ товаровъ, вооруженіе поселянъ, и все, что я имъ говорилъ и писалъ. Но хотя Бонапарте и сдѣлалъ своими ругательствами имя мое незабвеннымъ; хотя въ Англіи народъ желалъ имѣть мой гравированный портретъ; въ Пруссіи женщины модамъ даютъ мое имя; хотя честные и благоразумные люди оказываютъ мнѣ признательность: со всѣмъ тѣмъ есть много Русскихъ, кои меня бранятъ за то, что они отъ нашествія злодѣя лишились домовъ и имущества, и многіе, ничего не имѣвшіе—милліоновъ!—Мое дѣло было сохранить спокойствіе въ столицѣ, и тишина въ ней пребыла до 2-го сентября. Взятіе Смоленска, приближеніе непріятеля къ Москвѣ и Бородинская битва не были тайны.

Купцы начали отправлять свои товары съ половины іюля, дворянство тронулось съ августа. Вопрошаю: кого я задержалъ? у кого взялъ лошадей, повозки? Многіе говорятъ: *онъ увѣрялъ, что Москва взята не будетъ; отъ этого мы и погибли.* Но я опять спрашиваю: защита Столицы отъ меня ли зависѣла? 2,800 рекрутъ, 160 полицейскихъ драгунъ и пожарная команда могли ли остановить Наполена со 130-ю тысячью войска? Я сообщалъ Московскимъ жителямъ все, что получалъ отъ Главнокомандующаго арміями. Я, даже, не былъ приглашенъ, 1-го сентября, на военный совѣтъ, гдѣ было рѣшено оставить Москву, о чемъ узналъ уже въ одиннадцать часовъ вечера, чрезъ письмо Свѣтлѣйшаго Князя Кутузова, требовавшаго у меня проводниковъ чрезъ городъ на Рязанскую дорогу. И такъ выѣхавшіе изъ Столицы граждане или не вѣрили моимъ обнародованіямъ, или боялисв оставаться, не имѣли способовъ отправить имъ принадлежавшаго, слѣдовательно негодовать имъ на меня не за что.

ЖИЗНЬ РАСТОПЧИНА,

СПИСАННАЯ СЪ НАТУРЫ ВЪ ДЕСЯТЬ

МИНУТЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

МОЕ РОЖДЕНІЕ.

Марта 12-го 1765 года, я изъ мрака ничтожества воззрѣлъ на свѣтъ Божій. Меня смѣряли, свѣсили и окрестили. Я родился, не зная для чего; родители мои радовались, сами не зная чему.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

МОЕ ВОСПИТАНІЕ.

Меня обучали всякой мудрости и всѣмъ возможнымъ языкамъ. Я сталъ язычникомъ. Шарлатанствомъ и дерзостію, я до того озадачивалъ многихъ, что они почитали меня ученымъ и снимали шапки. Голова моя была разрозненная библіотека, въ которой никто не могъ добиться толку, и ключь къ которой былъ только у меня.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

МОИ СТРАДАНІЯ.

Меня мучили сперва учители и гувернеры, потомъ платья моихъ портныхъ, женщины, честолюбіе, самолюбіе, тщетное раскаяніе, надежды и воспоминанія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ЛИШЕНІЯ.

Мнѣ не суждено было испытать трехъ величайшихъ наслажденій въ человѣческой жизни: воровства, пролазничества и гордости.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ ЭПОХИ.

Въ 30 лѣтъ, я отказался отъ танцевъ; въ 40, отъ страсти нравиться прекрасному полу, въ 50, отъ приговоровъ общественнаго

мнѣнія; въ 60, отъ мышленія, и отъ того сдѣлался совершеннымъ мудрецомъ, или, что одно и тоже, совершеннымъ эгоистомъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

НРАВСТВЕННЫЙ ПОРТРЕТЪ.

Я былъ упрямъ какъ лошакъ, капризенъ какъ кокетка, веселъ какъ дитя, лѣнивъ какъ сурокъ, дѣятеленъ какъ Бонапарте; но все это, когда и какъ мнѣ вздумается.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ НЕДОСТАТОКЪ.

Я не умѣлъ владѣть выраженіемъ лица своего, языка не могъ удерживать, и при этомъ имѣлъ глупую привычку думать въ слухъ. Этимъ я нажилъ съ десятокъ друзей, со сто враговъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ЧѢМЪ Я БЫЛЪ, И ЧѢМЪ БЫ МОГЪ БЫТЬ.

Я былъ очень довѣрчивъ, склоненъ къ дружбѣ, даже добродушенъ; родись я въ *золотой вѣкъ*, я даже, можетъ быть, былъбы препорядочнымъ человѣкомъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ДОБРЫЯ ПРАВИЛА.

Никогда ни за себя, не за другихъ, я не вмѣшивался въ сватовство и сплетни; никогда и никому не рекомендовалъ ни повара, ни доктора: стало быть, не причинилъ вреда здоровью и жизни ни одного ближняго.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

МОЕ ЛЮБИМОЕ.

Я любилъ маленькія общества, тѣсный

кружекъ, и прогулку въ тѣнистой рощѣ. Блеску солнца почти поклонялся; отъ захожденія его иногда на меня находила хандра. Любимый цвѣтъ мой былъ голубой, любимое кушанье говядина подъ хрѣномъ, любимый напитокъ вода. Изъ театральныхъ представленій, я любилъ больше всего комедіи и водевили. Въ мужчинахъ и женщинахъ любилъ открытыя, выразительныя лица. Особенную, неопреодолимую любовь чувствовалъ я къ горбунамъ *обоего пола.*

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

МОИ АНТИПАТІИ.

Къ тщеславнымъ щеголямъ (fats dandy) и дуракамъ я всегда чувствовалъ отвращеніе. Мнѣ были противны набожныя женщины съ молитвой на душѣ, и съ интригой въ умѣ, съ поминаньемъ въ ридикюлѣ и съ любовной почтой въ туалетѣ. Манерность возбуждала во мнѣ самое непріятное чувство. Нарумяненные мужчины, раскрашенныя и разу-

крашенныя женщины казались мнѣ жалкими. Крысы, водка, метафизика и зеленый сыръ, процессы и домашнія насѣкомыя, приводили меня въ ужасъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

ОЧЕРКЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Жду смерти терпѣливо, безъ страха. Жизнь моя была плохая мелодрама, съ хорами, плясками, превращеніями и великолѣпнымъ спектаклемъ. Я игралъ въ ней героевъ, тирановъ, любовниковъ, благородныхъ отцевъ, резонеровъ, но никогда не брался за роли лакеевъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

БЛАГОДАТЬ НЕБЕСНАЯ.

Величайшее мое счастіе состоитъ въ томъ, что я рѣшительно независимъ отъ трехъ лицъ, правящихъ нынѣ Европою: я достаточно бо-

гатъ, дѣла до меня не касаются, и къ музыкѣ пристрастія не имѣю. Стало быть, я внѣ всякихъ отношеній къ Родшильду, М. и Россини.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

МОЯ ЭПИТАФІЯ.

Съ притупившеюся душею, изношеннымъ сердцемъ и обвѣтшалымъ тѣломъ, здѣсь прилегъ на покой — *старый чортъ*. Почтеннѣйшая публика! Ступай своей дорогой, и дай ему отдохнуть.

ПОСВЯЩЕНІЕ ПУБЛИКѢ.

Почтеннѣйшая публика! нестройный органъ страстей и страстишекъ! Гордая превыше небесъ, низкопоклонная до праха, слѣпо превозносящая и слѣпо клевещущая! разбитый набатъ, пустое эхо самой себя, экстрактъ тончайшихъ ядовъ и сладчайшихъ благовоній, представительница нечистой си-

лы въ человѣкѣ, фурія подъ маской сестры милосердія, благородная публика! Тебя я боялся юношей, уважалъ въ зрѣломъ возрастѣ, презиралъ старцемъ! Тебѣ посвящаю свои записки, любезнѣйшая публика! Наконецъ я избавленъ отъ твоего вліянія, ибо я *умеръ*, слѣдовательно *глухъ*, *слѣпъ* и *нѣмъ*. Для твоего и человѣческаго счастія желаю и тебѣ того же.

Твоя игрушка и твой музыкантъ

Растопчинъ.

MES MÉMOIRES

OU

MOI AU NATUREL,

ECRITS EN DIX MINUTES.

TABLE DES CHAPITRES.

CHAPITRE PREMIER.

MA NAISSANCE.

En 1765, le 12 Mars, je sortis des ténèbres pour être au grand jour. On me mesura, on me pesa, on me baptisa. Je naquis sans savoir pourquoi, et mes parens remercièrent le Ciel sans savoir de quoi.

CHAPITRE II.

MON ÉDUCATION.

On m'apprit toutes sortes de choses et toute espèce de langues. A force d'être impudent et charlatan, je passai quelquefois pour un savant. Ma tête est devenue une bibliothèque dépareillée dont j'ai gardé la clef.

CHAPITRE III.

MES SOUFFRANCES.

Je fus tourmenté par les maitres, par les tailleurs qui me faisaient les habits étroits, par les

femmes, par l'ambition, pas l'amour propre, par les regrets inutiles par les souverains et les souvenirs.

CHAPITRE IV.

PRIVATIONS.

J'ai été privé de trois grandes jouissances de l'espèce humaine: du vol, de la gourmandise et de l'orgueil.

CHAPITRE V.

EPOQUES MEMORABLES.

A trente ans, j'ai renoncé à la danse; à quarante ans, à plaire au beau sexe; à cinquante ans, à l'opinion publique; à soixante ans, à penser, et je suis devenu un vrai sage, ou égoïste, ce qui est synonyme.

CHAPITRE VI.

PORTRAIT AU MORAL.

Je fus entêté comme une mule, capricieux comme une coquette, gai comme un enfant, paresseux comme une marmotte, actif comme Bonaparte, et le tout à volonté.

CHAPITRE VII.

RÉSOLUTION IMPORTANTE.

N'ayant jamais pu me rendre maitre de ma physionomie, je lâchai la bride a ma langue, et je contractai la mauvaise habitude de penser haut. Cela me procura quelques jouissances et beaucoup d'ennemis.

CHAPITRE VIII.

CE QUE JE FUS ET CE QUE J'AURAIS PU ÊTRE.

J'ai été très sensible a l'amitié, a la confiance, et si je fusse né pendant l'âge d'or, j'aurais été peut-être un bon homme tout-a-fait.

CHAPITRE IX.

PRINCIPES RESPECTABLES.

Je n'ai jamais été impliqué dans aucun mariage ni aucun commérage. Je n'ai jamais recommandé ni cuisinier ni medecin, par consequent je n'ai attenté à la vie de personne.

CHAPITRE X.

MES GOUTS.

J'ai aimé les petites societés, une promenade dans les bois. J'avais une vénération involontaire pour le soleil, et son coucher m'attristait souvent. En couleurs, c'était le bleu; en manger, le boeuf au raifort ; en boisson, l'eau fraiche; en spectacle, la comédie et la farce; en hommes et en femmes, les physionomies ouvertes et expressives. Les bossus des deux sexes avaient pour moi un charme que je n'ai jamais pu définir.

CHAPITRE XI.

MES AVERSIONS.

J'avais de l'eloignement pour les sots et pour les faquins, pour les femmes intrigantes qui jouent la vertu; un dégoût pour l'affectation; de la pitié pour les hommes teints et les femmes fardées; de l'aversion pour les rats, les liqueurs, la métaphysique et la rhubarbe; de l'éffroi pour la justice et les bêtes enragées.

CHAPITRE XII.

ANALYSE DE MA VIE.

J'attends la mort sans crainte, comme sans impatience. Ma vie a été un mauvais mélodrame à grand spectacle, où j'ai joué les héros, les tyrans les amoureux, les pères nobles, mais jamais les valets.

CHAPITRE XIII.

RÉCOMPENSES DU CIEL.

Mon grand bonheur est d'être indépendant des trois individus qui régissent l'Europe. Comme je suis assez riche, le dos tourné aux affaires, et assez indifférent a la musique, je n'ai par conséquent rien a démêler avec Rothschild, Metternich et Rossini.

CHAPITRE XIV.

MON ÉPITAPHE.

Ici on a posé
Pour se reposer,
Avec une ame blasée,

Un coeur épuisé
Et un corps usé;
Un vieux diable trépassé.
Mesdames et messieurs, passez!

CHAPITRE XV.

EPITRE DÉDICATOIRE AU PUBLIC.

Chien de public! Organe discordant des Passions; Toi qui élèves au Ciel et qui plonges dans la boue qui prônes et calomnies sans savoir pourquoi. Image de Toscin, Echo de toi-même; Tyran absurde, échappé des petites maisons; extrait des venins les plus subtils et des aromates les plus suaves. Représentant du Diable auprès de l'espèce humaine. Furie masquée en Charité chrétienne. Public! que j'ai craint dans ma jeunesse, respecté dans l'âge mûr et méprisé dans ma veillesse; c'est a toi que je dédie mes Mémoires. Gentil public! enfin, je suis hors de ton atteinte, car je suis mort, et par conséquent sourd, aveugle et muet. Puisses-tu jouir de ces avantages pour lon repos et celui du Genre humain!

МЫСЛИ НЕ ВЪ СЛУХЪ

У ДЕРЕВЯННАГО ДВОРЦА

ПЕТРА ВЕЛИКАГО,

что подлѣ Церкви Троицы на Петербургской сторонѣ,

или

ПОСЛАНІЕ СИЛЫ СИДОРОВИЧА ПРАВДИНА
КЪ СИЛѢ АНДРЕЕВИЧУ БОГАТЫРЕВУ.

Богъ да благословитъ тебя, Сила Андреевичъ! честной ты человѣкъ, много правды думалъ вслухъ на Красномъ крыльцѣ; ты заставилъ истинныхъ Россіянъ и Россіянокъ слезы лить; ты принудилъ даже и приверженныхъ ко всему иностранному, при всѣхъ сказать, что они Руские, и гордятся симъ именемъ. Богъ надоумилъ тебя, Сила Андреевичъ, вспомнить старину, и представить оную въ должной простотѣ, въ чистой наготѣ. Но ты вѣрный сынъ Отечества и Государя своего, живучи въ отдаленности, въ тишинѣ, свойственной благородной душѣ твоей, не могъ еще знать всего, что дѣлалось на Святой Руси, отъ негодныхъ Французовъ.

Богъ да продлитъ дни твои, Сила Андреевичъ, много ты правды думалъ и хорошо выразилъ оную, что предки наши и безъ

знанія Французскаго языка, входили торжественно въ храмъ безсмертія; благословенія и понынѣ несутся къ нимъ отъ всѣхъ сердецъ еще неразвращенныхъ.

Господи помилуй! скажу и я съ тобой Сила Андреевичъ и не разъ: что только и видишь молодежъ, по всѣмъ отношеніямъ Французскую; но признаться должно, что злодѣи, нечестивые воспитатели, при всѣхъ своихъ коварныхъ замыслахъ, разстлить души юношей, и содѣлать дворянъ неспособными служить Отечеству и Государю — не могли успѣть погасить въ нихъ пламенникъ чести и любви къ своей родинѣ. Лишь воинская труба возвѣстила брань на иноплеменныхъ, на нарушителей общественнаго покоя, закипѣли сердца юношей, слезы покатились по здоровымъ лицамъ ихъ; вспомнили тогда дѣдовъ и отцовъ своихъ, какъ служили Царю и Отечеству; со всѣхъ концовъ обширнаго Царства Русскаго пріѣзжаютъ въ градъ Петровъ дворяне, и молятъ АЛЕКСАНДРА ИМПЕРАТОРА нашего, да велитъ имъ стать въ передовыхъ полкахъ, сражаться на полѣ славы, за Вѣру, за Царя, за лю-

безное Отечество, и тѣмъ свѣту доказать, что кровь Руская не преставала течь въ жилахъ ихъ; и тѣмъ загладить прежніе поступки свои, не по сердцу, и не по наставленіямъ образователей своихъ Французовъ дѣланные.

Богъ да дастъ тебѣ, Сила Андреевичъ, здравіе и долголѣтіе, и да мысли ты вслухъ и впредь о подобныхъ истинахъ! Кого не тронули до глубины сердца твои слова: чего лучше быть Рускимъ? не стыдно ни гдѣ показаться, ходи носъ вверьхъ. Весело правду слышать; у всѣхъ слезы навернулись, у всѣхъ румянецъ заигралъ, вотъ, какое дѣйствіе имѣетъ правда въ устахъ почтеннаго сердца. Ну и впрямъ, что за люди ѣздятъ къ намъ, и кому дѣтей своихъ ввѣряемъ? Давно уже объ этомъ я говорю, кричу, пишу, даже слезы лью; уймитесь, пора за умъ хватиться, и матерямъ самимъ образовывать родившихъ, и поселять въ юныя, невинныя сердца дѣтей, Вѣру, честь, любовь къ своему родовому. Отцамъ! говорятъ мнѣ: нѣкогда, они службою заняты; такъ конечно; но по пяти и десяти часовъ сидѣть за кар-

тами и проигрывать дѣдовъ и отцовъ своихъ имѣніе, и тѣмъ лишать наслѣдства дѣтей своихъ—есть время? Богъ имъ судья. Отецъ только и твердитъ: у меня, братецъ, лучшій Аббе за сыномъ ходитъ; а мать повторяетъ, поправляя парикъ передъ зеркаломъ и прикрывая сѣдые свои волосы: а для чего я держу Мадамъ? она и пекись о дочеряхъ моихъ! Послѣ сихъ словъ, покачаешь головой, вздохнешь и замолчишь. А какія Мадамы-то, Сила Андреевичъ!.. кабы ты зналъ ихъ; ну ужъ кладъ; подлинно прости Господи, ни стыда ни совѣсти. Ей Богу дурно! я самъ знаю нѣкоторыхъ, которыя нѣсколько мѣсяцовъ были Мадамами, а теперь сидятъ у модницъ, шьютъ шляпки, и смѣются надъ тѣми, у коихъ были въ чести. Богъ великъ, Сила Андреевичъ, ГОСУДАРЬ нашъ АЛЕКСАНДРЪ любитъ своихъ подданныхъ, все идетъ и пойдетъ къ лучшему.

Господи помилуй! да что за народъ Французы? копейки не стоятъ, сказалъ ты, Сила Андреевичъ, правда твоя и правда неоспоримая! да вотъ что худо: о чемъ и ты не подумалъ: не довольно молодёжъ, да и

старые туды же; чѣмъ бы унимать дѣтей, сами тоже дѣлаютъ. Ну, какъ не подивиться? Сила Андреевичъ! Войдешь въ знатный домъ — только и услышишь по Руски: *человѣкъ! подай стаканъ воды съ виномъ, либо меду*, а прочіе-то разговоры, всѣ почти не на своемъ языкѣ. Пойдешь и не къ знати, даже къ купцамъ, тоже, да тоже. Ну, что ты прикажешь дѣлать! стыдъ нашимъ головушкамъ, да и только—право такъ! А какъ сказать тебѣ еще нѣчто, такъ ты ужаснешься. На примѣръ слыханое ли дѣло между Рускими, садиться и вставать изъ за хлѣба сопли не перекрестя лба? не воздавъ Богу благодарснія? а вотъ есть и такіе молодцы! имъ, видишь ты, стыдно перекреститься. Осудятъ наставники-то ихъ Французы. т. е. тѣ, у коихъ, какъ говорится, первое щастіе отыми Богъ стыдъ. Пришли было времена не Рускіе, но Творецъ изрѣкъ, да будетъ перемѣна, и бысть; обстоятельства, почти всѣхъ помирили самихъ съ собою;—въ самомъ дѣлѣ, чего лучше быть Рускимъ, ходи носъ вверьхъ, какъ ты сказалъ, Сила Андреевичъ; славно! Богъ да дастъ тебѣ здравіе и да скажешь намъ новыя истины.

Господи помилуй! говоришь ты, Сила Андреевичъ, да чего отцамъ и матерямъ хочется? чего у насъ нѣтъ? все есть, или быть можетъ; ГОСУДАРЬ милосердый, дворянство великодушное, купечество богатое, народъ трудолюбивый. Совершенная правда, никакихъ доказательствъ не требующая. Конечно такъ, и всѣ твердять отъ души и сердца; а тебѣ за сію истину благословеніе и мольбы о тебѣ къ Всемогущему. Но вотъ что мнѣ пришло не по сердцу; не погнѣвись пожалуй, Сила Андреевичъ! я такой же заслуженный какъ и ты, преданъ Отечеству и ГОСУДАРЮ не менѣе тебя, люблю правду, а неправды терпѣть не могу; такой обычай у меня, чего ужъ не полюблю, такъ не полюблю. Э, хе! хе! ну какъ тебѣ пришло въ голову, почтенный землякъ, Сила Андреевичъ, сказать, да еще и вслухъ, и на Красномъ крыльцѣ, гдѣ предками нашими говорилась единая только правда: что Россія извѣстна лѣтъ съ полтораста; согрѣшилъ, другъ мой, больно согрѣшилъ. Вить естьли ты сказалъ, то и проклятые иноземцы переведя, скажутъ, вотъ дискать и сами Руские

признаются, что Россія недавно только известна; и что прикажешь имъ на это сказать? тотчасъ укажутъ на тебя, и замолчишь. Не могу не подивиться! какъ! да развѣ Руские не показали величія своего и въ самой глубокой древности? и Олегъ Великій Князь, не прибилъ ли съ Рускими, щитъ свой, къ вратамъ Цареградскимъ и не заключилъ ли въ 912 году мирнаго, выгоднаго договора, съ Греческимъ Императоромъ Леономъ премудрымъ; да развѣ Владимиръ великій, не получалъ посольства отъ многихъ Державъ и отъ самаго гордаго Папы, и не извѣстенъ былъ въ цѣломъ мірѣ, озаря свѣтомъ Евангелія Россію? Богъ съ тобою, Сила Андреевичъ!—да развѣ Ярославъ, давшій писанные законы Россіянамъ въ 1017 году не славенъ былъ, и не получалъ посольства, и не заключалъ союзовъ и договоровъ, со многими Державами? Господи помилуй: да развѣ Гаральдъ Король Шведскій и Норвежскій не пріѣзжалъ въ Россію, и не просилъ себѣ въ супружество Елисавету дочь Ярославову и не сочетался бракомъ съ нею въ Россіи въ 1049 году; неужели забылъ по-

чтенный Сила Андреевичъ, что Анастасія, другая дочь Ярослава законодателя, чрезъ посольство вышла за мужъ, за Андрея II, Венгерскаго Короля въ 1053 году, и что Анна, его же дочь, прежде сего въ 1051 году чрезъ сильныя просьбы посланниковъ Французскихъ, посланныхъ отъ Генриха I, отпущена изъ Россіи, и была его супругою и Королевою Французскою, удержавъ всегда законъ свой? Съ нами крестная сила! какъ не знать, что Владиміръ, старшій сынъ Ярослава, былъ женатъ на Англинской Королевнѣ; а самъ Ярославъ въ 1019 году удостоилъ своей руки Шведскую Королеву Ингегерду, по крещеніи Ирину, дочь Эрика побѣдоноснаго и сестру Олава святаго. Эта древность, Сила Андреевичъ, пріятна каждому Рускому и доказываетъ могущество тогдашней уже Россіи, союзы и вліяніе ея на дѣла Европы. Не осердись, правдивый человѣкъ! а мнѣ было досадно читать, что Россія, по твоимъ словамъ, извѣстна лѣтъ съ полтораста; только то, спасибо; удружилъ; нѣтъ, ужъ это больно; да развѣ Владиміръ Мономахъ не унизилъ Генуесцовъ и Полов-

цовъ, и не устрашилъ, и не принудилъ славнаго Греческаго Императора Алексѣя Комнина мира просить, и не получилъ ли отъ него въ 1114 году драгоцѣнные дары, и корону и скипетръ и державу; и развѣ не коронованъ былъ Владимиръ и не названъ Царемъ и Самодержцемъ всея Россіи? Мало тебѣ сего, вотъ и еще: даже и во время несчастнаго положенія Россіи, когда она Божіимъ попущеніемъ подпала игу Татаръ, то и тогда не преставала имѣть Великихъ Государей и славныхъ подданныхъ; ибо Государи чрезъ людей избранныхъ приводятъ въ надлежащее совершенство свои намѣренія. Государи велики, какъ ты и самъ знаешь, Сила Андреевичъ, благоденствіемъ своихъ подданныхъ; а естьли были въ древней Россіи дѣла подражанія достойныя, то отъ того, что Государи по словамъ Князя Якова Θеодоровича Долгорукаго умѣли всегда выбирать людей, на коихъ вѣрность и разумъ могли положиться. Ахъ, Сила Андреевичъ! что дѣлать, а я вслухъ скажу, не ужели и Александръ Невскій неизвѣстенъ былъ побѣдя пять разъ Лифляндскихъ Рыцарей, Шве-

довъ и Датчанъ; такъ и Дмитрій Донской съ полководцами своими ничего не значитъ? и Царь Іоаннъ Васильевичъ, избавя Россію изъ подъ ига Татарскаго, вниманія не заслуживаетъ? и сынъ его Василій Іоанновичъ, дай Богъ память, въ 1514 г. развѣ не названъ въ грамотѣ Максимиліана I, Императора Римскаго, Цесаремъ и Императоромъ всея Россіи.

Господи помилуй! а я буду продолжать, и не громко скажу: Сила Андреевичъ! да развѣ Ричардъ Шонцелоръ съ Англичанами не приставалъ къ Архангельскому порту, и не былъ въ Москвѣ, и не просилъ Царя Іоанна Васильевича Грознаго, отъ имени своего Короля, позволенія торговать въ Россіи; да развѣ и Голландцы не того же просили, и развѣ это не означаетъ, что Россія была извѣстна болѣе полутораста лѣтъ, какъ ты сказалъ. Пора перестать и сказать только, что Россія, любезное Отечество наше и въ древнія времена свои, являла свѣту великія дѣла, и имѣла великихъ полководцевъ и дѣловцевъ Государевыхъ. Не такъ ли, отецъ мой, Сила Андреевичъ! . .

Богъ да продлитъ жизнь твою, Сила Андреевичъ! ты великодушный человѣкъ и не прогнѣваешься на земляка, любящаго какъ и ты, Царство Русское, и не любящаго неправды; ну, будь самъ Судья: конечно, людей славныхъ, о которыхъ вслухъ ты мыслилъ на Красномъ крыльцѣ, всѣ сыны Отечества чтутъ; но всѣ также говорятъ, будто только и было на Святой Руси великихъ людей. Согрѣшилъ Сила Андреевичъ! — согрѣши́лъ—покайся. Однако при всемъ томъ повторю мнѣніе свое, со мнѣніемъ истинныхъ соотечественниковъ: все что ты сказалъ на Красномъ крыльцѣ. оканчивая свой разговоръ съ самимъ собою, неподражаемо, превосходно, чрезвычайно хорошо; потому, я и не смѣю ничего сказать, а заключу твоими словами:

Слава тебѣ Россійское побѣдоносное Христіанское воинство, честь ГОСУДАРЮ нашему и матушкѣ Россіи! слава тебѣ храбрый Бенигсенъ! слава вамъ герои Россійскіе: Толстой, Кожинъ, Голицынъ, Доктуровъ, Волконской. Долгорукой! вѣчная память — юноша храбрый Голицынъ; молодые у те-

бя научатся, братья тебѣ позавидуютъ, старики воздохнутъ не разъ, раздѣлятъ печаль тяжкую съ отцемъ твоимъ и матерью, и не скроютъ отъ нихъ слезы горькія о нещастной судьбѣ твоей. Радуйся, Царство Руское! всемирный врагъ предъ тобою уклоняется, богатырскою твоею силою истребляется; онъ пришелъ какъ алчный левъ, хотѣлъ всё пожрать; теперь бѣжитъ какъ голодный волкъ — только озирается и зубами пощелкиваетъ; не щади звѣря лютаго, тебѣ слава и вѣнецъ, ему срамъ и конецъ. Ура Русскіе!! вы одни молодцы: Богъ съ вами, побѣда предъ вами, Россія за вами. —

ПОДРОБНЫЙ СПИСОКЪ

ВСѢХЪ КОРПУСОВЪ

СОСТАВЛЯВШИХЪ

ФРАНЦУЗСКУЮ АРМІЮ,

вышедшую въ походъ противъ Россіи въ 1812 году.

Съ приложеніемъ

РОСПИСАНІЯ ПОТЕРЬ,

СДѢЛАННЫХЪ НЕПРІЯТЕЛЕМЪ СЪ НАЧАЛА КАМПАНІИ ВЪ РАЗНЫХЪ СРАЖЕНІЯХЪ ДО ВСТУПЛЕНІЯ ВЪ МОСКВУ.

Въ числѣ любопытныхъ бумагъ, оставленныхъ здѣсь непріятелями, доставлены ко мнѣ рапорты его Генералъ-Штаба. Стараясь удостовѣриться въ подлинности ихъ, я нашелъ, что они дѣйствительно справедливы и хранились у правителя военной Канцеляріи Принца Невшательскаго (Бертье), оставленнаго опасно больнымъ въ Москвѣ. Для удовлетворенія любопытства Россіянъ всѣ сіи рапорты я приказалъ перевести съ Французскаго на Руской языкъ и предать напечатанію.

Извѣстно всѣмъ, что изъ сей страшной и небывалой силы одни лишь Фельд-

маршалы, часть Генераловъ и нѣсколько тысячь войска вышли изъ земли Русской, остальные же остались на ней и въ ней плѣнными и мертвыми; а Наполеону предоставлено отдать отчетъ девятнадцати народамъ въ жизняхъ 575,500 людей, принесенныхъ въ жертву властолюбію, злости и безумству единаго.

ГРАФЪ РАСТОПЧИНЪ.

НАИМЕНОВАНІЯ КОРПУСОВЪ,

СЪ ОЗНАЧЕНІЕМЪ ЧИСЛА ВОЙСКЪ И ГЕНЕРАЛОВЪ, ИМИ ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОВАВШИХЪ.

Первый корпусъ, подъ предводительствомъ Маршала Давуста, Князя Экмильскаго. 80,000

Вторый корпусъ, подъ предводительствомъ Маршала Удино, Дюка де-Режжіо 45,000

Третій корпусъ, подъ предводительствомъ Маршала Нея, Дюка Елшинскаго. 45,000

Четвертый корпусъ (Италіянская армія) подъ предводительствомъ Ви-

це-Короля Италіянскаго, составлена была:

1) Изъ Италіянской гвардіи,
2) Изъ 15,000 Италіянскаго войска,
3) Изъ 25,000 Французскаго войска,
4) Два полка Далматинскихъ, } 55,000

Пятый корпусъ. (Вестфальскія войски и другія въ Германіи собранныя) Корпусъ сей былъ начально подъ предводительствомъ Вестфальскаго Короля; но сей будучи по приказанію Наполеона высланъ изъ арміи, равно какъ и Генералъ Вандамъ, начальство надъ симъ корпусомъ препоручено Маршалу Жюно, Дюку д'Абрантесъ 30,000

Шестый корпусъ (Польскія войски), подъ предводительствомъ Князя Понятовскаго 60,000

Седьмый корпусъ (Саксонскія войски), подъ предводительствомъ Генерала Графа Ренье 30,000

Осьмый корпусъ, подъ предводительствомъ Маршала Макдональда, Дюка Тарантскаго, составленъ изъ:

1) 15,000 Французскаго войска,
2) 35,000 Прусскаго войска, } 60,000
3) 10,000 Рейнскаго союза,

Девятый корпусъ, подъ предводительствомъ Маршала Виктора, Дюка де-Беллуно, составленъ былъ изъ:

1) 30,000 Французскаго войска,
2) 15,000 разнаго Конфедератскаго войска } 45,000

Десятый корпусъ, подъ предводительствомъ Маршаловъ Монсея, Дюка Конеліянскаго, Бессіера, Дюка Истрійскаго и Мортье, Дюка Тревизскаго, состоялъ изъ:

1) 20,000 старой Французской гвардіи,
2) 15,000 новой Французской гвардіи, } 40,000
3) 5,000 старой конной гвардіи,

Вспомогательный Австрійскій корпусъ, подъ начальствомъ Князя Шварценбергскаго. 30,000

Кавалерія, подъ предводительствомъ

Неополитанскаго Короля, составлена была изъ шести дивизій и 10,000 легкой пѣхоты 35,000

Большой паркъ легкой артиллеріи изъ 150 орудій, съ 400 снарядными ящиками 3,000

Большой резервный паркъ пѣшей артиллеріи 160 орудій, съ 800 снарядными ящиками. 4,000

(Сіи два корпуса были подъ начальствомъ Дивизіоннаго Генерала и Инспектора артиллеріи Графа д'Еблe).

Баталіонъ понтонщиковъ. 900

Два баталіона піонеръ 1,800

Отрядъ минеровъ 300

18 ротъ Инвалидныхъ солдатъ . . 1,800

Баталіонъ саперовъ и флотскихъ инженеровъ. 900

Три баталіона фурманщиковъ для упряжекъ телѣгъ фуръ и пр . . 2,500

Отрядъ печниковъ, каменщиковъ и пр. 300

Четыре баталіона пекарей 3.000

Провіантскихъ чиновниковъ. . . . 2,000

Итого въ цѣлой Французской арміи было, считая свиту Императора, Вице-Короля Италіянскаго, Неаполитанскаго и Вестфальскаго Королей, всѣхъ Маршаловъ и Генераловъ, Лекарей, Аптекарей, прислужниковъ арміи

всѣхъ . . . 575,500 человѣкъ.

Замѣчаніе.

Каждый корпусъ большой арміи имѣлъ при себѣ артиллерійской паркъ въ 16 орудій, резервнымъ называемый.

И такъ въ резервныхъ паркахъ было 176 орудій и 528 снарядныхъ ящиковъ.

(Кромѣ того всякой полкъ имѣлъ по положенію 8 пушекъ, а всякая дивизія пѣхотная 16).

По сему разсчисленію полевыхъ орудій было во Французской арміи 784, а ящиковъ зарядныхъ 1568.

Императорская гвардія имѣла 150 пушекъ.

Итого:

Всѣхъ пушекъ въ арміи было .	1,194
Зарядныхъ ящиковъ	2,768
Всѣхъ дивизіи было	49
А полковъ, не считая гвардіи . . .	98

Армія, подъ непосредственнымъ начальствомъ Наполеона была предводительствуема Маршалами:

Бертье.
Даву.
Неемъ.
Макдональдомъ.
Удино.
Бессіеромъ.
Монсеемъ.
Мортье.
Викторомъ.
Ле-Февромъ.
Сенъ-Сиромъ.

РОСПИСАНІЕ ПОТЕРЬ,

СДѢЛАННЫХЪ НЕПРІЯТЕЛЕМЪ СЪ НАЧАЛА КАМПАНІИ ДО ВСТУПЛЕНІЯ ИХЪ ВЪ МОСКВУ.

ВИТЕБСКОЕ СРАЖЕНІЕ.

Четвертый корпусъ, подъ начальствомъ Вице-Короля Италіянскаго, лишился дивизіоннаго Генерала Русселя и одного Польскаго бригаднаго Генерала, умершихъ отъ ранъ. Одинъ бригадный Генералъ раненъ.

Полковниковъ	3
Штабъ-Офицеровъ. . . .	7
Офицеровъ	93
Нижнихъ чиновъ	3,600

СРАЖЕНІЕ ПОДЪ МОГИЛЕВЫМЪ.

Въ семъ дѣлѣ участвовали первый корпусъ Французской арміи и 3-й конно-егерскій полкъ.

48-й Линейный полкъ потерялъ:

Офицеровъ	15
Нижнихъ чиновъ	341

108-й Линейный полкъ потерялъ:

Баталіонныхъ Командировъ .	1
Маіоровъ	1
Офицеровъ	27
Рядовыхъ	964

7-й Легкій пѣхотный полкъ:

Баталіонныхъ Командировъ .	1
Офицеровъ	19
Рядовыхъ.	391

46-й Линейный полкъ:

Маіоровъ	1
Офицеровъ	11
Рядовыхъ.	400

Артиллерія потеряла:

Офицеровъ	5
Канонеровъ	133

3-й Конно-егерскій полкъ:

Эскадронныхъ Командировъ	2
Офицеровъ	30
Нижнихъ чиновъ	463

57-й Линейный полкъ:

Баталіонныхъ Командировъ .	3
Офицеровъ	39
Рядовыхъ.	931

Итого подъ Могилевымъ:

Маіоровъ	2
Эскадронныхъ Командировъ .	2
Баталіонныхъ Командировъ .	7
Офицеровъ	141
Нижнихъ чиновъ	3,982

СМОЛЕНСКОЕ ДѢЛО

$\frac{7}{19}$ Августа.

Въ третьемъ корпусѣ Маршала Нея убито два бригадныхъ Генерала, а пять ранено.

13-й Легкій пѣхотный полкъ потерялъ Полковника и всѣхъ баталіонныхъ Командировъ.

Офицеровъ	43
Нижнихъ чиновъ	2,300

15-й Легкій пѣхотный:

Баталіонныхъ Командировъ.	2
Офицеровъ	41
Нижнихъ чиновъ	1,500

21-й Линейный полкъ:

Полковника	1
Баталіонныхъ Командировъ.	3
Офицеровъ	25
Нижнихъ чиновъ	960

24-й Легкій пѣхотный:

Баталіонныхъ Командировъ.	2
Офицеровъ	29
Нижнихъ чиновъ	1,360

46-й Линейный полкъ:

Маіора	1
Баталіонныхъ Командировъ.	3
Офицеровъ	39
Нижнихъ чиновъ	1,136

4-й Линейный полкъ:

Полковника	1
Маіора	1
Баталіонныхъ Командировъ.	1
Офицеровъ	36
Нижнихъ чиновъ	1,110

72-й Линейный полкъ:

Полковника.	1
Баталіонныхъ Командировъ.	2
Офицеровъ	23
Нижнихъ чиновъ	1,511

48-й Линейный полкъ:

Баталіонныхъ Командировъ.	1
Офицеровъ	21
Нижнихъ чиновъ	960

Кавалерія, подъ начальствомъ Неаполитанскаго Короля, потеряла убитыми:

Генераловъ	2
Полковниковъ	3
Эскадронныхъ Командировъ.	2
Офицеровъ	41
Нижнихъ чиновъ	1,809

Польскія войски потеряли:

Генераловъ бригадныхъ. .	1
Полковниковъ	2
Эскадронныхъ Командировъ.	5
Офицеровъ	29
Нижнихъ чиновъ	1,891

Португальскій легіонъ потерялъ:	
Баталіонныхъ Командировъ .	1
Офицеровъ	15
Нижнихъ чиновъ	564
Гишпанскій полкъ (Іосифъ Наполеонъ):	
Офицеровъ	14
Нижнихъ чиновъ	389
Иллирійскіе два полка:	
Штабъ-Офицеровъ	2
Оберъ-Офицеровъ	25
Канонеръ	364
Гвардія потеряла:	
Офицеровъ	2
Саперъ	5
Итого въ Смоленскѣ убито и ранено:	
Генераловъ	10
Штабъ-Офицеровъ Генеральнаго Штаба	3
Полковниковъ	11
Подполковниковъ	23
Маіоровъ.	2
Офицеровъ	402
Нижнихъ чиновъ	13,590

СРАЖЕНІЕ ПО СЮ СТОРОНУ СМОЛЕНСКА

(въ Заболотьѣ) подъ вечеръ $\frac{9}{21}$ Августа.

Въ семъ дѣлѣ сражались корпусы Маршаловъ Нея и Даву.

Дивизіонный Генералъ Годенъ умеръ отъ ранъ на полѣ сраженія.

Два бригадные Генерала изувѣчены, равно какъ и пять Офицеровъ Генеральнаго Штаба.

7-й Легкій пѣхотный полкъ потерялъ:

Баталіонныхъ Командировъ .	4
Офицеровъ	43
Нижнихъ чиновъ	1,894

13-й Легкій пѣхотный полкъ:

Офицеровъ	15
Рядовыхъ	916

15-й Легкій пѣхотный полкъ:

Баталіонныхъ Командировъ .	1
Офицеровъ	21
Рядовыхъ	396

21-й Линейный полкъ:

Офицеровъ 9
Рядовыхъ 710

46-й Линейный полкъ почти совершенно истребленъ.

48-й Линейный полкъ:

Офицеровъ 19
Рядовыхъ 696

72 й Линейный полкъ потерялъ:

Офицеровъ 11
Рядовыхъ 563

Третій корпусъ Маршала Нея потерялъ:

Бригадныхъ Генераловъ . . 2
Офицеровъ Генеральнаго Штаба 3
Полковниковъ 4
Баталіонныхъ Командировъ . 9
Офицеровъ 193
Нижнихъ чиновъ 2,690

Итого въ сраженіи $\frac{9}{21}$ Августа: .

Дивизіонныхъ Генераловъ убито 1
Бригадныхъ убито и ранено . 4
Офицеровъ Генеральнаго Штаба 8

Полковниковъ	17
Офицеровъ	316
Нижнихъ чиновъ	8,422

Въ обоихъ же сраженіяхъ подъ Смоленскомъ $\frac{7}{19}$ и $\frac{9}{21}$ Августа Французская армія потеряла убитыми и ранеными:

Дивизіонныхъ Генераловъ . .	2
Бригадныхъ Генераловъ . . .	14
Офицеровъ Генеральнаго Штаба	11
Полковниковъ	28
Подполковниковъ	23
Офицеровъ	718
Рядовыхъ.	22,012

Съ отступленія Французской арміи изъ Смоленска были токмо нѣкоторыя сшибки между ея авангардомъ и арріергардомъ Россійской арміи).

111-й Легкій пѣхотный полкъ, составлявшій $\frac{\text{24 Августа}}{\text{5 Сентября}}$ авангардъ 1-го корпуса Французской арміи, атаковавъ слишкомъ горячо Россійской арріергардъ, былъ разбитъ Кирасирскимъ полкомъ съ потерею:

Пушекъ 4

Зарядныхъ ящиковъ 4

Штабъ-Офицеровъ. 3

Оберъ-Офицеровъ 21

Рядовыхъ. 1,300

Французская армія съ $\frac{9}{21}$ Августа по $\frac{\text{24 Августа}}{\text{5 Сентября}}$ потеряла:

Бригадныхъ Генераловъ . . . 1

Полковниковъ 2

Эскадронныхъ Командировъ . 3

Баталіонныхъ Командировъ . . 6

Офицеровъ Генеральнаго Штаба 3

Офицеровъ разныхъ чиновъ. . 45

Нижнихъ чиновъ 4,341

СРАЖЕНІЕ ПОДЪ БОРОДИНЫМЪ.

$\frac{\text{26 Августа.}}{\text{7 Сентября.}}$

Въ сраженіи семъ находились слѣдующіе корпусы: Первый корпусъ Маршала Даву,

Князя Екмильскаго.

Третій корпусъ Маршала Нея, Дюка Елшинскаго.

Четвертый корпусъ (Италіянская армія), подъ предводительствомъ Принца Евгенія, Вице-Короля Италіянскаго.

Пятый корпусъ, подъ начальствомъ Маршала Жюно, Дюка д'Абрантесъ.

Шестый корпусъ (Польская армія), подъ начальствомъ Князя Понятовскаго.

Седьмый корпусъ, подъ предводительствомъ Генерала Графа Ренье.

Императорская гвардія пѣшая, подъ предводительствомъ Маршаловъ: Дюка Конеліянскаго (Монсея) и Дюка Тревизскаго (Мортье), была въ резервѣ.

Португальскій легіонъ,
Два Иллирійскіе полка,
Гишпанскій полкъ, } подъ начальствомъ Генерала Куріала.

Дивизія гвардейскихъ конно-егерей и уланъ (lanciers), подъ начальствомъ Генерала Гулліома.

Драгуны Императорской гвардіи, подъ начальствомъ Генерала Сен-Сюплиса.

Легкая конница и жандармы Императорской гвардіи, подъ начальствомъ Маршала Дюка Истрійскаго (Бессіера).

Пять дивизій легкой кавалеріи (гусаръ и конно-егерей), подъ начальствомъ Генерала Монбрюна.

Три драгунскія дивизіи, подъ начальствомъ Генерала Графа Коленкура.

Четыре кирасирскія дивизіи, подъ начальствомъ Генерала Графа Нансути.

Бригада конныхъ-карабинеръ, подъ начальствомъ Генерала Ла-Франса.

Четыре дивизіи Польскихъ, Саксонскихъ, Вестфальскихъ и Французскихъ уланъ, подъ начальствомъ Генерала Себастіани.

Три дивизіи Конфедератской кавалеріи, составлявшихъ резервный корпусъ, подъ начальствомъ Генерала Ле-Туръ Мобургъ.

Большой артиллерійской паркъ Императорской гвардіи 150 пушекъ, подъ начальствомъ Генерала Графа д'Ебле.

Резервный паркъ 160 орудій.

Два полка конной артиллеріи со 136 орудіями.

Итого въ Бородинскомъ сраженіи было:

Пѣхоты	143,100
Кавалеріи	33,000
Конной артиллеріи	2,000
Пѣшихъ канонеръ	2,500
Всего же	180,500

NB. Вся кавалерія была подъ предводительствомъ Неаполитанскаго Короля.

ПОТЕРЯ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМІИ ВЪ БОРОДИНСКОМЪ СРАЖЕНІИ УБИТЫМИ И РАНЕНЫМИ:

Первый корпусъ:

Дивизіонныхъ Генераловъ . .	5
Бригадныхъ Генераловъ . . .	7
Полковниковъ	11
Баталіонныхъ Командировъ . .	19
Офицеровъ Генеральнаго Штаба.	13
Штабъ и Оберъ-Офицеровъ. .	180
Нижнихъ чиновъ	10,219

Третій корпусъ:

Дивизіонныхъ Генераловъ . .	3

Бригадныхъ Генераловъ . . .	5
Полковниковъ	9
Маіоровъ	2
Баталіонныхъ командировъ . .	15
Офицеровъ	131
Нижнихъ чиновъ	8,781

Четвертый корпусъ:

Дивизіонныхъ Генераловъ . .	2
Бригадныхъ Генераловъ . . .	5
Полковниковъ	8
Маіоровъ	3
Баталіонныхъ Командировъ . .	11
Офицеровъ	159
Нижнихъ чиновъ	10,640

Пятый Корпусъ:

Дивизіонныхъ Генераловъ . .	1
Бригадныхъ Генераловъ . . .	2
Полковниковъ	3
Маіоровъ	2
Офицеровъ Генеральнаго Штаба.	1
Баталіонныхъ Командировъ . .	5
Офицеровъ	114
Нижнихъ чиновъ	5,600

Шестый корпусъ:

Дивизіонныхъ Генераловъ . .	1

Бригадныхъ Генераловъ . . .	2
Полковниковъ	7
Маіоровъ	1
Баталіонныхъ Командировъ . .	11
Офицеровъ	141
Нижнихъ чиновъ	6,000

Седьмый корпусъ:

Бригадныхъ Генераловъ . . .	3
Полковниковъ	4
Маіоровъ	1
Баталіонныхъ Командировъ . .	7
Офицеровъ Генеральнаго Штаба .	3
Офицеровъ	113
Нижнихъ чиновъ	4,964

Португальскій легіонъ, Гишпанской полкъ и два Иллирійскіе:

Баталіонныхъ Командировъ . .	3
Маіоровъ	1
Офицеровъ	66
Нижнихъ чиновъ	1,236

Легкая кавалерія:

Главнокомандовавшій оною убитъ	1
Бригадныхъ Генераловъ . .	2

Полковниковъ	5
Эскадронныхъ Командировъ .	9
Офицеровъ	193
Нижнихъ чиновъ.	7,339

Драгунскіе полки:

Командовавшій ими Генералъ убитъ.	1
Бригадныхъ Генераловъ . .	1
Полковниковъ	2
Эскадронныхъ Командировъ .	5
Офицеровъ	64
Нижнихъ чиновъ	1,364

Бригада конныхъ карабинеръ:

Начальствовавшій оною Генералъ тяжело раненъ	1
Полковниковъ	1
Эскадронныхъ Командировъ .	2
Офицеровъ	15
Нижнихъ чиновъ	125

Кирасирскія дивизіи:

Командовавшій ими Генералъ раненъ	1
Бригадныхъ Генераловъ. . .	1
Полковниковъ	2

Маіоровъ	2
Эскадронныхъ Командировъ .	5
Офицеровъ	53
Нижнихъ чиновъ	1,124

Дивизій улановъ (lanciers).

Командовавшій оными Генералъ раненъ	1
Бригадный Генералъ. . . .	1
Полковниковъ	2
Эскадронныхъ Командировъ .	5
Офицеровъ	95
Нижнихъ чиновъ	493

Три дивизіи резервной кавалеріи:

Бригадныхъ Генераловъ . .	1
Полковниковъ	1
Маіоровъ.	1
Эскадронныхъ Командировъ .	3
Офицеровъ	19
Нижнихъ чиновъ	311

Конная артиллерія:

Полковниковъ	1
Эскадронныхъ командировъ .	2
Офицеровъ	13
Нижнихъ чиновъ	544

Пѣшая артиллерія:

Полковниковъ	1
Маіоровъ.	1
Баталіонныхъ Командировъ. .	1
Офицеровъ	11
Рядовыхъ	345

Итого въ Бородинскомъ сраженіи убито и ранено у непріятеля:

Дивизіонныхъ Генераловъ . .	17
Бригадныхъ Генераловъ . . .	29
Полковниковъ . , ...	57
Маіоровъ	14
Баталіонныхъ и Эскадронныхъ Командировъ.	105
Офицеровъ Генеральнаго Штаба	17
Офицеровъ	1,367
Нижнихъ чиновъ, (полагая взятыхъ въ плѣнъ и безъ вѣсти пропавшихъ).	50,876

СПИСОКЪ ЗНАЧУЩИМЪ ГЕНЕРАЛАМЪ, УБИТЫМЪ И РАНЕНЫМЪ ВЪ СРАЖЕНІИ ПРИ БОРОДИНѢ.

Дивизіонные Генералы:

Графъ Монбрюнъ, командовавшій легкою кавалеріею, раненъ будучи при началѣ сраженія, умеръ нѣсколько часовъ спустя.

Графъ Коленкуръ, начальствовавшій драгунскими дивизіями, умеръ на полѣ сраженія отъ ранъ.

Генералъ Графъ Годенъ убитъ.

Генералъ Графъ Дезе (Dessaix), } ранены.
Генералъ Графъ де Дрю.

Генералъ Ле-Гранъ убитъ.

Генералъ Графъ Фріанъ, новопожалованный Главнокомандующій гвардейскихъ гренадеръ, начальникъ 1-й дивизіи 1-го корпуса, умеръ отъ ранъ.

Генералъ Беллуа (Belloy), командовавшій артиллерійскимъ корпусомъ, тяжело раненъ.

Генералъ Графъ Федерикъ, } убиты.
Генералъ Маріонъ.

Генералъ Ромене, начальникъ Генеральнаго Штаба, корпуса Маршала Даву, убитъ.

Генералъ Ла-Франсъ, Графъ Кампанъ, Графъ Нансути, Генералъ д'Алтонъ, Графъ Себастіани, Графъ Груши.	тяжело ранены.

Генералъ Графъ Дессоль, начальникъ Генеральнаго Штаба 4-го корпуса, раненъ тяжело.

Маршалъ Даву раненъ легко въ пятку.

Подъ Принцомъ Евгеніемъ убита лошадь.

И т о г о въ Бородинскомъ сраженіи:

Дивизіонныхъ Генераловъ	убито .	10
	ранено .	7
Бригадныхъ Генераловъ	убито . .	15
	ранено . .	14
Всѣхъ же Генераловъ	убито . . .	25
	ранено. . .	21

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ПРИЛОЖЕНІЯ

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS
DOBBS BROS.
LIBRARY BINDING
APR 15
ST. AUGUSTINE
FLA.

